

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 3 том - «Анжелика и король»
Перевод: с фр. П. Трануа
Издательство: СПб.: ПТФ «Ореол», 1992г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ДВОР

Глава 1

Анжелика лежала на кровати в полудреме. Сон не шел к ней, ее воображение было слишком воспламенено грезившимися перспективами. Она чувствовала себя взволнованно и радостно, точно девчушка накануне Рождества. Два раза она поднималась и зажигала свечи, чтобы полюбоваться на разложенные на сдвинутых креслах нарядные туалеты, приготовленные для завтрашнего выхода ко двору. Завтра начнется королевская охота, а вечером будет дан бал.

Она попросила своего портного сшить ей кафтан из серого бархата. К нему была приготовлена мушкетерская фетровая шляпа с белоснежными страусиными перьями. Но что сильнее прочего вызывало восторг Анжелики, таю это ее новый галстук. Это была совсем новая деталь парижской моды, с помощью которой она собиралась привлечь к себе внимание кавалеров и разжечь любопытство придворных дам. Галстук представлял собой крупный лимонный бант, украшенный мелким жемчугом. Больше всего он походил на легкую бабочку. Выбор галстука занял у нее немало времени. Стоя перед зеркалом, Анжелика сменила, по крайней мере, с десятков различных образцов ил тех, что принес ей портной. Она была убеждена в том, что женщине не очень к лицу жесткий воротник от охотничьего кафтана и что нужно скрыть его украшением из яркой ленты. И теперь она была вполне удовлетворена нежным светлым бантом, который будет красоваться у нее под подбородком.

Чтобы справиться с бессонницей, она решила позвать служанку и попросить у нее отвар вербены. Ей надо было погрузиться в сон хотя бы на несколько часов, так как завтрашний день обещал быть тяжелым. Генеральная встреча была назначена на конец утра в лесу Фоссе-Репоз. Как и всем приглашенным, которые должны отправиться из Парижа, Анжелике предстояло выехать рано, чтобы успеть в назначенный час. Ей хотелось встретить экипажи, выехавшие из Версаля, на Бычьем Перекрестке. В этом месте, расположенном в глухом лесу, находились конюшни, куда господа заранее отправляли своих лошадей; животные, таким образом, оставались свежими к решающему гону. Сегодня Анжелика отправила туда в сопровождении двух лакеев свою любимую кобылу Серезу, чистокровную испанскую лошадь, за которую она отдала тысячу пистолей.

Она снова оделась и зажгла свечи.

Решительно, ее праздничный туалет был выше всякой похвалы.

Темно-розовое бальное платье, украшенное перламутровыми цветами, казалось ей изумительным. В качестве украшения Анжелика избрала розовый жемчуг. Из него будут состоять серьги, ожерелье и диадема, которую она укрепит в волосах. Она приобрела украшения у знакомого ювелира, которому отдавала предпочтение, так как он рассказывал ей о теплых морях, откуда начинал свой путь жемчуг, чтобы, пройдя сложную цепочку торговцев, через руки греков, арабов или венецианцев попасть в ювелирные магазины Парижа. Этот ловкий коммерсант во много раз завышал стоимость своего товара, благодаря умению сделать в глазах покупателя каждую жемчужинку раритетным экземпляром, который достоин украсить лишь божественное одеяние. Анжелика легко попадалась на эту удочку и никогда не жалела об истраченных деньгах. Она с восхищением любовалась изящными украшениями, уложенными в оклеенные бархатом коробочки.

Ей нравились изысканные и дорогие вещицы, нравилось рассматривать их на витринах и покупать их. Эта жажда приобретения стала как бы реваншем за годы, проведенные в нищете. Какое счастье, что бедность отступила рано и у молодой женщины есть еще возможность украсить себя дорогими украшениями, платьями, окружить себя роскошной мебелью, дорогими обоями, изящными безделушками. Как приятно делать покупки в самых престижных магазинах!

Конечно, она дорого платила за выбранное, но зато вещь доставляла ей истинное наслаждение, попадая к ней в дом. И уж ни в коем случае ее покупки не были растратами беспутной или пресыщенной женщины.

Ей больше не были присущи легкомыслие и простодушие, и в то же время душа ее не оказалась иссушенной. Наоборот, Анжелика ощущала себя молодой и уравновешенной дамой.

У нее было значительно больше опыта, чем у окружающих ее сверстниц, и гораздо больше простоты в манерах. Она совсем по-детски ожидала грядущих торжеств, приемов, развлечений. Когда тебе уже не угрожает голод, стоит ли вечно думать о куске хлеба? И, если ты когда-то бродила босиком по мостовым, а теперь можешь позволить себе покупать самые дорогие украшения, разве не вправе ты считать себя счастливейшей женщиной на свете?

Анжелика снова задула свечу и завернулась в шелковое одеяло. Потянувшись, она подумала: «Как замечательно быть богатой, красивой, молодой!..»

Она хотела добавить: «И обожаемой», но в этот момент вспомнила о Филиппе и слегка нахмурилась.

Мысль о нем заставила ее глубоко вздохнуть.

«Филипп!»

Он продолжал относиться к ней все с тем же презрением. Вот уже два месяца, как она стала маркизой дю Плесси-Белльер, но он не переменял своего отношения к ней, ставя ее, таким образом, в чрезвычайно неловкое положение перед двором, не говоря о самом короле.

На следующий день, после того, как Анжелика была представлена перед королем в Версале, двор перебрался в Сен-Жермен. Анжелика намеревалась регулярно появляться перед Людовиком Четырнадцатым, а для начала сочла естественным переехать в дом своего мужа на улице Сен-Антуан. Но, когда она после долгих раздумий решилась явиться туда, двери перед ней захлопнулись. Швейцар заявил ей, что господин маркиз сопровождает короля и что он не оставляет распоряжений относительно своей жены. Молодой женщине пришлось возвращаться в собственный дом на улице Ботрейн, приобретенный ею недавно. Она стала ждать приглашения короля, которое позволило бы ей занять прочное место при дворе. Но приглашения все не следовало, и Анжелика начала проявлять беспокойство, как вдруг ее подруга госпожа де Монтеспан, встретив ее у Нинон, сообщила:

— Что с вами произошло, моя дорогая? Вы потеряли рассудок? Вы пренебрегаете уже третьим приглашением короля. Один раз у вас была лихорадка, другой раз вас мучил желудок, и наконец на вашем носу вскочил прыщ, и вы стеснялись появиться во дворце. Весьма сомнительные отговорки. Разве вы не знаете, как король не любит слабых здоровьем? Вам это не пройдет безнаказанно, берегитесь.

Так Анжелика узнала о том, что ее муж не только не передает ей приглашения короля, но и старается выставить ее в невыгодном свете перед сувереном.

— Считайте, что я вас предупредила, — заключила госпожа де Монтеспан. — И знайте вот еще что: я собственными ушами слышала, как король сказал маркизу дю Плесси, что он желает, чтобы вы приняли участие в охоте, которая начнется в среду, «И передайте ей, — с иронией добавил Его Величество, — что если ее здоровье настолько слабо, я письменно порекомендую ей оставить столицу и отправиться в провинцию». Другими словами, вы на грани того, чтобы впасть в немилость, моя дорогая.

Анжелика сначала испугалась, потом разозлилась. Раздумывала она недолго. У нее еще было время исправить ситуацию. Она самостоятельно приедет на место сбора и поставит Филиппа перед фактом, а если король

соблаговолит задать ей вопросы по поводу ее длительного отсутствия, она выложит ему всю правду. У Филиппа не хватит смелости вступить с ней в спор в присутствии Его Величества.

В строжайшей тайне она начала готовить наряды для охоты и балов, а также экипаж и лошадь для верховой езды. Она сделала все возможное, чтобы только ее муж не узнал о ее намерении перехитрить его.

За окном уже светлело небо, а она так и не сомкнула глаз. Анжелика сделала последнее усилие, чтобы, закрыв глаза, заставить себя ни о чем не думать и заснуть. Мало-помалу сон мягко овладел ею.

Внезапно ее комнатная собачонка Ариус, свернувшаяся на коврике около кровати, зашевелилась, фыркнула и залилась тьяканьем. Анжелика подхватила ее и прижала к себе. Она прикрыла Ариуса одеялом и приказала замолчать. Но маленькая зверюшка не унималась, она продолжала рычать и тьякать. На несколько мгновений она притихла, чтобы прислушаться, не затем снова грозно взвизгнула.

— Что случилось, Ариус? — немного испугавшись, спросила молодая женщина. — На кого ты лаешь? Тебя беспокоят мыши?

Она зажала его маленькую пасть, чтобы самой иметь возможность прислушаться. Сначала она не могла ничего различить, но потом легкий звук, источник которого она не смогла определить, донесся из соседних комнат. Он напоминал шуршание твердого предмета о полированную поверхность. Ариус недовольно заурчал.

— Спокойно, пес, спокойно! — прошептала Анжелика.

Ей так и не удастся заснуть сегодня! Ее разгоряченное воображение донесло до нее безрадостную картину: как темной ночью руки парижских воров, одетые в черные перчатки, шарят по стеклу, примериваясь рассечь его твердым алмазом.

Ее ушей достиг стук чьего-то прыжка. Да, ей не послышалось, звук шел со стороны окна. Воры!

Сердце ее стучало так сильно, что она слышала уже только его удары. Ариус вырвался из ее рук и с лаем метнулся в темноту. В это же мгновение ей показалось, что кто-то проник в ее комнату. Она слышала, как стукнуло окно. «Они» были в доме!

— Кто здесь? — крикнула бедная женщина из последних сил.

Все звуки заглушал пронзительный лай Ариуса, но Анжелика почувствовала, что кто-то уже стоял вблизи от ее алькова.

«Мой жемчуг!» — пришло ей в голову объяснение случившегося.

Она протянула руку к ночному столику и схватила в пригоршню украшения. Почти в то же мгновение ее обволокло собственное одеяло.

Чьи-то неумолимые руки обхватили ее и стиснули, не давая возможности пошевелиться. Кто-то другой уже обматывал одеяло веревкой. Она попыталась закричать через плотную ткань. На несколько секунд ей удалось набрать воздуха и, освободив лицо от одеяла, крикнуть:

— На помощь! На по...

Твердые пальцы впились в ее шею и перехватили горло. Она задыхалась и не могла расцепить их. Красные круги поплыли перед глазами, чьи-то голоса зазвенели вдали.

«Сейчас я умру, — подумала Анжелика. — Меня задушат воры! Как глупо... слишком глупо!.. Филипп!.. Филипп!..»

С этими мыслями она потеряла сознание.

Глава 2

Придя в себя, молодая женщина почувствовала, как какой-то предмет выскользнул из ее пальцев и упал на пол, издав слабое бряцание.

«Жемчуг!»

С усилием шевельнувшись, она пододвинулась к краю лежанки, на которой обнаружила себя, и заметила поблескивание розоватых шариков. Должно быть, она так и держала их зажатыми в пальцах, когда ее принесли сюда, в это незнакомое место.

Анжелика взгляделась в темноту. Она лежала в небольшой комнате, напоминающей келью. В нише тускло горела лампада. В ее отсвете было хорошо видно, как через небольшое зарешеченное окно под потолком в комнату заползал туман. Из мебели здесь стоял еще громоздкий стол и табурет на трех ножках. Анжелика лежала на жестком матрасе из конского волоса.

«Где я? Кто меня похитил? Что им от меня нужно? Когда меня выпустят?»

У нее не забрали жемчуг. Веревки с нее сняли, но одеяло было прежнее. На Анжелике оставалась также ее ночная рубашка из розового шелка.

Она нагнулась, подобрала колье и спрятала его под подушку.

Снаружи раздался нежный перезвон колоколов. Взгляд Анжелики остановился на небольшом деревянном кресте, украшенном веточкой какого-то растения.

«Монастырь! Я в монастыре!..»

Прислушавшись, она уловила далекое пение псалмов, по которому можно было предположить близкую обедню.

«Что все это значат? О боже! Как болит горло! Меня душили в спальне...»

Она оставалась какое-то время в нерешительности, пусто глядя перед собой и стараясь подробно вспомнить все, что с ней произошло накануне.

Как вдруг в коридоре раздались размеренные шаги, которые заставили ее встрепенуться. Шаги мужчины. Может быть, это ее похититель. Ну что ж, по крайней мере, это поможет прояснить дело, Она по старой привычке не боялась бандитов. Ей ничего не стоит упомянуть в беседе, что среди ее покровителей есть и король всех бедняков Деревянный Зад.

Кто-то остановился около двери. Повернулся замок, в человек вошел в

комнату. Увидев вошедшего, Анжелика от изумления не могла произнести ни слова.

— Филипп!

Она ожидала увидеть кого угодно в этом удаленном монастыре, но только не своего мужа. За два последних месяца, как они оба находились в Париже, он ни разу не нанес ей визита, даже просто вежливого.

— Филипп! — повторила она. — О Филипп, какое счастье! Вы пришли мне на помощь?..

Но что-то леденящее и отпугивающее во взгляде молодого дворянина остановило порыв, в котором она хотела броситься к нему.

Он остановился возле двери. На нем были высокие сапоги из белой кожи и великолепный камзол из серой замши, отороченный серебром. Светлые кудри его падали на кружевной воротник. Серая шляпа с белыми перьями завершала его великолепный наряд.

— Как вы себя чувствуете, мадам? — спросил он. — Ваше здоровье, я надеюсь, в порядке?

Можно было подумать, что он встретил ее не в бедственном положении, а в светском салоне.

— Я... Я не знаю, что со мной приключилось, Филипп, — пробормотала Анжелика в полном смятении, — Ночью на меня напали в моем доме... А потом связали и принесли сюда. Вы не могли бы объяснить мне, какой негодяй совершил это?

— Охотно, мадам. Это сделал ля Виолетт, мой первый слуга, которому я вполне доверяю.

— Но...

— По моему распоряжению, — поспешно добавил маркиз. Анжелика вздрогнула. Дело прояснилось.

Босиком, в ночной рубашке, она подбежала к окну и схватила стальные прутья. Раннее летнее солнце поднималось над деревьями. Охотникам во главе с королем повезло с погодой... Но мадам дю Плесси-Белльер снова не сможет предстать перед двором.

Она обернулась вне себя от злобы.

— Вы сделали это, чтобы помешать мне появиться на охоте?

— Вы очень понятливы!

— Разве вам неизвестно, что король не простит моего отсутствия и заставит убраться в провинцию?

— Именно эту цель я и преследую.

— О!.. Вы ужасный человек!

— Правда? Так знайте, что вы не первая женщина, которая утверждает

это. Но мне доставляют удовольствие такие изысканные комплименты.

Филипп улыбнулся. Гнев этой женщины был приятен ему.

— Не такой ужасный, впрочем, если учесть мои благие намерения, — прибавил он. — Я запер вас в монастыре, чтобы вы могли с помощью молитв прийти к смирению и праведности. Да поможет вам Бог, сударыня!

— Сколько времени вы собираетесь держать меня в заточении?

— Посмотрим!.. Посмотрим. По меньшей мере, несколько дней. Это я вам обещаю.

— Филипп, я... Мне кажется, я ненавижу вас!

Он улыбнулся еще шире, обнажив свои превосходные зубы.

— Мне так нравится наблюдать за вашим возмущением! Только ради этого зрелища уже стоит похищать вас и прятать в келье.

— Вы называете это похищением? Да вы просто бандит! И подумать только, что до последней минуты я звала вас на помощь!

Филипп перестал улыбаться и сдвинул брови. Он подошел к ней и стал разглядывать темные следы от пальцев на ее шее, которые душили ее.

— Черт побери! Кажется, он немного перестарался. Но вы, я полагаю, уступили не без боя.., А этот парень не мог не выполнить мое приказание. Поверьте, что я все же велел ему провести операцию как можно мягче. Не волнуйтесь, в следующий раз он будет менее жесток.

— Часто вы собираетесь практиковать подобные свидания?

— До тех пор, пока вы полностью не покоритесь мне. До тех пор, пока вы не склоните передо мной покорно голову и не скажете, что готовы слушать мои распоряжения. Вам известно, что я первый егеря короля и привык сбивать спесь со строптивых псов. И всегда это кончается тем, что они лизут мне руки.

— Я предпочитаю умереть, чем выполнить это, — твердо произнесла Анжелика. — Лучше убейте меня.

— Нет. Я предпочитаю получить вас.

Он посмотрел на нее пристально, и Анжелика опустила глаза. Ее ожидало жестокое противоборство.

— Скажите, маркиз, каким образом вы решили заставить меня покориться?

— О, у меня достаточно средств, мадам! — весело сказал Филипп. — Например, заточить вас надолго в этой келье. Вам не помешает длительный отдых вдали от столичной суеты? Или же... я мог бы забрать у вас сыновей.

— Вы не сделаете этого.

— Почему бы не сделать? Я могу, кроме того, морить вас голодом, не

давать пить. Да мало ли!..

— Вы несете чушь, господин, — услышал он в ответ. — Своей судьбой распоряжаюсь я одна.

— Так было с вами раньше. Теперь вы моя жена, и я имею полную власть над вами. Я найду способ воздействовать на вас, не сомневайтесь... Не только сломить вас, но и перевести на свое имя ваши деньги. Вот так!

— Я буду защищаться, можете не сомневаться в свою очередь.

— Кто вступится за вас? У вас хватило ловкости завоевать расположение короля, я признаю это. Но боюсь, что после сегодняшнего отсутствия на охоте вы безвозвратно потеряете его. Итак, я оставляю вас здесь, иначе сам опоздаю на сборы. Вы ничего не хотите сказать мне напоследок?

— Отчего же! Хочу сказать, что презираю вас всеми силами души!

— Это только начало. Придет день, когда вы будете умолять меня о смерти, лишь бы избавить себя от моего гнета.

— Что вам даст это?

— Удовольствие в успокоение местию. Вы одержали верх надо мной, но это было лишь началом военных действий. Теперь настал мой черед лицезреть ваши слезы, слушать крики о пощаде, наблюдать, как вы из надменной превращаетесь в трепещущую, изможденную, почти безумную.

Анжелика пожала плечами.

— Вам не откажешь в лихости. Не удивлюсь, если вы устроите здесь комнату для пыток с прижиганием ступней раскаленным железом, дыбой, отсечением конечностей!

— Нет, я не буду заходить так далеко. Не стану скрывать, что мне нравится ваше тело и я не стану портить его.

— Действительно? Мне не могло и в голову прийти такое. Во всяком случае вы этого ничем не выдавали.

Филипп, который уже находился у двери, обернулся. Глаза его были слегка прищурены.

— Я слышу нечто вроде жалобы, мадам? Какая неожиданность. Вот чего вам не хватало! Свидетельства того, что я очарован вами! Неужели вам не хватило огромного количества любовников, что вы требуете от мужа утolenия своего тщеславия? Если учесть, что в свадебном контракте вы заставили поставить пункт о соблюдении супружеских обязанностей...

— Оставьте меня, Филипп, — поспешила сказать Анжелика, увидев, что он приближается к ней.

Она почувствовала себя перед ним незащищенной, словно кролик перед удавом.

— Чем дальше я на вас смотрю, тем меньше мне хочется уходить, — сказал он.

Он подошел к ней вплотную. Внезапно дрожь пробежала по телу Анжелики, и она разразилась прерывистым рыданием.

— Оставьте меня. О, умоляю вас, оставьте меня.

— Что за наслаждение слышать, как вы умоляете о чем-то!

Он взял ее за талию, поднял в воздух, как пушинку, и перенес на волосяной матрац.

— Филипп, вы забыли, что мы находимся в монастыре!

— Что из того? Вы полагаете, что пара часов, проведенных в святой обители, очистила вас от распутства? Не стоит заблуждаться. Не говоря о том, что мне всегда доставляло особое удовольствие насилловать монашек.

— Вы самый отвратительный человек, каких я когда-либо встречала!

— Однако ваш любовный лексикон не так уж нежен, — заметил он, стаскивая с нее ночную рубашку. — Неужели так теперь принято выражаться в салоне прекрасной Нинон? Но меня это не шокирует, мадам. Как хорошо, что мне пришлось вспомнить о свадебной контракте. Вы сейчас убедитесь, что я выполняю все его условия.

Анжелика закрыла глаза. Она не сопротивлялась, зная по опыту, чего это может стоить. Неподвижно в безропотно прядется вынести это наказание. Ее постигла участь нелюбимых жен, которым остается вспоминать своих любовников или находить утешение в молитвах.

Она сама хотела, чтобы он женился на ней. По своей вине ей приходится сегодня прикусывать в смятении губы, но изменить ничего уже нельзя. Ей следовало получше узнать человека, который стал ее обладателем. Для этого жестокого военного женщина была всего лишь предметом удовлетворения его разнузданных плотских желаний.

Это был, тем не менее, очень сильный противник, в руках которого поздно думать о том, как бы перехитрить его. Он привык действовать незамедлительно, решительно, по-военному, чему научился на полях сражений, где не оставалось места для сентиментальности.

Однако в момент, когда он готов был наброситься на нее, Филипп задержал руку и коснулся пальцами шеи молодой женщины в том месте, где грубые пальцы его слуги оставили синие пятна. Эта заминка напоминала чем-то внимательность, но Анжелика не успела запомнить эту деталь.

Вот он выпрямился и окинул ее суровым взглядом.

— Ну вот, моя красавица, теперь вы стали умнее, я полагаю. Скоро вы совсем исправитесь. А пока что я желаю вам счастливо провести время за

этими надежными стенами. Если пожелаете, то можете рыдать или звать на помощь, но вас никто не услышит и не выпустит отсюда. Служительницы будут приносить вам еду, но им запрещено выпускать вас из кельи. Как известно, это самая лучшая стража. Ведь вы не единственная узница этого монастыря. Итак, всех благ вам, мадам! Быть может, под вечер вы услышите рог с королевской охоты. Я прикажу протрубить специально для вас.

Он вышел, и смех его оборвался за тяжелой дверью. Он смеялся только в том случае, когда мстил.

Глава 3

После его ухода Анжелика долго оставалась неподвижной, закутавшись в тяжелое одеяло, от которого исходил мужской запах жасминовых духов и новой кожи. Она чувствовала себя усталой и опустошенной. Ночные потрясения усугубились отвратительной встречей с ее мужем. Обессиленная, она лежала неподвижно, давая возможность своему телу набраться сил. Внезапная тошнота подступила к горлу, она боролась с ней некоторое время, покрывшись потом, затем откинулась на ложе и закрыла глаза. Ее охватила полнейшая слабость. Это были те же симптомы, которые она испытывала вот уже месяц, но на которые закрывала глаза. Но теперь стало очевидным, что та ужасная свадебная ночь в Плесси, о которой она не могла вспомнить без стыда, принесла свои плоды.

Она была беременна, она ждала ребенка от Филиппа, от человека, который ее ненавидел и который поклялся отомстить ей и угнетать до тех пор, пока она не помутится рассудком.

С минуту Анжелика, почувствовав прилив сил, искала путь для продолжения борьбы. Но глаза ее слипались. Надо было выспаться, чтобы обрести свежесть.

«Не время спать, — подумала молодая женщина. — Потом будет поздно. Если король разгневется из-за моего отсутствия, мне никогда уж не попасть в Версаль и даже в Париж.»

Она поднялась с ложа и подошла к массивной деревянной двери. Сгоряча она стала стучать в нее кулаками и звать на помощь:

— Откройте! Выпустите меня!

Лучи восходящего солнца проникли в келью через зарешеченное оконце. Сейчас в назначенном месте собираются экипажи, свозящие приглашенных для королевской охоты. Опоздавшие только выезжают из города через ворота Сен-Оноре. Одна Анжелика обречена сидеть на месте и безропотно ждать своей участи.

«Я должна быть там! Мне надо попасть на охоту! Если король не увидит меня, я пропала. Только король может заставить Филиппа оставить меня в покое. Я должна присоединиться к охоте во что бы то ни стало!»

Тут она вспомнила, что, прощаясь с ней, Филипп упомянул о том, что она услышит вечером сигнал охотничьего рога. Значит, монастырь, где ее спрятали, расположен в окрестностях Версаля! Если она выберется отсюда,

то еще сможет успеть на охоту!

Внимательно обследовав келью, она не нашла способа, с помощью которого можно было бы преодолеть неприступные запоры.

Но скоро из-за двери донесся стук деревянных башмаков. Анжелика с надеждой прислушалась и поспешила снова забраться под одеяло и притвориться спящей.

Тяжелый ключ повернулся в замке, и на пороге появилась молодая женщина. Она не была послушницей. На голове неуклюже сидел большой чепец, в руках она держала поднос.

Пробормотав «Доброе утро», она, бесцеремонно гремя посудой, стала составлять на табурет содержимое подноса. Еда была скудной: кувшин с водой, миска, откуда шел слабый запах чечевицы с салом, и кусок круглого хлеба.

Анжелика сквозь ресницы наблюдала за служанкой. Возможно, это единственный человек, с помощью которого она будет поддерживать контакт с внешним миром. Женщина не казалась ей грубой крестьянкой, которые приходят обычно прислуживать в монастыре. В отличие от них она была стройна и даже красива, на лице ее горели недобрым огнем крупные глаза, а манера покачивать бедрами под крестьянской юбкой легко указывала на ее прошлое ремесло. Когда от неловкого движения с подноса упала ложка, женщина процедила сквозь зубы знакомое Анжелике ругательство. Без всякого сомнения, перед ней была одна из подданных его величества Великого Коэсра, короля нищих.

— Привет, милашка, — сказала Анжелика.

Женщина резко обернулась и уставилась удивленными глазами на Анжелику, которая показывала ей опознавательный знак, которым пользовались в воровском мире.

— Ну-ка... Ничего себе!.. — стараясь справиться с охватившим ее изумлением, бормотала служанка. — Ты сказала... Меня предупредили, что ты настоящая маркиза... Так что же, ты попалась в лапы этих святош, как и я? Вся эта дрянь никогда не давала нам спокойно работать!

Она присела на край матраца узницы, стянув с головы чепец и завязывая его вокруг шеи.

— Я уже шесть месяцев сижу в этой тюрьме. Черт возьми! Как я рада видеть хоть кого-то из своих! Будет с кем поговорить. В каком квартале ты работала?

Анжелика неопределенно махнула рукой:

— Везде понемногу.

— А кто твой хозяин?

— Деревянный Зад.

— Великий Коэср! А ты не такая простушка! Для начинающей тебе сильно повезло. А то, что ты начинающая, — это точно. Я не встречала тебя раньше. Как тебя зовут?

— Милый Ангел.

— А меня — Воскресенье. Это правда, не удивляйся. Меня прозвали так за особенность моей работы. Я работала только по воскресеньям. Я решила придумать что-то, чтобы отличаться от других, и додумалась до отличной идеи, можешь мне поверить! Все очень просто: я выбирала себе место у церквей. Мужчины, входящие в церковь, чтобы слушать мессу, вспоминали обо мне во время молитвы, и после службы от них отбою не было! У меня было столько клиентов, что я не могла с ними справиться. Ну как могли потерпеть такое святоши? Будто бы весь Париж перестал из-за меня ходить на мессы. Уж они приложили старания, чтобы меня арестовали. Они обращались даже в парламент, чтобы упрятать меня за решетку. Им место в аду, этим святым отцам! Теперь я должна торчать здесь, в монастыре Августин Бельвю. Настал мой черед слушать молитвы. А каким ветром тебя занесло?

— Один мошенник постарался. Хотел наложить на меня лапу. Но я его послала, будь уверена. В другой раз, думала, не ползет... Видишь, куда упрятал меня теперь? Скотина!

— Кругом одни скоты, — вздохнула Воскресенье, поднимая глаза к небу. — Хорош этот твой дружок! Я слышала, как он договаривался о цене с настоятельницей. Он дал за тебя двадцать экю! За меня платили столько же. За такую плату тебя будут кормить одними бобами.

— Мерзавец! — искренне воскликнула Анжелика, задевая за живое последней подробностью.

Найдется ли более низкое существо, чем этот Филипп? И притом скупое. Заплатить за нее, как за уличную девку! Она схватила девушку за руку.

— Послушай! Помоги мне выбраться отсюда. Вот что я придумала: ты дашь мне свою одежду и покажешь, где лучше пройти, чтобы никто не заметил. Может быть, мне удастся незаметно выбраться из монастыря.

— Ничего не выйдет, — возразила та. — Подумай, как я могу помочь тебе выбраться из темницы, откуда не могу выйти сама? Отсюда нельзя бежать.

— Мне это удастся. Ведь монахини знают тебя и сразу же остановят, а меня никто не видел с тех пор, как меня привезли сюда ночью. Одна настоятельница меня видела, но я постараюсь не попасться ей на глаза. А

если меня задержат другие монахини, я наговорю им с три короба Бог весть чего.

— Пожалуй, — согласилась Воскресенье. — Тебя привезли связанную по рукам и ногам, как свиную колбасу. Была глубокая ночь... И тебя отнесли прямо сюда.

— Вот видишь! Значит, у меня есть шанс выскользнуть. Снимай скорее свое платье.

— Не торопись, маркиза, — проворчала девушка, насупившись. — Думаешь только о себе... А что ждет в этой каменной могиле Воскресенье, тебе все равно. Я-то останусь здесь, среди крыс.

— Вот что я дам тебе взамен, подруга, — Анжелика сунула руку под подушку и достала жемчужное ожерелье.

Воскресенье изумленно уставилась на великолепное украшение цвета рассветного неба. Она не смогла сдержать восхищенного вздоха.

— Фальшивое, правда? — нерешительно спросила она, не смея дотронуться до ожерелья.

— Нет, попробуй на вес, не бойся. На, держи, оно будет твое, если ты сможешь мне.

— Не обманешь?

— Даю слово. С этой вещицей ты сможешь быть уверенной в завтрашнем дне. Когда ты выйдешь отсюда, оденешься, как принцесса, и купишь себе дом.

Воскресенье, продолжая восхищаться, переключивала жемчуг с ладони на ладонь.

— Ты решилась наконец?

— Да, решилась. Но у меня есть другая идея, получше твоей. Подожди минутку. Я сейчас вернусь.

Она опустила ожерелье в потайной карман на своей юбке и вышла. Отсутствие ее длилось, казалось, вечность. Затем она бесшумно появилась, неся под мышкой сверток одежды и медный кувшин.

— Меня чуть не сцапала мамаша Ивонна, но я сумела заткнуть ей рот. Поторопись, милая. Скоро начнется дойка коров, и из деревни сюда соберутся молочницы, которые всегда приходят на монастырскую ферму. На, надень этот наряд, который превратит тебя в молочницу. Потом ты возьмешь в руки кувшин и спустишься во двор. Я покажу тебе лестницу, что ведет вниз с голубятни. Во дворе ты смешаешься с другими женщинами, а потом пойдешь вместе с ними к воротам. Но смотри не расплескай молоко, иначе они заподозрят неладное.

План Воскресенья удался без всяких осложнений. Меньше чем через

четверть часа госпожа Плесси-Белльер в деревенской юбке с красно-белой оторочкой, с талией, обхваченной черным корсетом, держа в одной руке огромные деревянные башмаки, в другой — тяжелый кувшин с молоком, брела по пыльной дороге по направлению к Парижу. Город виднелся вдали на спусках, освещенный яркими утренними лучами солнца.

Она поспела к началу раздачи молока во дворе монастыря, где сестры-монахини после дойки продавали молоко крестьянкам, чтобы те несли его на продажу в Париж или его окрестности.

Пожилая монахиня, следившая за порядком, поинтересовалась, откуда появилась новенькая, но Анжелика, напустив на себя чопорный вид, отвечала на все ее вопросы на пуатинском наречии. Воскресенье предусмотрительно дала ей несколько су, чтобы заплатить за молоко.

Теперь, когда главная преграда была преодолена, ей надо было спешить. Она находилась как раз на полпути между Версалем и Парижем. После размышлений она решила, что направиться в таком виде на королевский праздник было бы безумием.

Лучше она вернется в Париж и оденется как следует, запряжет карету и во весь дух полетит на охоту через леса.

Анжелика шла очень быстро, но ей казалось, что цель не приближается. Ее голые ноги уже сбились о камешки дороги, а воспользоваться громоздкими башмаками она не могла.

Только она собралась избавиться от кувшина с молоком, как сзади послышался стук колес и ее нагнала повозка жестянщика. Она побежала навстречу к нему, размахивая руками.

— Подвезите меня до Парижа!

— Садись, красотка. Но только в обмен на поцелуй.

— Не рассчитывайте. Все поцелуи предназначены для моего жениха. Но я отдам вам за услугу этот кувшин с молоком для ваших малышек.

— Ну что ж! Ты такая же рассудительная, как и красивая. Залезай. Лошадь бежала резво. К десяти часам она подвезла телегу к городу.

Жестянщик высадил Анжелику на набережной.

Со всех ног она побежала к своему дому, где швейцар чуть не упал в обморок от удивления, узнав в крестьянской девушке свою хозяйку.

С самого утра домочадцы не могли понять, куда подевалась их госпожа. Их удивление усилилось, когда приехал слуга маркиза дю Плесси-Белльер и беззастенчиво реквизирует всех лошадей и экипажи госпожи.

— Забрать моих лошадей! Все мои кареты! — гневно восклицала Анжелика.

— Да, мадам, — подтвердил интендант Роже.

Он разговаривал с госпожой, опустив глаза, точно она стояла перед ним абсолютно голой.

Наконец Анжелика взяла себя в руки.

— Не имеет значения! Мне поможет кто-нибудь из подруг. Жавотта, Тереза, поторопитесь. Мне нужно много горячей воды. И приготовьте сразу мой охотничий костюм. Да еще велите принести мне глоток хорошего вина.

Когда башенные часы пробили полдень, Анжелика была готова к выезду.

«Представляю себе, что придумает Филипп, чтобы объяснить Его Величеству причину моего отсутствия. Что я вызвала к себе врача и лежала в постели с приступом рвоты... Он на все способен, животное! Теперь, без экипажа, мне не успеть на охоту и к заходу солнца. Проклятый Филипп!»

Глава 4

— Проклятый Филипп! — повторила Анжелика.

Высунувшись в окошко, она с нетерпением смотрела вперед на разбитую дорогу, по которой еле-еле катилась их жалкая карета.

Вокруг был сплошной лес. Корни огромных дубов выглядывали из грязи, как неправдоподобные змеи. Они выглядывали из разбитой колеи и мешали двигаться. Слишком много повозок и лошадиных подков вынесла эта дорога.

— Мы никогда не доберемся до цели, — простонала молодая женщина, поворачиваясь к Филониде де Паражонк, сидящей рядом с ней.

Пожилая женщина поправила веером съехавший набок парик и весело ответила:

— Не теряйте присутствия духа, моя дорогая. Когда куда-нибудь едешь, обязательно доберешься до чего-нибудь.

— Все зависит от того, в каком экипаже ты едешь и торопишься ли, — возразила Анжелика, нервы которой уже не выдерживали. — И если хочешь успеть на королевскую охоту, которая началась шесть часов назад, и рискуешь навсегда впасть в немилость, не очень-то сохранишь присутствие духа. Король никогда не простит меня, если заметит мое отсутствие.

Жестокий удар, сопровождавшийся ужасным треском, опрокинул их друг на друга.

— Чума порази вашу проклятую развалину! — вскричала Анжелика. — Она менее прочна, чем корзина для яблок.

Мадемуазель де Паражонк обиделась:

— Я не буду спорить, что мой экипаж так же роскошен, как ваши кареты, но вы, смею напомнить, сами рассказали мне, что их забрал еще утром ваш муж и отвез неизвестно куда.

Анжелика снова вздохнула.

Как ей не хватало сейчас позолоченного, обитого красным шелком ее личного экипажа! Он мог бы занять достойное место рядом с королевской каретой на дорогах в лесах Версаля.

Она стала мечтать, как появился бы среди знатных приглашенных ее великолепный экипаж, запряженный шестью вороными лошадьми, с тремя лакеями в голубых ливреях и кучером в красных сапогах. Кругом раздался бы шепот:

— Чей этот роскошный экипаж? — Маркизы дю Плесси-Белльер. — Это той, которая?.. — Ее так редко можно увидеть. Муж прячет ее. Он ревнив, как тигр... — Но, говорят, сам король покровительствует ей...

Она так тщательно готовилась к этому решающему дню. Она решила добиться своего во что бы то ни стало.

Мадемуазель де Паражонк презрительно фыркнула, прикрываясь веером.

— Не будучи великой предсказательницей, я все-таки легко читаю ваши мысли. Узнаю ваше решительное выражение, предвещающее решительную схватку. Что за крепость вы собираетесь штурмовать на этот раз? Самого короля? Или вашего мужа?

Анжелика пожала плечами.

— Короля? Это место уже завоевано и тщательно охраняется: законная жена, любовница и кое-кто другой. Что же касается моего мужа, то зачем завоевывать то, что уже принадлежит мне? Кроме того, интересоваться своим супругом — отживший предрассудок.

Старая дева хохотнула:

— Мне кажется, что господин маркиз продолжает тем не менее интересоваться вами, причем самым необычным образом.

Она вдохновенно причмокнула губами:

— Расскажите мне еще раз поподробнее, моя дорогая. Это самая необыкновенная история из тех, что мне доводилось слышать. Так все и было: ни одной лошади в конюшне не оказалось, когда вы собрались ехать в Версаль? И исчезла половина ваших лакеев? И вы ничего не заподозрили, ничего не слышали? О, вы самая необыкновенная женщина нашего времени, моя дорогая!

Новый толчок прервал ее. Жавотта, молодая девушка, которая сидела напротив Анжелики, соскочила с сиденья и налетела на нее, измяв драгоценный бант на шее. От неожиданности Анжелика залепила ей пощечину, и девушка, расхныкавшись, уселась на свое место. С большим облегчением Анжелика хлопнула бы также по напудренному лицу Филониды де Паражонк. Она знала, что та злорадствует по поводу ее опаздывания.

И все же именно к этой своей ворчливой знакомой обратилась Анжелика, когда осталась в безвыходном положении после безобразных выходок Филиппа. Никто другой не мог прийти ей на помощь. Госпожа де Севине уехала в свое имение, Нинон де Ленкло охотно пришла бы на помощь, но ее скандальная репутация шокировала двор, поэтому карета ее была бы тотчас узнана. Из других знакомых Анжелики кто-то был

приглашен, как и она, в Версаль, а тот, кто не был приглашен, из зависти нашел бы предлог для отказа. Оставалась мадемуазель де Паражонк.

Но в Париже Анжелика, и без того изнуренная беспокойством, была вынуждена дожидаться, пока старая дева не наденет свои самые лучшие, но вышедшие из моды наряды, пока ее служанка не завьет снова ее лучший парик, пока не выстирают ливрею ее кучеру, пока не натрут до блеска дверцы ее кареты...

Наконец они тронулись в путь. Но что это была за дорога!

— Что за дорога! — в который раз воскликнула Анжелика, стараясь разглядеть просвет между деревьями.

— Не простудитесь, — наставительно изрекла мадемуазель да Паражонк. — Вы испортите себе цвет лица, это будет совсем некстати перед свиданием с королем. Между прочим, это ему мы обязаны столь тревожным путешествием. Это он заставил всех добираться до Версаля дорогой, по которой недавно прогнали в Нормандию стада быков. Оттого она и зовется Бычьей дорогой, или что-то в этом роде. Когда власть была у Луи Тринадцатого, знатные люди тоже охотились в этих местах, но никому не приходило в голову тащить за собой все соцветие двора. Король был мудр, прост и справедлив...

Ее болтовню прервал новый удар.

Карета накренилась, раздалось злое скрежетание, одно колесо обломилось, и пассажиры свалились в кучу.

Анжелика оказалась в самой глубине свалки, так как сидела со стороны сломавшегося колеса. Ее злосчастный костюм амазонки испытал на этот раз тяжесть сразу двух тел: Жавотты и мадемуазель де Паражонк. Она не осмеливалась пошевелиться, так как стекло ее дверцы разбилось от удара и могло не только порезать одеяние, но и поранить ее. Не хватает, чтобы на костюме остались кровавые пятна!

Другая дверца открылась, и на них сверху глянула хитрая рожа Флипо.

— Не слишком ушиблись, маркиза?

Анжелика была не в состоянии ответить ему в достойных выражениях, она ждала, пока выберутся ее спутницы.

— Ас мадемуазель все в порядке?

— Все в порядке, малыш, — весело отозвалась Филонида, которая ничего так не любила, как неожиданные приключения. — Дай-ка мне руку и помоги выбраться отсюда.

Вместе с кучером, которому уже удалось унять перепуганных лошадей, Флипо помог вылезти двум женщинам и девушке. Через несколько минут они стояли вокруг перевернутой кареты и вопросительно

смотрели друг на друга. Ни на ком не было даже царапины.

Но ситуация все равно оставалась плачевной, если не сказать безнадежной.

Анжелика устало смотрела вдоль дороги туда, где ее ожидали волнующие минуты встречи с королевским двором. У нее даже не было сил снова разразиться проклятиями в адрес Филиппа. Гнев был бесполезен. Она уже потеряла все, что могла. Она не только не попадет сегодня на охоту, но и никогда не будет допущена ко двору. Король не простит подобного пренебрежения. Что ей остается? Написать королю письмо? Броситься ему в ноги или умолять ходатайствовать за нее госпожу де Монтеспан или маркиза Лозуна? Но как же она объяснит свое последнее отсутствие? Тем, что сломалось колесо у кареты! Да это просто смешно, пусть это чистая правда. Когда пропускают важную встречу, всегда оправдываются сломанной каретой.

Она села на пенек и предалась таким тягостным раздумьям, что не заметила, как на дороге появился отряд всадников.

— Кого-то несет, — тихо позвал ее Флипо.

Воцарилось молчание. Всадники подъезжали все ближе и ближе.

— Бог мой, да это бандиты, — испуганно прошептала мадемуазель де Паражонк. — Мы пропали! Теперь нас никто не спасет, моя дорогая...

Глава 5

Анжелика подняла голову. Появившиеся всадники, насколько она могла различить в сумраке сомкнувшихся над дорогой крон, на самом деле выглядели не особенно нарядно. Это были крупные мужчины с бледными лицами, на которых грозно чернели длинные усы и бороды, которые вот уже несколько лет так никто не носил в Париже. На них были устаревшие синие мундиры, совсем выцветшие и порванные. Перья на шляпах довольно сильно пообтрепались. Но все были при шпагах, а двое держали над собой богато украшенные золотой вышивкой знамена, тоже дырявые во многих местах. Знамена, которые, бесспорно, побывали не в одном сражении.

Несколько пеших воинов, несущих пики и мушкеты, равнодушно прошествовали мимо кареты и женщин. Но первый всадник, который, вероятно, был среди них главный, остановился перед растерянной группой из женщин и их слуг.

— Мое почтение, любезные дамы. Я вижу, что бог Меркурий, покровитель путешественников, бессовестно покинул вас и оставил на произвол судьбы.

В отличие от своих спутников, он не был худ и держался приветливо. Его обвислые штаны свидетельствовали об утерянной полноте. Незнакомец снял шляпу, открыв свое молодое загорелое лицо.

Его напевный говор не позволял сомневаться в его происхождении. Анжелика учтиво улыбнулась ему и ответила так же весело:

— Господин военный, вы гасконец, не правда ли?

— От вас ничего не утаить, лесная красавица! Чем я могу быть вам полезен?

Незнакомец слегка наклонился, чтобы разглядеть ее лицо, и ей показалось, что он вздрогнул. Внезапно ей почудилось, что она где-то его уже видела. Но где?.. Она подумает об этом позже. Сейчас ей необходимо воспользоваться случаем и сделать отчаянную попытку нагнать короля со свитой.

— Вы можете оказать мне огромную услугу, господин военный. Мы должны присоединиться к королевской охоте, но произошел несчастный случай. Как видите, наша карета упала, и нет никакой возможности привести ее в порядок. Но если кто-нибудь из ваших подчиненных посадит нас на круп своей лошади и отвезет до Бычьего Перекрестка, то мы вам

будем очень признательны за это.

— До Бычьего Перекрестка? Но мы как раз туда и направляемся! Нам по пути!

Через четверть часа всадники с тремя женщинами достигли назначенного места встречи. У подножия холма Фоссе-Репоз им открылся просвет среди деревьев, весь заставленный каретами. Повсюду паслись отдыхающие кони. Лакеи и кучера играли в кости и ожидали возвращения своих хозяев или пили в скромной лесной харчевне, которая никогда еще не знала такого прибыльного дня.

Анжелика узнала своего конюха. Она спрыгнула с лошади и крикнула: — Жанику, веди сюда Серезу! Слуга побежал к конюшне.

Через минуту она была уже в седле. Она направила кобылу через нагромождение карет и, пришпорив ее, понеслась к лесу.

Сереза была изящной, грациозной лошадкой. Анжелика любила ее за утонченность. Кобыла была мягкого нрава, на ней было приятно ездить.

Анжелика погнала ее по откосу, чтобы достичь вершины холма. Кобыла вязла в густом ковре из опавшей листвы, но вскоре выбралась на твердый грунт и быстро достигла макушки. Но на вершине дерева росли так же густо, и отсюда Анжелика не смогла ничего разглядеть.

Молодая женщина остановила лошадь и прислушалась. Вдали, с восточной стороны, до нее донесся слабый лай собак. Потом затрубил рог, и ему ответило несколько других. Она улыбнулась.

— Охота не закончилась. Постарайся же, Сереза, настала решающая минута. Может быть, мне удастся спасти свою честь.

Она пустила кобылу галопом. Они неслись через сомкнутые ветви кустарника этого дремучего девственного леса, который едва освоил человек. На протяжении веков здесь появлялись лишь редкие охотники и браконьеры с арбалетами за плечами, да беглые разбойники, ищущие в чаще спасения. Одним из первых стал устраивать здесь групповые охоты Луи Тринадцатый, а затем и его сын Луи Четырнадцатый. Дыхание его ослепительного двора смешалось с лесным ароматом. Теперь к запахам прелой листвы и грибов примешивался запах женских духов.

Лай собак приближался. Олень, преследуемый ими, должно быть, пересек ручей, струящийся у подножия холма. Судя по лаю, он бежал еще резво и направлялся в ее сторону. Значит, сюда переместится весь фронт загонщиков. Анжелика заставила кобылу замедлить движение и натянула поводья. Тяжелый топот копыт раздался поблизости от нее. Она выехала из зарослей.

Внизу находилась живописная зеленая расселина, в глубине которой

поблескивало болотце. Вокруг темной стеной стоял лес, а над ним голубело ясное до сих пор небо. Среди расползшихся облаков сияло потускневшее солнце. День близился к вечеру. Приближающиеся сумерки окутывали пейзаж в легкую дымку.

Внезапно у подножия холма возобновился лай своры, бегущей по пятам за оленем. Светло-коричневая тень замелькала между стволов и выскочила на опушку. Это был олень, совсем молодой, с едва прорезавшимися рогами. Галопом он промчался по лужам болотца, брызги искрящимся дождем рассыпались во все стороны. Позади него мелькали белые и рыжие пятна — охотничьи собаки. За ними показалась всадница в красном костюме амазонки. И тотчас со всех сторон на опушку высыпали всадники. Безмолвный несколько минут назад пейзаж почти мгновенно изменился. Лесную тишину наполнили фырканье и ржание лошадей, возбужденные крики погонщиков, звонкий лай псов. Строгие цвета леса перемешали пестрые камзолы кавалеров и дам, картина представляла собой поистине замечательное зрелище.

Олень сделал отчаянное усилие и прорвал кольцо загонщиков. Он скрылся в спасительной чаще, провожаемый громкими криками разочарования. Собаки снова сбились в свору и бросились следом за оленем.

Анжелика мягко прищпорила Серезу и направила ее вниз, чтобы, воспользовавшись моментом, смешаться с толпой.

— Теперь его уже не догнать, — раздался позади нее мужской голос. — А вам незачем спускаться к охотникам. Держу пари, что собак будут собирать на этой полянке. Сюда же подъедет и король со своей свитой.

Анжелика обернулась и увидела незнакомого дворянина, который остановил своего коня в нескольких шагах от нее. У него было редкой красоты лицо, обрамленное пышным напудренным париком, а одежда отличалась утонченностью и элегантностью. Сняв шляпу с белоснежными перьями, незнакомец приветствовал молодую женщину.

— Если мне не изменяет память, мне еще не приходилось встречать вас, мадам. Не может же быть, чтобы я позабыл ваше лицо.

— Не приходилось? А при дворе?

— При дворе! — удивленно воскликнул он. — Невероятно, мадам, невероятно! Я не мог вас видеть при дворе. Не могли же вы ни разу не попасться мне на глаза. Нет, мадам, не пытайтесь разыгрывать меня. Вы никогда не бывали при дворе.

— Вы ошибаетесь, господин.

И она прибавила после недолгого молчания.

— Была, один раз...

Он рассмеялся.

— Один раз? Замечательно!

Он сдвинул светлые брови и стал размышлять.

— Когда же это могло произойти? На последнем балу? Нет, я всех хорошо запомнил. Я даже не запомнил вас сегодня утром на встрече в Фоссе-Репоз. Вас не было среди собравшихся?

— Вы, по-видимому, помните все и всех, что касается короля и его окружения?

— Все и всех? Это верно! У меня удобное положение при дворе для этого занятия. А еще я хорошо знаю, что надо запоминать людей, чтобы они, в свою очередь, запоминали вас. Этому правила я придерживаюсь с самой ранней юности. И память сослужила мне хорошую службу!

— В таком случае я хочу попросить вас сделаться на некоторое время моим проводником. Я не знаю здесь многих и буду очень вам признательна, если вы назовете мне некоторые имена. Например, мне очень любопытно узнать, кто та амазонка в красном камзоле, которая погоняет собак. Она держится в седле превосходно. Мужчина не смог бы скакать так грациозно!

— От вас можно ожидать чего угодно, — снова засмеялся он. — Да это же мадемуазель де ля Валльер!

— Фаворитка?

— Она самая. Фаворитка, — прибавил он голосом, который давал понять, что не хотел бы давать пояснения по поводу ее отношений с королем.

— Никогда не слышала, что она такая страстная охотница.

— Мадемуазель де ля Валльер точно родилась в седле. С детства она ездила без седла на самых строптивых лошадях. Она может скакать галопом во весь опор и, говорят, умеет спрыгивать с лошади на полном скаку.

Анжелика с удивлением посмотрела на молодого человека.

— Вы так хорошо знаете мадемуазель де ля Валльер?

— Она — моя сестра.

— О! — воскликнула Анжелика. — Так, значит, ваше имя...

— ...Маркиз де ля Валльер к вашим услугам, прекрасная незнакомка. Он снова снял шляпу и салютовал ей.

Анжелика велела Серезе шагом двигаться к указанной маркизом поляне. Она была немного смущена встречей с Человеком, с которым ей уже доводилось сталкиваться при весьма щекотливых обстоятельствах.

— Слышите? Что я вам говорил! — воскликнул тот. — Трубят сигнал сбора неподалеку отсюда. Охота окончена. Господин маркиз дю Плесси-Белльер завершит ее ударом кинжала по шее пойманного оленя. Вам еще не приходилось видеть этого благородного дворянина, когда он выполняет обязанность главного ловчего? На это стоит посмотреть. Он так красив, так величествен, так утончен, что можно подумать, он не умеет держать в руках ножа. Ничего подобного! Он владеет им в совершенстве, точно воспитывался на живодерне.

— Филипп еще в молодости был знаменит тем, что выходил один на волков в Ниельский лес и никогда не возвращался без добычи, — заметила Анжелика с наивной гордостью. — Жители края прозвали его Покорителем Волков.

— В свою очередь, должен спросить вас, откуда вы так хорошо осведомлены о жизни Филиппа дю Плесси?

— Это мой муж.

— О святой Убер! Забавная история.

Он разразился звонким смехом. Смех его был одновременно и естественным, и деланным, как у светского человека, приятного в любой компании. Должно быть, он оттачивал эту манеру с не меньшим усердием, чем актер Бургонского театра.

Но внезапно смех его оборвался, и молодой человек озабоченно произнес:

— Ваш муж? Значит, вы маркиза дю Плесси-Белльер? Но... Я слышал о вас. Если не ошибаюсь... О небо! Если не ошибаюсь, король прогневался на вас!

Он смотрел на нее широко раскрытыми от ужаса глазами.

— А вот и сам король! — поспешил он прибавить и пустил свою лошадь по направлению к группе всадников, появившихся на лужайке. Среди них Анжелика тотчас узнала короля.

Его скромное одеяние контрастировало с пышными нарядами свиты. Луи Четырнадцатый любил чувствовать себя непринужденно в одежде. Говорили, что он нехотя облачался в торжественное платье для важного приема и скидывал его сразу же после церемонии. На охоту и на другие подобные мероприятия он никогда не надевал кружев.

В тот день на короле был темно-коричневый камзол, очень умеренно расшитый золотом, и высокие охотничьи сапоги. В этом облачении Его Величество больше походил на помещика, чем на монарха.

Но его лицо, его спокойно-надменное выражение нельзя было спутать ни с одним другим. Величие жестов, безмятежная осанка выделяли его

среди толпы во всех обстоятельствах.

Он держал в руках легкий деревянный шест с копытом кабана на конце. Этот жезл был торжественно вручен ему перед отбытием главным ловчим. Кроме прямого назначения — приподнимать встречающиеся на пути ветви — жезл испокон веков служил символом удачной охоты и играл важную роль при церемонии закалывания зверя.

Рядом с королем держалась амазонка в красном камзоле. Под воздействием интенсивного преследования ее обыкновенно бледное, осунувшееся лицо разругивалось и выглядело даже привлекательно. Анжелика заметила в нем налет загадочного шарма, это лицо вызывало одновременно симпатию и жалость. Анжелике показалось, что эта женщина, не лишенная достоинств, не способна оказывать сопротивление придворным недоброжелателям.

Вокруг фаворитки она сразу узнала принца де Конде, мадам де Монтеспан, Лозуна, Лувуа, Бриенна, Умьера, госпожу де Рур и госпожу де Монтозье, принцессу д'Арманьяк, герцога д'Энгьена, а в отдалении — очаровательную принцессу Генриетту и брата короля в сопровождении своего любимого фаворита шевалье де Лоррена. И еще многих других, кого она не знала, но которые несли на себе благородную печать величия, роскоши, здоровья, алчности.

Король с нетерпением смотрел по направлению узкой тропинки, уходившей в глубину леса. Оттуда шагом выехали два всадника. Одним из них был Филипп дю Плесси-Белльер, который держал в руках легкий позолоченный шест, украшенный копытом лани. Его одежда и парик лишь немного потрепались в продолжение охоты.

Сердце Анжелики подпрыгнуло от гнева и от досады. Каков красавец! Охотится как ни в чем не бывало!

Как поведет себя Филипп, когда увидит ее? Ведь он оставил ее в надежных руках монахинь всего несколько часов назад. Анжелика решительно натянула поводья. Она слишком хорошо его узнала за последнее время и может не сомневаться, что в присутствии короля он ничего себе не позволит. Но что будет потом?..

Филипп сдерживал своего красавца белого скакуна, чтобы держаться вровень с напарником. Рядом с ним ехал старик с выбритым лицом, на подбородке которого, по старой моде, был прикреплен клочок серой шерсти. Он ехал нарочито медленно, губы его исказила недовольная гримаса, хотя старик прекрасно видел нетерпеливое лицо короля.

— Старый Сальнов полагает, что король заставил его совершить слишком длинный крюк в седле, — сказал кто-то рядом с Анжеликой. —

Ему все еще видятся былые времена Луи Тринадцатого, когда охота проводилась расчетливо, без этого бесполезного гона всей толпой.

Сальнов был главным придворным ловчим. Он перенял у прежнего монарха его страсть к этому увлекательному искусству, и теперь ему невыносимо было наблюдать, как легко пренебрегают традиционными дедовскими правилами охоты. Сделать охоту придворным развлечением! Тысяча чертей! Король Луи Тринадцатый даже близко не подпустил бы к этому занятию ни одной юбки. Господин Сальнов старался напоминать об этом своему новому ученику как можно чаще. Он так и не понял до сих пор, что Луи Четырнадцатый уже не желторотый юнец, каким он сел в первый раз на лошадь. В свою очередь, король, из уважения к сединам ловчего, оставил его на прежней должности. Поэтому настоящий главный ловчий Филипп дю Плесси-Белльер не имел такого титула. Он продемонстрировал это, передав недалеко от короля свой жезл с копытом лани маркизу де Сальнову.

Сальнов принял его и согласно церемониалу принял такой же жезл с копытом кабана из рук короля, который вручил ему накануне.

Охота закончилась. Однако король спросил сухим голосом у старика:

— Сальнов, собаки устали, не так ли?

Старик еще не перевел дыхания от быстрой езды, окружающим было хорошо заметно, что он сильно устал. Все, кто участвовал в окружении зверя, придворные, егеря и слуги, едва держались в седле.

— Собаки? — спросил Сальнов, пожимая плечами. — Не слишком устали, я полагаю.

— А лошади?

— Как и собаки.

— А в результате мы настигли двух безрогих оленей, — с усмешкой сказал король.

Он бросил взгляд вокруг себя на притихшую толпу. Анжелике показалось, что его бесстрастные глаза, в которых ничего нельзя было прочитать, узнали ее. Она немного пригнулась.

— Ну что ж, — сказал король, — продолжим в среду. Воцарялось напряженное молчание. Многие дамы в ужасе спрашивали себя, хватит ли у них сил снова сесть в седло через день.

Король повторил громче:

— Продолжим охоту послезавтра, вы слышите, Сальнов? И на этот раз мы желаем затравить ветвисторогого оленя.

— Да, сир. Мне не надо повторять, — ответил старый маркиз, глядя в сторону.

Он низко наклонил голову, развернул лошадь и сказал достаточно громко, чтобы быть услышанным приглашенными на охоту:

— Мне очень жаль, Ваше Величество, что на охоте вы всякий раз спрашиваете о самочувствии лошадей и собак и никогда о ваших людях...

— Господин Сальнов! — позвал Луи Четырнадцатый. Главный ловчий снова подъехал к нему.

— Знайте, что мои люди никогда не устают на охоте. По крайней мере, так все они утверждают.

Сальнов низко поклонился.

Король дал сигнал, и свита тронулась в путь. Ни у кого не нашлось смелости возразить суверену. Пестрая толпа возвращалась на Бычий Перекресток.

Проезжая мимо Анжелики, король взмахнул рукой, и свита остановилась.

Его тяжелый и непроницаемый взгляд смотрел на Анжелику, но ей казалось, что он смотрит мимо нее. Она не опускала головы, повторяя про себя, что никогда страх не покорял ее и она не даст ему сделать это сегодня. Она твердо смотрела на короля, потом улыбнулась ему. Король вздрогнул, будто его укусила пчела, щеки его порозовели.

— Но... Мадам дю Плесси-Белльер, не так ли? — надменно спросил он.

— Его Величество были так любезны запомнить меня, — скромно ответила молодая женщина.

— Разумеется, в то время как вы нас даже и не вспомнили, — ответил Луи Четырнадцатый, оборачиваясь к своему окружению и как бы беря всех в свидетели ее беспардонной невежливости. — Я надеюсь, что ваше здоровье теперь в полном порядке, мадам?

— Благодарю вас, Ваше Величество, но оно всегда было отменным.

— Тогда как же могло случиться, что вы три раза пренебрегли нашими приглашениями?

— Сир, простите меня, но о них мне никто не сообщил, даже мой муж.

— Вы меня удивляете, мадам. Я лично предупреждал господина дю Плесси о своем желании видеть вас на придворных праздниках. Не думаю, что он настолько рассеян, чтобы забыть об этом.

— Сир, — сказала Анжелика, — может быть, мой муж считает, что достойное место замужней женщины дома за вышиванием, а не среди вашего блистательного двора.

Все шляпы разом повернулись в сторону Филиппа, который на своей белой лошади напоминал статую. Лицо его было одновременно холодно и

разгневано. Король разгадал смысл сказанного Анжеликой. Этот человек обладал счастливым даром разряжать самую напряженную ситуацию.

Король залился веселым хохотом.

— Ха, ха! Маркиз, вы невозможный человек. Ваша ревность не знает границ. Подумать только, из-за вашей подозрительности мой двор лишился так долго этих очаровательных глаз. Вы пожелали быть единственным их собственником. Это напоминает заурядную скупость, поверьте мне. Я прощаю вас, что поделаться, но отныне вы должны способствовать светской карьере мадам дю Плесси. Что касается вас, мадам, то мне, разумеется, не хотелось поощрять вас похвалой за непокорность законному супругу, но ваше стремление к свободе нравится мне. Теперь ничто не будет мешать вам появляться среди нашего блистательного двора, как вы изволили выразиться. Обещаю вам, что господин дю Плесси не станет противиться этому.

Филипп, сняв шляпу, низко поклонился в знак подчинения воле суверена. Вокруг себя Анжелика видела теперь одни улыбки. Еще минуту назад на этих же лицах можно было прочесть жадное любопытство, с каким смотрят на жертву, которую собираются разорвать на части.

— Мои поздравления, мадам! — подъезжая к Анжелике, сказала госпожа де Монтеспан. — У вас поистине дар выпутываться из самых затруднительных положений. Кроме того, вы великолепно держитесь в них. Глядя на лицо короля, я думала, что ваша участь решена. А минутой позже вы предстаёте перед ним как несчастная жертва, которая, преодолевая на своем пути тысячу препятствий, выбирается из темницы, чтобы любой ценой ответить на его приглашение.

— Вы не представляете себе, как вы правы!

— О! Расскажите же мне все, как было!

— Как-нибудь обязательно расскажу.

— Это правда, что Филипп — настоящий деспот? Как жаль. Такой красавец...

Анжелика оборвала беседу и пустила кобылу в галоп. Всадники, собаки, слуги — все спускались по пологому склону Фоссе-Репоз. Позади них звучали последние звуки рога, поторапливающие заблудившихся. Скоро лес поредел, и перед всадниками появился Бычий Перекресток, заставленный экипажами.

На опушке леса держался отряд оборванных военных, которые подвезли сегодня днем Анжелику и мадемуазель де Паражонк. Когда появился королевский кортеж, флейтисты и барабанщик, выйдя вперед, заиграли военный марш. За ними вперед двинулись знаменосцы, командир-

гасконец и его маленький отряд.

— О Боже! — раздался женский голос над ухом у Анжелики. — Кто эти оборванцы, которые осмелились предстать в таком виде перед королем?

— Благодарите судьбу, что вам не пришлось близко иметь дело с этими оборванцами, — засмеялся в ответ молодой человек с жизнерадостным лицом. — Это же мятежники из Лангедока!

Анжелику будто молния поразила.

Имя! Она вспомнила наконец имя незнакомца, который показался ей знакомым по дороге на Бычий Перекресток. Теперь она узнала этого гасконского дворянина.

— Андижо!

Это был Бернар д'Андижо, тулузский дворянин, веселый толстяк, который шастал с одного бала на другой, а в один прекрасный день, проскакав галопом через весь Лангедок, разжег самое крупное восстание последнего времени.

Она вспомнила, как кричал на пасмурном рассвете полупьяный Сербалан, юный компаньон Андижо, размахивая шпагой:

— Собаки! Вы не знаете гасконцев! Знайте, мадам, я выступаю в поход против самого короля!

Он, Сербалан, тоже был сейчас среди истощенных оборванцев, которые казались всем нереальными существами из другого мира. Действительно, те события произошли почти семь лет назад. Семь лет назад был приговорен к смерти граф де Пейрак, и несправедливость приговора вызвала многолетний бунт провинции.

— Мятежники из Лангедока, — повторил рядом с ней еще один женский голос. — Но они могут причинить вред Его Величеству, если подойдут близко.

— Нет, не беспокойтесь, — заверил ее все тот же молодой дворянин, который был не кто иной, как молодой Лувуа, военный министр. — Эти господа пришли сюда в знак покорности. После шести лет разбоя, поджогов и сопротивления королевским войскам можно надеяться, что наша благодатная Юго-Западная провинция снова восстановится под сенью короны. Однако потребовалось личное участие Его Величества, чтобы доказать этому д'Андижо бесполезность его сопротивления. Ему обещали сохранить жизнь и забыть его черное прошлое в обмен за то, что он обещал утихомирить мятежников в основных южных городах. Теперь это один из союзников Его Величества.

— И все же они не внушают мне доверия! — содрогаясь от ужаса,

произнесла спорящая.

Король спешился, и его примеру последовало все его сопровождение, а также бывшие мятежники.

Андижо вышел вперед, значительно опередив свой отряд. Его разодранный мундир, тесные сапоги, свежий шрам на щеке — весь его облик резко контрастировал с блестящим обществом, столпившимся вокруг монарха. Он держался, как держится побежденный, который согласен отдать врагу все, кроме своей чести: высоко подняв голову и смело глядя на короля.

Подойдя к нему, Андижо выхватил шпагу. Придворные сделали было шаг навстречу ему, чтобы прикрыть монарха, но гасконец упер конец шпаги в землю и сломал ее, надавив на рукоятку. Он поднес оба обломка к королю и бросил их ему под ноги. Потом припал на колени и поцеловал королевский сапог.

— Прощлое есть прошлое, мой дорогой маркиз, — сказал король, слегка коснувшись пальцами его плеча, вполне дружелюбно. — Каждому суждено ошибаться, даже королю приходится иногда... И, если нам дано право вершить судьбы народов, не думайте, что у нас совсем нет обязанностей. И одной из этих обязанностей является долг прощать. Можете себе представить, маркиз, что порой тот, кто осмелился поднять на тебя оружие, относится к тебе с большим уважением и любовью, чем те, кто вертится поблизости и только ждет случая, чтобы предать тебя. Я люблю смелые и искренние поступки. Поднимитесь, маркиз, полно. Я все же сожалею, что вы сломали вашу замечательную шпагу. Не забудьте напомнить мне, чтобы я вручил вам другую, так как я назначаю вас полковником и доверяю вам отныне четыре отделения драгун. А теперь проводите меня до кареты, мы вместе поедем в Версаль.

— Ваше Величество, — воскликнул храбрый Андижо дрожащим голосом, — как же я поеду с вами в таком жалком виде? Мой наряд...

— Пусть он вас не беспокоит. Мне нравятся ливреи, которые пахнут порохом и войной. Ваша униформа чрезвычайно приятна мне. Прошу вас приходите на следующие праздники в том же синем мундире с красными отворотами, но пусть уж он будет расшит золотом вместо дыр от пуль. Мне пришла в голову отменная мысль, — король взглянул на свиту, — я давно собирался ввести отдельную форму для тех, кто пользуется моим особым расположением. Что скажете, господа? Гвардия синих мундиров! Господин д'Андижо будет первым гвардейцем.

Придворные заплодировали новой прихоти Его Величества. Скоро синие мундиры станут предметом зависти и ненависти при дворе... Бернар

д'Андижо представил трех своих военачальников.

— Я распорядюсь, чтобы ваших боевых товарищей радушно приняли и помогли им устроиться, — сказал король. — Господин де Монтозье, позаботьтесь об этих храбрецах.

После этого каждый устремился к своему экипажу. Голодные, мучимые жаждой люди посылали своих слуг за прохладительными напитками в таверну и к торговцам, которые приехали вместе со двором.

Темнело, король велел спешно собираться и возвращаться в Версаль. Повсюду замелькали фонари и факелы.

Анжелика держала под уздцы Серезу и не знала, в какую сторону ей направляться. Она еще не оправилась от возбуждения, охватившего ее во время разговора с королем и появления Андижо.

Голос короля был так прекрасен! Несмотря на молодость, в нем сквозили покровительственные, отеческие нотки.

Узнал ли ее Андижо? Удастся ли ей поговорить с ним? Что им придется сказать друг другу? Их связывает одно имя. Имя, которое она не осмелится произнести...

С Анжеликой поравнялась карета, из которой ее окликнули:

— Что вы собираетесь делать? — это был голос госпожи де Монтеспан. — Где ваш экипаж?

— По правде сказать, у меня его больше нет. Он перевернулся по дороге сюда.

— Тогда садитесь ко мне.

Немного дальше они подобрали мадемуазель де Паражонк и Жавотту.

Глава 6

В те времена к замку вплотную подступал лес. Сквозь густую листву можно было заглядывать в высокие светящиеся окна, в которых мелькали огоньки свечей. Это слуги суетливо носились по комнатам, готовясь к приезду многочисленных гостей.

Дворец был ярко освещен. Король решил остаться в Версале еще на три дня. Таким образом, вместо того чтобы собираться в дорогу, слугам приходилось готовить покои для ночлега и дальнейших развлечений.

Двор перед замком был так запружен каретами, солдатами, слугами, что экипажу госпожи де Монтеспан не нашлось места и им пришлось остановиться на площади. Дамы вышли из кареты. Атенаис была немедленно увлечена за собой веселой молодой компанией, а Анжелика осталась рядом с мадемуазель де Паражонк.

— Вам надо поспешить, чтобы не пропустить церемонию прикорма собак, — сказала ей старая дева.

— А куда пристроитесь вы?

— Я выйду на дорогу и буду поджидать кого-нибудь из знакомых, кто подвезет меня до Парижа. Я не могу остаться здесь, так как не вхожу в число приглашенных Его Величеством. Поторопитесь, моя дорогая, и не беспокойтесь. Я прошу у вас совсем немного: рассказать обо всем в подробностях, когда вернетесь в Париж.

Анжелика обещала ей подробный рассказ, поцеловала и оставила на площади.

«Теперь я принадлежу к избранным», — сказала себе Анжелика, приближаясь к оживленной толпе придворных.

Толпа собралась в глубине дворцовых пристроек, в третьем дворике, называемом Оленьим Двором. Во время церемонии прикорма, когда собакам жертвовалась часть охотничьих трофеев, бывало шумно, люди толкались и сбивали с ног друг друга, поэтому стража зорко следила за поддержанием порядка. Анжелика была тотчас остановлена солдатами с алебардами, старший из которых с важным видом спросил ее имя. Найдя его в списках, стражники отпустили Анжелику, и она направилась к лестнице.

Она поднялась на балкон первого этажа, откуда был хорошо виден Олений Двор.

Двор был освещен многочисленными факелами. Их отблески

отражались в полированном розовом камне фасада дворца. Раздался сигнал рога. На центральном балконе появились король и королева. Рядом с ними стояли принцессы, принцы и дворяне ближайшего окружения Его Величества. Из темноты раздался приближающийся захлебывающийся лай своры. Два псаля вышли в освещенный факелами круг.

Они несли нечто вроде кожаного мешка, откуда капала кровь и свисали концы кишок. Это была собачья доля трофеев — внутренности двух заколотых оленей, которые псаля несли в шкуре одного из животных. За ними появились два других псаля, которые держали на поводках рвавшихся псов, которых сдерживало лишь щелканье кнута по воздуху.

Навстречу псам вышел Филипп дю Плесси-Белльер, державший в руках жезл с копытом лани на конце. Он успел переодеться в менее роскошный камзол красного цвета с многочисленными позолоченными пуговицами. Его желтые сапоги с красными каблуками поблескивали позолоченными шпорами.

— У него ноги такие же совершенные, как и у короля, — сказал кто-то рядом с Анжеликой.

— Но в его осанке чуть меньше грации, — ответил другой голос. — У Филиппа манера держаться так, будто он вот-вот готов ринуться в атаку.

— Не забывайте, что он маршал!

Филипп в ожидании смотрел на центральный балкон. Наконец король дал ему сигнал взмахом своего жезла.

Филипп отдал свой жезл пажу, следовавшему позади него. Затем подошел к псалям и принял у них мешок с внутренностями оленей. Его богатое одеяние из шелка и кружева немедленно испачкалось кровью. Не обращая на это внимания, дворянин вытащил мешок на середину двора и вывалил содержимое перед полукольцом жадно лающих собак. От запаха крови лай псов перешел в яростное рычание и хрип. Псаля уже не могли сдерживать их и отчаянно кричали:

— Назад! Назад, твари!

Наконец по новому взмаху короля собак спустили; щелкая зубами, они яростно набросились на добычу.

Эти собаки, которых кормили одним сырым мясом, были настоящими кровожадными хищниками. От того, кто дрессировал и натравливал их, требовались храбрость и жесткость.

Филипп стоял совсем рядом от дерущейся своры и хлестал время от времени тонким кнутом наиболее яростных псов. Как ни странно, даже в таком безрассудном бешенстве животные слушались его. Отвага и хладнокровие главного ловчего, одежда которого источала опьяняющий

запах крови, покоряли их.

Анжелика не могла отвести зачарованных глаз от сцены, которая одновременно была омерзительна ей и восхищала ее. Точно так же, по-видимому, чувствовали себя и другие зрители.

— Черт возьми! — проворчал недалеко от нее мужской голос. — Глядя на него думаешь, что он способен лишь грызть леденцы. Никогда за свою жизнь не встречал человека, который осмеливался бы стоять так близко от собак во время прикорма.

— Вы правы, — подтвердил эти слова маркиз де Рокелер, стоящий возле Анжелики, — наш главный ловчий — самая любопытная фигура из окружения короля.

— Верю вам, не колеблясь, господин маркиз, — ответил оказавшийся рядом Андижо.

Оборачиваясь к своему собеседнику, он встретил глазами лицо Анжелики. У нее не было больше сомнений в том, что он узнал ее. Она грустно улыбнулась ему.

— И ты, Брут, — произнесла она вполголоса.

— Итак, это вы, мадам, — взволнованным голосом ответил молодой офицер. — В лесу я сомневался... Я не поверил своим глазам. Вы здесь... при дворе... Вы?..

— Точно так же, как и вы, господин д'Андижо.

Он хотел возразить что-то, но промолчал. Их взгляды разошлись и вновь приковались к Оленьему Двору, где от внутренностей добычи уже ничего не осталось. Представление подходило к концу. Псари бегали вокруг своры и щелкали кнутами.

— К ноге! Разойдись! Назад!

— Сначала сражаешься, потом тебя побеждают, потом уничтожают... — тихо произнес Андижо. — Это как огонь, который неизбежно поглотит тебя. В конце концов бунтарство становится привычкой... Огонь нельзя остановить. В один прекрасный день понимаешь, что тебе все равно за кого драться. И вот появляется король!..

Шесть лет беспросветных военных действий потушили горячий пыл молодого гасконца. Шесть лет он чувствовал себя добычей, загнанной в последний свободный уголок — жаркий юг, где пролитая кровь так быстро высыхает и чернеет... И вот до них добрался сам король, непримиримый, но великодушный; молодой, но говоривший им: «Дети мои...»

— Это не просто король, это великий король, — твердым голосом сказал Андижо. — Служение ему не может стать бесчестием.

— Вы говорите золотые слова, дорогой мой, — раздался позади них

голос маркиза де Лозуна.

Одна его рука легла на плечо Анжелики, другая — на плечо Андижо. Они настороженно смотрели на его веселое, почти лукавое лицо.

— Узнаете ли вы меня, маркиз? Меня зовут Антонен Номпар де Комон де Пегилен де Лозун.

— Как я могу не узнать вас! — проворчал Андижо. — Ведь с вами я совершил одну из первых своих ошибок. Последний раз, когда мы с вами виделись...

— ...Это было в Лувре, если мне не изменяет память. Нас было трое...

— И вы скрестили шпаги с братом короля...

— ...который пытался убить присутствующую здесь мадам.

— Да, и в этом ему помешал его друг шевалье де Лоррен.

— Мои подвиги привели меня в Бастилию, — вздохнул Лозун.

— А меня поставили вне закона.

— А что же спасло вас, Анжелика, мой ангел? Кто защитил вас и не дал погибнуть после того памятного вечера?

Они вопросительно смотрели на нее, но она не отвечала, и каждый по-своему истолковал ее молчание.

Маркиз д'Андижо глубоко вздохнул.

— Никогда не думал, что мы встретимся в таком месте.

— Лучше встретиться в таком месте, чем не встретиться вообще, — заметил Пегилен. — Все возвращается на круги своя, и брат короля находится в нескольких шагах от нас, опираясь по обыкновению на руку своего фаворита. И мы в добром здравии... Но будьте осторожны, мои дорогие! Как бы взгляд этого господина не упал на нашу теплую компанию. Бог знает, что он может подумать... Итак, я удаляюсь. Как говорится, люблю вас, но остерегаюсь вас!

Он приложил комичным жестом палец к губам и отошел от них на другую часть балкона.

Собак уже увели с Оленьего Двора. Рог протрубил окончание представления, и зрители стали расходиться.

У входа в ярко освещенную залу суетился неугомонный Пегилен де Лозун, он выкрикивал наподобие ярмарочного зазывалы:

— Спешите сюда, дамы и господа! Вы только что присутствовали на замечательной процедуре жертвоприношения: господин маркиз дю Плесси-Белльер, укротитель своры злобных псов, кормил их останками оленей. Но вот хищники обузданы, боги удовлетворены, олени, которые еще сегодня бегали по лесу, жарятся, а нам остается, дамы и господа, танцевать!

Глава 7

Однако танцы пришлось отложить, так как до сих пор не прибыли из Парижа музыканты королевского оркестра. Но вокруг главной залы трубили в трубы военные музыканты, что создавало торжественную обстановку и должно было возбудить аппетит собравшихся. Лакеи оживленно сновали из залы в залу с серебряными подносами с разнообразным угощением. В одной из зал были сдвинуты четыре длинных стола, накрыты скатертями и уставлены великолепной позолоченной посудой. Их уже заставили блюдами с закусками, тушеной олениной, заливными куропатками, фазанами с яблоками, жарким из косули, голубями по-кардинальски, ужом с ветчиной. В центре каждого стола поместили огромные блюда с осенними фруктами, а также с фигами и дынями.

Анжелика, окинув профессиональным взглядом кондитера приготовленный стол, пришла в восторг от разнообразия закуски и салатов. Ее восхитили красота салфеток, опрыснутых духами, изящество приборов. И это чудо было всего-навсего закуской!

Первыми сели король с королевой. Им прислуживал принц де Конде, что вывело из себя господина де Буйона, который обычно исполнял эти обязанности. Но он не осмелился перечить столь высокородной персоне.

Под одобряющие восклицания гостей слуги внесли четыре кабаньих головы, огромных и черных, плавающих во фруктовом соусе и источающих восхитительный запах. Лакеи разливали по бокалам красное вино.

Анжелика попробовала перепелиного паштета и несколько салатов, которые ей галантно передавал маркиз де ля Валльер. Ей налили малинового вина. Маркиз настоял также, чтобы она попробовала «россоли», легкого ликера, и она обрела наконец безмятежное настроение.

Насытившись и наговорившись с маркизом, Анжелика вспомнила о мадемуазель де Паражонк. Неужели она до сих пор стоит на дороге у площади и ждет, когда кто-нибудь из гостей заспешит в Париж и захватит ее? В таком случае она, должно быть, проголодалась, и кое-какое угощение с королевского стола послужит ей лучшим утешением. Анжелика незаметно спрятала в складках своего платья пирожное и две груши и вышла из зала.

Едва она сделала несколько шагов, как ей на глаза попался Флипо. Он

принес ей пальто и тяжелую дорожную накидку, которую она оставила в карете Филониды.

— Откуда ты здесь? Карета починена?

— Как же! Чем мы ее подняли бы, руками что ли? — воскликнул он. — Когда настала ночь, мы с кучером вышли на большую дорогу и двинулись сюда, благо у замка было много шума.

— Вы видели Паражонк?

— Я видел, как она села только что в карету к одной из дам, а кучеру приказали ехать в Париж.

— Хорошо, а где же Жавотта?

— Она хотела отнести вещи в комнату вашего мужа, но, мне кажется, туда не так просто попасть...

Вместе с Флипо они устремились на второй этаж, где располагались комнаты для гостей. Навстречу им выскочила Жавотта, лицо которой возбужденно горело.

— Мадам, этот мерзавец... — выпалила она.

— Кто?

— Ля Виолетт, слуга маркиза.

Девушка не успела договорить. Анжелика увидела в конце коридора статного рыжеволосого слугу Филиппа и яростно бросилась к нему.

Увидев целой и невредимой молодую женщину, которую он еще утром собственноручно отвез в монастырь, бедный слуга потерял дар речи.

— Узнал, негодяй? — наскочила на него Анжелика. — Вот как ты обращаешься с женой своего господина, подлый лакей! Вон с моих глаз!

— Госпожа маркиза, — залепетал ля Виолетт. — Я не виноват! Это господин маркиз приказал мне...

— Вон с моих глаз!

Переполненная гневом, она залепила ему пощечину, и в этот момент за спиной у нее раздался грозный оклик:

— Что здесь происходит?

Это был Филипп. Анжелика быстро справилась со своим волнением и спокойно ответила:

— Добрый вечер, Филипп.

Она быстро заметила, что выражение лица Филиппа приняло неестественный для него налет: в нем была, помимо гнева, глубокая печаль, почти отчаяние. Взор его был устремлен не на нее, а на дверь, на которой было начертано мелом его имя.

— Вот чем я обязан вам! — он выбросил руку в сторону двери. — Немилостью короля!

— Но... почему?

— Да разве вы не видите, что здесь написано?

— Ваше имя...

— Но на какой комнате! Вы заглядывали в эту конуру? Ведь надписи на дверях делаются по указанию короля... Это все из-за вас! Убирайтесь! Можете спать где хотите и с кем хотите.

Стараясь побыстрее затушить назревающий скандал, Анжелика велела Флипо и Жавотте унести вещи из комнаты маркиза.

«Придется снова прибегнуть к помощи кого-нибудь из подруг», — подумала она.

Глава 8

Мадам де Монтеспан зевнула, потом потянулась и снова увлекла Анжелику в болтовню, радуясь возможности перебраться с кем-то парой слов до всеобщего пробуждения. Вскоре отовсюду послышались приглушенные голоса придворных, которых ждал очередной трудный день при дворе.

— Скоро придет время предстать перед королевой, — сказала Атенаис. — Она велела собрать утром фрейлин, и я хотела бы оказаться одной из первых, чтобы вместе с ней отправиться к мессе. Хотите пойти со мной?

— Может быть, среди дня мне подвернется более удобный случай быть представленной королеве?

— Возможно. Когда мы вернемся с мессы, вы сможете встать на проходе в том месте, где королева и король смогут заметить вас. У вас есть свежее платье?

— Я пошлю за ним слугу.

— Советую вам приберечь самый нарядный туалет до вечера, когда начнутся развлечения. До этого момента король будет занят с посетителями и министрами.

На лестнице было по-утреннему прохладно. Мадам де Монтеспан зябко передернула плечами.

— Вам холодно? — спросила Анжелика.

Маркиза не ответила. Как все истинные придворные Луи Четырнадцатого она давно привыкла стойко переносить любые суровые условия: находиться в комнатах, где гулял сквозняк или где натоплено до жары; стоять по многу часов, почти не изменяя позы, в ожидании появления Его Величества; проводить бессонные ночи в непрерывных развлечениях; носить на себе чуть ли не пудовые бархатные и парчовые наряды с украшениями... Все эти можно было вынести только благодаря упорному стремлению находиться при дворе и, разумеется, благодаря отличному здоровью.

Анжелика же не могла привыкнуть к холоду даже во время своих приключений во Дворе чудес. Теперь повсюду ее сопровождал гардероб из красивых и теплых платьев и накидок. Одну из них, довольно скромную, она и придерживала сейчас на плечах.

Во дворце все еще не слышно было привычного оживления. Мадам де

Монтеспан оставила Анжелику у одной из укромных комнат, которой пользовались для перемены нарядов придворные дамы.

— Побудьте здесь. Скоро начнут появляться приближенные короля, которые отправятся к нему с самым ранним визитом. Вы можете встретить кого-либо из знакомых. А если хотите, дождитесь меня, я зайду за вами.

Однако комната, на дверь в которую указала де Монтеспан, оказалась занята. Едва Анжелика потянула за ручку, как оттуда донесся встревоженный шепот.

— О! Извините! — воскликнула Анжелика. Все же она успела увидеть мадам де Субиз.

«Какая у нее красивая грудь, — подумала она, — и как искусно она ее прячет!»

Разумеется, мадам де Субиз уединилась в комнатке для переодевания не со своим мужем. Было бы странно, чтобы в Версале муж и жена прятались от посторонних глаз в укромном месте.

Анжелике пришлось отправиться на поиски другого уголка, где она могла бы, не попадаясь лишней раз на глаза королевскому окружению, дождаться возвращения своей подруги.

В одной из полуосвещенных комнат, которую украшали белые колонны и зеркала на стенах, окна выходили в парк. Анжелика тихо подошла к одному из окон и прислонилась к мраморному подоконнику.

Перед ней простиралась, подобно водной глади, подстриженная лужайка, за ней возвышались причудливо подстриженные деревья. Стволы, проступая сквозь туманную поволоку, напоминали колонны сказочного дворца.

— Вам грустно, маркиза? — раздался внезапно чей-то веселый голос. — Может быть, мне удастся развеселить вас?

Анжелика вздрогнула и испуганно оглядела комнату.

— Кто здесь?

— Аполлон, бог красоты. Вас устроит такая компания? Анжелика почувствовала, как дрожат ее ноги. В комнате никого не было. Только под одной из колонн была нагромождена гора тряпья. Она подошла и тронула ее ногой. Неожиданно куча ожила, и из нее выскочило нелепое создание с крохотными ручками и головой.

— Баркароль!

— Он самый, маркиза ангелов!

Карлик учтиво поклонился. Как обычно, с тех пор как он оказался при дворе, Баркароль был одет чрезвычайно изысканно и ярко, а у пояса его висела почти игрушечная шпага.

Несколько лет Анжелика не встречала его, и теперь она была очень рада снова увидеть своего старого друга.

— Ты стал настоящим дворянином, — польстила она ему.

— Как же иначе? Если бы не мой рост, я был бы первым среди этих напыщенных господ, которые шастают по королевским покоям. Да и эти колокольчики на моей шляпе не позволяют относиться ко мне всерьез. Но королева не разрешает мне срезать их, так как в Испании, на ее родине, шуты всегда носили колокольчики и их звон напоминает ей родные места. А король, наоборот, не выносит их звона. Если я нахожусь поблизости во время его визита к королеве, он старается прогнать меня палкой. Кажется, королева скоро согласится с ним, и я срежу наконец эти смешные бубенчики. Л вместо них я приобрету настоящее дворянское украшение.

— Что за украшение? — Анжелике по душе была болтовня с веселым карликом.

— Парик, — важно ответил он. Анжелика засмеялась.

— Представляю, как ты заважничаеть!

— Не всегда же мне оставаться шутком, маркиза, — то ли серьезно, то ли с иронией ответил Баркароль.

— Ну что ж, рада иметь дело с важной персоной. Давайте продолжать беседу, господин Баркароль.

— Но... Вы не боитесь за репутацию? Про вас пойдут слухи, что вы и я... А господин дю Плесси вызовет меня на дуэль.

— Но вы сумеете постоять за себя, не так ли?

— Разумеется. Будь что будет. Я умею быть достойным кавалером, мадам. Но безопаснее нам будет вести беседу у окна, и случайный наблюдатель решит, что мы любимся парком и лужайкой.

Карлик вспрыгнул на подоконник и прислонился лицом к стеклу.

— Дворец пришелся и вам по вкусу, не так ли? Вы сделали придворной дамой, но это не помешало вам сохранить дружеское отношение со своим старым другом Баркаролем.

— То, что нас связывает, не забывается всю жизнь, — ответила Анжелика, грустно глядя на вершины деревьев.

Солнце уже залило нежным светом и лужайку, и парк, и фонтаны террасы. Тут и там виднелись озабоченные садовники, старающиеся до выхода гостей управиться с уборкой сада.

— Ведь я до сих пор не потерял связь с Великим Позером, — тихо проговорил Баркароль. — Мы с вами самые богатые его подданные, маркиза. И Деревянный Зад не бросит нас в беде.

— Я так боюсь прогневать его, — пожаловалась Анжелика.

— Напрасно, маркиза. Вы ведь знаете наши законы. Тот, кто исправно одаривает короля Тюнов, пользуется его неизменной поддержкой. И такой поддержки нет ни у кого из обитателей этого роскошного дворца.

В коридорах уже раздавался стук каблуков по мраморному полу. Из спален выходили сонные придворные.

— Сейчас появится королевская нянька, — шепнул Баркароль.

И сразу за его словами в конце коридора появилась одетая в темное старуха, которая, не замечая приветственных знаков встречающихся на ее пути господ, медленно прошествовала по направлению к королевским покоям.

— Будить короля — ее исключительная привилегия, — продолжал Баркароль. — Она впускает в его спальню солнечные лучи, затем они перебрасываются несколькими словами, и она уходит до следующего утра. Никому не известно, где находится ее укромная келья, но до нее никому не разрешается входить в покои Его Величества.

Король готовился к подъему.

За нянькой к королю торжественно проследовали три доктора, также одетые во все темное, в белых париках и высоких черных колпаках. В их обязанности входило справляться о здоровье короля и производить измерение его пульса.

Следом в покои направлялись самые знатные особы. Их король встречал уже стоя. Ему подавали одежду. Каждый этап облачения сопровождался появлением новой делегации. По очереди сменяли друг друга герцоги, пэры, государственные секретари, послы, кардиналы...

Король отвечал на приветствия, обращался с поручениями или замечаниями, отмечал отсутствующих.

Те, кто пользовался привилегией утреннего посещения Его Величества, считались при дворе «высшим светом».

Глава 9

Вся эта свита прошла перед глазами Анжелики, которая запоминала избранных и делала важные наблюдения.

Ожидая выхода королевской четы, придворные переместились в другую часть дворца. Они заполнили широкий коридор, причем каждый старался встать на более видное место.

Среди пестрых нарядов Анжелика заметила Филиппа. Теперь, когда его внимание было целиком поглощено ожиданием короля, Анжелика имела возможность незаметно побывать у него в комнате и забрать свои вещи. Она чуть не заблудилась в малознакомых галереях, но вскоре нашла нужную ей комнату с пометкой на двери, которая так поразила вчера маркиза.

Ее встретил ля Виолетт, который чистил оружие хозяина. Он чувствовал себя виновным и предложил свои услуги Анжелике, но та гневно отвернулась. Она торопливо переоделась и побежала обратно, боясь опоздать к торжественному выходу.

Наконец королева и король вышли к ожидавшей их толпе придворных. Анжелику поразило, насколько красным было лицо королевы, даже толстый слой пудры не скрывал воспаления, вызванного обильными слезами. Снова король оставлял ее подолгу одну. Стараясь не глядеть на свиту, Мария-Тереза гордо прошествовала мимо госпожи де ля Валльер.

Но от Анжелики не укрылась тревога, сквозившая в глазах фаворитки. Всем мало-помалу делалось ясно, что падение ее близко. Ведь король так переменчив... Королева могла уже не бояться ее. Но кто займет место фаворитки?

После мессы король вышел из дворца и занялся с посетителями. В это время к Анжелике подошел молодой человек из свиты короля:

— Мадам, король выразил желание видеть вас во время завтрашней охоты и просил не опаздывать.

— Передайте Его Величеству, — с волнением ответила она, — что только смерть помешает мне присутствовать на завтрашней охоте, господин де Лувуа.

— Да, мадам.

— Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

— Охотно, мадам. Подождите меня в коридоре, я выйду к вам, как только король закончит прием прошений.

— Не забудьте передать ему, что завтра я с самого начала буду присутствовать на охоте.

— Нет. Вы не будете на ней присутствовать, — раздался у нее за спиной голос маркиза дю Плесси. — Вы все еще не поняли, что вам не бывать при дворе? Я приказываю вам отправляться в Париж!

— Филипп! Не ставьте себя в глупое положение, — тихо проговорила она. — Ведь я стараюсь помочь вам.

— Вас не будет завтра на охоте.

— Я буду на охоте, Филипп!

Придворные, прислушиваясь, подошли поближе, на их лицах играли веселые ухмылки. Вполоборота к Анжелике стоял маркиз де ля Валльер.

Анжелика старалась любой ценой предотвратить назревающий скандал.

— Хорошо, Филипп. Я согласна уехать. Надеюсь, вы удовлетворены? Он не ответил, и Анжелика поспешила оставить образовавшийся вокруг них кружок любопытных.

«Когда я добьюсь милости короля, он не посмеет диктовать мне свою волю!» — подумала она, переводя дыхание.

Но будет ли благосклонен к ней король? Вот о чем собиралась она поговорить с де Лувуа.

Ей были хорошо известны обширные связи этого влиятельного и ловкого придворного, который, несмотря на свою молодость, уже приобрел при дворе заметное влияние.

Между тем ее уже разыскивал маркиз де ля Валльер, он переходил от одной группы к другой и спрашивал о ней.

Первым желанием Анжелики было скрыться, но, подумав, она решила воспользоваться случаем и поговорить с хорошо осведомленным маркизом.

— Представьте себе, что король уже не сердится на вас за опоздание на охоту, — приветствовал ее маркиз.

Воодушевленная таким началом разговора, Анжелика напрямую спросила его, удастся ли ей, по его мнению, получить придворную должность.

— Ого, куда вы замахнулись! — засмеялся он. — Здесь для мало-мальски значительной должности надо убрать с дороги множество соперников. Вам должно быть известно, что если кто-то и получает должность, то только на три месяца.

— То есть?..

— Должность можно купить только на три месяца. После этого срока

вы обязаны перепродать ее. Король недоволен этим, но сделать ничего не может. Ему не нравится расставаться со своими слугами, к которым он успевает привыкнуть. Так, чтобы сохранить подле себя своего любимого Бонтама, ему приходится не только платить каждый раз за его назначение, но и выкупать само право быть назначенным снова.

— Как это сложно! Разве королевской власти недостаточно, чтобы навести в этом порядок?

— Король не может отказать своим приближенным в подобной милости. Так было всегда, и так будет.

— Вы тоже участвуете в покупке должностей? Я слышала, что вам всегда удается...

— Не верьте слухам, моя дорогая. У меня одна из самых незначительных должностей, как и жалованье, которое я за нее получаю.

Он остановил за локоть одного из проходящих мимо вельмож и спросил:

— Приговор уже вынесен?

— Да.

— Колесование?

— Да. Колесование с отсечением головы.

— Прекрасно, — молодой человек повернулся к Анжелике. — Это одна из моих обязанностей. Помимо прочего я занимаюсь «перераспределением имущества». Знаете, что это означает?

— Нет, право.

— Вам известно, что, если кто-то из высокопоставленных лиц оказывается преступником, его имущество переходит к короне? И король, в свою очередь, раздает его тем, кому он желает выказать свою милость. А тот, кто способствует выявлению злоумышленников, имеет преимущество при раздаче их имущества. Недавно мне удалось разоблачить шартрского судью и двух его сообщников, которых и приговорили сегодня к казни... Но я должен оставить вас, маркиза: король не должен ждать, если я понадоблюсь ему.

«А он гораздо опаснее, чем кажется», — с некоторой неприязнью подумала Анжелика.

Тем временем к ней уже подошел де Лувуа и шепнул ей, что еще не может уделить ей внимание, так как должен сопровождать короля во время второй аудиенции, а потом ему предстоит готовить столы к завтраку.

Анжелика отметила про себя, что король, который заснул не раньше 3 часов ночи, в 6 часов утра уже встал к мессе и немедленно начал заниматься делами.

Покинув Анжелику, де Лувуа подошел к молодому человеку, скромно одетому, но с гордо поднятой головой.

— Я посол с острова Дофина, — услышала Анжелика рапорт молодого человека.

Среди встреч этого утра важной для нее оказалась беседа со своим старым знакомым, финансистом Кольбером. Он молча взял ее за руку и отвел в дальний угол галереи.

— Как вы знаете, мадам, я не являюсь ни придворным, ни даже дворянином. Я всего лишь торговец. Но вы, в отличие от меня... Короче, я хочу обратиться к вам за советом.

Анжелике удалось побороть в себе чувство раздражения, вызванное этим новым упоминанием о ее «шоколадных» делах. Она довольно сухо ответила:

— Знаете ли, я теперь почти не занимаюсь коммерцией, господин министр. Чем же я могу быть вам полезной?

— Я нашел ваше имя в списке собственников акций Восточно-Индийской компании. Вы единственная среди этих лиц, кто имеет доступ ко двору, а кроме того, одна их тех, чьи дела процветают. Я решил, что вы сможете помочь мне разобраться в кое-каких делах этой компании.

— Но вы прекрасно знаете, господин министр, что эта компания дублирует «Общество ста коммерсантов» в торговле с Америкой. Я имею в ней часть акций, но сегодня они не стоят и сольдо!

— Меня не интересует стоимость акций, мадам. Но как вам удалось оказаться в выигрыше там, где остальные разорились?

Анжелику понемногу заинтересовал разговор с Кольбером.

— Единственным моим выигрышем было то, что я еще раз удостоверилась, как не надо вести дела.

— Что вы имеете в виду?

— Нельзя рассчитывать получить выгоду там, где не прикладываются усилия.

— А если бы усилия были приложены, компания возродилась бы? — спросил преемник казенного Фуке.

— Пожалуй, но только не для торговли с Индией, как было задумано с самого начала.

— Отчего же? Я знаю, что ваше судно «Сен-Жан-Батист», оснащенное 12 пушками, под руководством капитана Гинана — в прошлом пирата — успешно торгует с Америкой.

— Да, я вывожу оттуда сырье для производства шоколада.

— Так почему бы вам не торговать с Индией?

— Отправляясь к берегам Америки, моряки не опасаются встречи с корсарами восточных морей. Плавание туда гораздо безопаснее.

— Но англичанам и голландцам удаются без происшествий плаванья на Восток.

— Они объединяются в группы по двадцать — тридцать тяжелых кораблей. Поэтому у них не получается делать больше двух плаваний в год.

— Почему же французы не следуют их примеру?

— Господин министр, — пожала плечами Анжелика, — если это неизвестно вам, откуда могу знать об этом я? Наверное, дело тут в традиции. Не так просто договориться стольким купцам о едином дне отправления. Да и вопрос снабжения... Вот если бы на пути в Индию у Франции был свой перевалочный пункт...

— Остров Дофина, например?¹

— Предположим. Но при условии, что власть на нем будет принадлежать не военным и, уж конечно, не дворянам.

— Тогда кому же?

— Тем, кто прежде всего заинтересован в процветании торговли: коммерсантам и плантаторам. Тогда там будет мир, и французские колонисты не будут подвергаться атакам местного населения, которое каждый новый губернатор стремится превратить в рабов и увезти на продажу.

— Я узнаю от вас много интересного, мадам, — сказал господин Кольбер, теребя свой жирный подбородок. — Я бы еще охотно поговорил с вами, но не сию минуту. Вы не могли бы подождать меня в комнате для посетителей? Всего лишь четверть часа?

Тут только Анжелика поняла, что за разговором с министром финансов она упустила возможность поговорить с молодым военным министром де Лувуа. Нет, она не может себе позволить терять драгоценное время.

Но едва она направилась к выходу, как ее догнал один из помощников господина Кольбера:

— Госпожа маркиза, не сочтите за труд проследовать за мной. Вас ожидают.

Ее ввели в великолепно убранную комнату, потолок которой был расписан пейзажами Олимпа. По обе стороны от двери висели тяжелые голубые занавесы, расшитые золотыми и серебряными лилиями.

С первого взгляда Анжелика поняла, что находится в рабочем кабинете, обставленном в самом изысканном стиле.

Повернувшись к ней спиной, у окна стоял Кольбер. Он оперся рукой о массивную столешницу из черного мрамора, которую поддерживали резные ножки, изображающие позолоченных львов.

По другую сторону от стола стоял король.

Анжелика безмолвно застыла на месте.

— Вот он, мой новоявленный инструктор по торговле и отношениям с колониями, — оборачиваясь, произнес Кольбер.

— Прошу вас, мадам, подойдите ближе и введите короля в курс ваших наблюдений.

Король сделал несколько шагов по направлению к ней, и Анжелика в ужасе вспомнила, что забыла сделать придворный реверанс.

Мадагаскар.

— Вы большой шутник, господин Кольбер, — сказал король. — Итак, ваш инструктор по торговле — эта милая дама из моего окружения?

— Мадам дю Плесси-Белльер успешно торгует с Америкой, Ваше Величество, тогда как другие на этом поприще терпят убытки... Расскажите, мадам, как вам это удается. Начните с того, почему ваш капитан не захотел плыть на Восток, а предпочел Америку.

— Ваше Величество, — начала Анжелика, поборов замешательство, — я уже сообщила господину министру, что пираты южных и восточных морей гораздо опаснее тех, что иногда встречаются в западных водах. В Америку судно может плыть в одиночку, даже без конвоя.

— Но ведь французские корабли успешно плавали к берегам Индии и в одиночку, — возразил король.

— Сир, вы говорите о военных кораблях или о легких купеческих судах, на которые нельзя погрузить достаточное количество товаров, зато им удастся уйти от преследования пиратов. Настоящий же торговый корабль не имеет ни малейших шансов без охраны добраться даже до южной оконечности Африки.

Король внимательно слушал ее.

— Все дело в охране?

— Если только суда соберутся во флотилию. Одному кораблю невыгодно нанимать для сопровождения военный корабль. Англичане и голландцы так и поступают.

— Господин Кольбер, — перебил ее король, — отныне все торговые суда, идущие на Восток, должны эскортироваться военными кораблями.

Затем король и министр финансов углубились в обсуждение этого проекта, в то время как Анжелика безмолвно дожидалась разрешения уйти.

— Отныне французские корабли будут объединяться в

многочисленные караваны, — провозгласил король. — Это мой приказ.

И король решительно положил свою ладонь на мраморную столешницу.

— Кстати, мадам, вы не слышали, что два года назад я посылал экспедицию, которая должна была поддержать наши позиции на острове Дофина?

— Я слышала об этом, сир, но никто не надеялся, что экспедиция окончится благополучно.

— Откуда же вы знаете об этом? Я только что принял у себя посланца господина де Монтевергю, начальника экспедиции. Ему было приказано ни с кем не разговаривать до встречи со мной.

Анжелика поведала ему, что связь между моряками и торговыми кораблями налажена гораздо лучше, чем между монархами и их посланцами.

К концу разговора она так устала, что с трудом могла держаться на ногах. Наконец король взмахнул рукой, отпуская присутствующих. Уже у порога Анжелика услышала властный голос:

— Останьтесь на минутку, мадам.

Он обогнул стол и подошел к ней. Лицо его все еще сохраняло сосредоточенное выражение, но голос прозвучал мягче:

— Вы появитесь на охоте завтра?

— Я страстно желаю этого.

— Я поговорю с господином маркизом дю Плесси, чтобы он так же страстно желал этого.

— Благодарю вас, сир.

Возникла напряженная пауза. Сердце Анжелики бешено стучало, она чувствовала, что краснеет.

В это время в кабинет вошел герцог де Шарост.

— Его Величество изволит завтракать со всеми или прикажет накрыть ему отдельно?

Анжелика снова опустилась в глубоком реверансе, но король все еще не отпускал ее.

— У вас есть сыновья, мадам. Они уже могут приступить к службе или еще молоды?

— Они еще молоды, сир: семь и девять лет.

— Им пора уже избавляться от опеки женщин. Представьте же мне их как-нибудь.

Последние слова король произнес уже в дверях, так что столпившиеся у входа придворные слышали их.

Анжелика сделала третий реверанс.

Глава 10

Король обедал. Затем весь двор проследовал в парк, где король совершил продолжительную прогулку. Погода была теплой и безветренной до вечера. Когда спустились сумерки и слуги зажгли первые фонари, придворные поспешили по своим комнатам, чтобы успеть переодеться к вечернему спектаклю.

Анжелика переменяла платье в комнате госпожи де Монтеспан. Та заметила ей, что украшения, которыми Анжелика украсила платье, были слишком скромными для вечернего туалета. Так как у нее не было времени послать за другими в свой дом на улице Ботрейн, ей пришлось обратиться к двум придворным ювелирам, у которых она взяла на один вечер несколько ярких украшений, заплатив за это двести ливров.

Тем временем весь двор уже устроился перед сценой в большой галерее, готовый смотреть спектакль.

— Какого мнения вы о Мольере, мадам? — спросил над ее ухом чей-то голос. — По-моему, он весьма нравоучителен. Вы не находите?

С удивлением Анжелика узнала голос Филиппа. На этот раз он был одет в розовый камзол, обшитый серебром. Он улыбался, и Анжелика ответила в тон ему непринужденным голосом:

— Господин Мольер пишет занятные пьесы. Правда, иногда я не понимаю его замысла.

— Что поделаешь! Не составите ли вы мне компанию, перейдя поближе к сцене?

С этими словами он обнял ее за талию и увлек за собой. Их охотно пропустили вперед: всем было известно, в какой милости у короля находится этот вельможа. Наконец Филипп выбрал удобное место.

— Мы будем смотреть спектакль, а король будет смотреть на нас. Замечательно, не так ли?

Он не снимал руки с ее талии. Наоборот, он наклонил к ней свое лицо, и она почувствовала щекой прикосновение его жесткого парика.

— Это необходимо, чтобы вы наклонялись ко мне так близко? — спросила она глухим голосом, чувствуя, что поведение Филиппа неестественно.

— Необходимо, совершенно необходимо. Ваше дурное настроение произвело настолько плохое впечатление на короля, что он попросил меня быть любезным с вами. Я не хочу, чтобы король заподозрил меня в

ослушании. Это его воля.

— Вот как?

— Да. Никто не должен видеть отныне, что мы в размолвке.

— Да вы...

— Тише. Не заводитесь.

Его рука на талии превратилась в стальной обруч.

Пьеса была совсем новая, публика еще не видела ее. Сам Мольер играл в ней роль Арнольфа.

Анжелика слушала рассеянно. Она любила смотреть спектакли, но сейчас рука Филиппа постоянно напоминала ей о его присутствии.

«Если быть откровенной, — думала она, — то я не питаю к нему ни ненависти, ни антипатии». Ей хотелось повернуться к нему и сказать:

— Филипп, давайте не будем детьми. У каждого из нас есть много достойного уважения и даже любви. В конце концов, мы кузены...

Украдкой она поглядывала на своего мужа, и ей было несколько странно, что ее волнение не передается ему. Рядом с ней находился неприступный, холодный, как мрамор, бог войны Марс. Его равнодушие угнетало Анжелику.

— Ха-ха-ха! — покатывались со смеха зрители.

— Идиоты! — вполголоса произнес Филипп. — Им и в голову не приходит, что все срисовано с них самих. Животные!

— В них много жизнерадостности, — возразила Анжелика.

— Глупости еще больше.

Через несколько минут его голос смягчился:

— А вот конец мне понравился. А вам?

— Он не так глуп, этот Мольер, — сказал он чуть позднее, когда спектакль закончился и зрители встали со своих мест.

— Он пишет для короля и придворных, поэтому среди его персонажей нет ни буржуа, ни простолюдинов. Нам, вельможам, приятнее смотреть на самих себя.

«Он не так глуп, этот Филипп!» — в свою очередь подумала Анжелика, с удивлением взглянув на него.

Филипп вел ее под руку, что несколько сковывало ее.

— Не бойтесь, я не сделаю вам больно, — сказал маркиз. — Мы же на людях. Давайте подведем первоначальный итог нашей войны. Вы одержали победу на первом этапе, женив меня на себя. Я одержал верх на втором этапе, наказав вас. Затем вы вырвались в Париж, а я заточил вас в монастырь. Вы снова вырвались и теперь уже находитесь при дворе. Следующий ход мой, не так ли?

— Судьба нас рассудит.

— Не только судьба, но и умение вести боевые действия. Вам сопутствует везение, очень сильное везение. Но не торжествуйте победу. Я никогда не сдаюсь. Как бы вам не пришлось в один прекрасный день оказаться навсегда упрятанной в глухом монастыре.

— Как бы вам не пришлось в один прекрасный день безумно влюбиться в меня.

Пораженный, Филипп посмотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Заключим пари? — улыбаясь, предложила Анжелика. — Если вы выиграете, я отдаю вам в руки свою судьбу, все дела и всю собственность. Зачем мне все это, если я буду заточена в темницу.

— Напрасно смеетесь, — угрожающе произнес он. — Напрасно смеетесь.

— Не всегда же плакать, Филипп...

На глаза ее внезапно навернулись слезы. Она вспомнила, с какой жестокостью он истязал ее.

— Если выиграю я, — прошептала она, — вручите мне то золотое кольцо, которое в вашей семье было принято вручать невестам. Я не знаю его доподлинную историю, но я слышала рассказы о том, что всем женщинам семейства дю Плесси-Белльер оно прибавляло мужества.

— Вам его не занимать, — неожиданно сказал Филипп.

И, оставив ее одну, он размашистыми шагами пошел вдоль галереи по направлению ко дворцу.

На следующее утро, на рассвете, весь двор вновь отправился в лес на охоту.

Охота удалась на славу. В полдень был загнан и повален крупный десятирогий олень.

После охоты всем было разрешено вернуться в Париж. Анжелику согласилась отвезти в своей карете госпожа де Монтеспан. Захлопнув дверцу, Анжелика увидела подошедшего к ней принца де Конде. Она поклонилась ему:

— Монсеньор, мне так понравилось при дворе! Вот если бы у меня был такой же большой опыт, как у вас...

— Дитя мое, — ответил принц, — надо помнить всего о трех вещах: говорить всем приятное, просить все то, что только можно получить, и стараться присесть везде, где только разрешает этикет. Вот так.

Глава 11

Прошло время, и Анжелика почувствовала, что ее неудержимо тянет снова окунуться в придворную жизнь.

Она велела запрячь лошадей и отправилась в Сен-Жермен-ен-Лей, местечко, вот уже три года облюбованное королем Франции.

Это место теперь было оживлено не меньше, чем Версаль. Повсюду сновали слуги, горничные, кучера и управляющие светских особ, съезжающихся сюда отовсюду. Сегодня сюда приехал сам король, его карету, запряженную шестеркой белоснежных лошадей, Анжелика увидела у въезда в сад.

Анжелика поочередно обменялась приветствиями с маркизом де ля Валльером, де Рокелором, Бриенном и Лозуном. Все они были заняты обсуждением одной и той же новости: король ввел-таки в обиход голубую униформу, которую в знак особого расположения Его Величества разрешалось носить лишь избранным. Счастливицы имели право следовать повсюду за королем без особого приглашения.

У одного из гротов парка Лозун отделился от компании и подошел к группе дам, среди которых находилась фаворитка короля мадемуазель де ля Валльер. Когда он вернулся, Анжелика заметила:

— Вокруг нее все еще увиваются проныры, которые надеются поживиться за счет государственной казны. Все они разбегутся, как только подует неблагоприятный ветер. Мне сказали; что ее многочисленные протезы — настоящее бедствие для короны.

— Вы понемногу начинаете разбираться в тонкостях придворной жизни, — рассеянно произнес Лозун.

Они шли уже вдвоем мимо аккуратно подстриженных кустов. Лозун остановил ее.

— Посмотрите-ка вон на те деревья, прошу вас.

Не понимая, зачем он просит об этом, Анжелика повиновалась.

— Восхитительно! — вздохнул Лозун. — Ваши глаза по-прежнему зелены и свежи, как вода в источнике.

Он поцеловал ее в веки. Она слегка отстранилась.

— Не думайте, что раз мы находимся в лесу, вам следует непременно играть роль сатира.

— Но я так давно обожаю вас!

— Ваше обожание не идет дальше дружеских чувств. Но я хотела бы,

чтобы они помогли мне получить место при дворе.

— Анжелика, вы ведете себя, как слишком серьезный ребенок, которому показывают красивую игрушку, а он в это время думает о невыполненных уроках. Вам говорят о том, что вами восхищаются, а вы твердите о должностях.

— Кто не твердит о них при дворе?

— Но и в любви признаются тоже все, — сказал Лозун, обнимая ее рукой за талию.

Но Анжелика пресекла и эту попытку, устремляясь к следующему гроту, где собралась большая группа придворных. Среди них она узнала короля.

— А вот и наша очаровательная малышка, — воскликнул он, замечая ее. Король завел беседу с Лозуном, а Анжелика смешалась с его окружением.

Через некоторое время Пегилен взял ее под руку.

— Король просит на два слова.

Анжелика подошла к Его Величеству и сделала реверанс.

— Мадам, — сказал король, — с момента нашей встречи я имел возможность убедиться в полезности ваших советов. Мне пришла в голову мысль, что вас совсем не отблагодарили. Я хочу исправить эту несправедливость. Если у вас есть какое-нибудь заветное желание, я готов его выслушать.

— Сир, вы были так добры, пообещав принять моих сыновей. Могу ли я надеяться на...

— Не беспокойтесь, это не в счет. Есть ли у вас лично какая-нибудь заветная просьба?

Анжелика вспомнила, что у нее было поручение от парикмахера Бине, который умолял ее устроить ему аудиенцию.

— Парикмахер? — удивился король. — Но я имел в виду что-то важное для вас.

— Но, во-первых, этот парикмахер трудится над моими прическами, а во-вторых, это лучший парикмахер во всем Париже. У него есть секрет, который позволил бы Вашему Величеству носить парик не только не состригая волос, но даже не упрятав их.

— Вот как? — вновь удивился король. — Разве такое возможно, мадам?

— Почтенный Франсуа Бине может доверить свой секрет только лично вам.

— Черт возьми! — развеселился король. — У меня не хватит терпения

ждать до завтра! Меня замучили мои волосы: то ли срезать их, то ли оставить? Но если ваш мастер нашел способ решить этот вопрос, честное слово, я сделаю его герцогом!

Засмеявшись, король подозвал к себе человека из своей свиты и велел ему вызвать к себе господина Бине.

И на следующий день, и во все последующие дни Анжелика ездила ко двору.

Ни разу она не встретила там Филиппа. До нее дошли слухи, что его отправили в инспекцию в Пикардию. Может быть, он вошел в немилость к Его Величеству? Вряд ли, так как маркиз один из первых получил голубой мундир избранных.

Лозун все еще пытался остаться с ней наедине и объяснить в любви, но Анжелика придерживалась правила, усвоенного из разговора с принцем де Конде. Дело уже шло к тому, что Лозун, участвующий в обычном перемещении придворных по ступеням дворцовых должностей, вот-вот выхлопочет место и для нее.

Вскоре Анжелика узнала, что Бине стал первым королевским парикмахером. Его хитроумный парик с отверстиями, через которые можно пропускать собственные волосы, пришелся по душе королю. Все его окружение пожелало носить парики, вышедшие из-под рук парикмахера Бине.

Глава 12

Как только выпал снег, королевский двор поспешил в Фонтенбло. Король вызвался помочь крестьянам и очистить область от волков, наносящих им огромный урон.

Филипп не показывался. В первый день приезда двора в Фонтенбло он был занят приготовлениями к охоте. Предстояло загнать стаю кровожадных хищников, которые утаскивали овец прямо из овчарен, а недавно загрызли ребенка десяти лет. Стаю водил на разбой матерый волк. Говорили, он был «размером с теленка». Ночами волки разгуливали по деревням, наводя страх на крестьян.

Облава должна была быть быстрой и решительной. В назначенный срок в Фонтенбло собрались крестьяне, вооруженные вилами и колами.

Ненавистью к волкам пылали все: и крестьяне, и сеньоры, и амазонки. Уже к вечеру было заколото с десятков свирепых хищников. Но охота не была закончена. Предстояло отловить вожака.

Анжелика остановила лошадь и прислушалась к далекому гудению рогов, доносившемуся из-за утесов, поросших лесом. Лес! Как давно она не была в лесу!

Ей вспомнилось детство в Ниельском лесу. Деревья еще не сбросили пожелтевшую листву. Снег застиг их раньше обычного в этом году. Он лежал на кронах плотным покрывалом, отчего в лесу царил полумрак.

Это было немного похоже на ребячество, но Анжелике больше всего хотелось сейчас подольше побыть одной в этой поистине сказочной красоте, такой дорогой ее сердцу.

Она соскочила со своей Серезы и привязала ее к суку орешника. Но Анжелика еще не сделала и десяти шагов, как Сереза вдруг истошно заржала, рванулась с привязи и понеслась галопом, не разбирая дороги.

— Сереза! Сереза! — закричала Анжелика.

Она обернулась и сейчас же поняла, что было причиной панического бегства животного. В кустарнике кралась чья-то крупная тень.

«Волк!» — поняла она.

Это был тот самый вожак, за которым гналась сейчас толпа крестьян и придворных. Шерсть его оцетинилась, он мягко ступал по ковру из листьев, припорошенных снегом.

Анжелика вскрикнула.

Волк замер на мгновение, потом снова стал приближаться к ней.

Анжелика бросила взгляд назад и заметила крутой утес, возвышающийся прямо у нее за спиной.

«Скорее наверх!» — мелькнула спасительная мысль.

С небывалой ловкостью она вскарабкалась на выступ, но не очень высоко, так как выше скала была слишком гладкая.

Волк подбежал к скале, но не смог дотянуться до молодой женщины. Он сделал несколько бесполезных прыжков. Глаза его злобно сверкали, он непрерывно рычал.

Сердце Анжелики бешено колотилось, она в ужасе бормотала слова молитвы.

Но тут до слуха ее донесся галоп скачущей лошади. Сбивая с веток снег, к ней скакал всадник.

Как во сне, Анжелика увидела приближающегося главного ловчего, своего мужа Филиппа дю Плесси-Белльер.

На скаку он стащил с рук перчатки и выхватил длинный охотничий нож.

Филипп соскочил с коня и пошел на волка, который повернулся к новому противнику. Волк оцетинился и приготовился к прыжку.

С быстротой молнии молодой человек выбросил ему навстречу левую руку и схватил стальной хваткой зверя за горло. Другой рукой он одним взмахом вспорол волчье брюхо.

Со всех сторон на поляну высыпали всадники.

— Хороший удар, господин маршал, — сказал король, подъезжая к Филиппу.

Анжелику никто не замечал. Она осторожно слезла с выступа и подобрала со снега шляпу.

Случай свел их на ночном торжестве. Она хорошо помнила тот злобный взгляд, который бросил на нее Филипп, прежде чем снова вскочить в седло после поединка с волком. Но все же она чувствовала, что должна поблагодарить его за свое спасение.

— Филипп, я так вам благодарна, — сказала она, оказавшись вместе с ним в зале, где накрывали столы. — Без вашего вмешательства я погибла бы.

В ответ Филипп поймал ее запястье и сжал так сильно, что оно готово было хрустнуть.

— Если вы не умеете вести себя на охоте, оставайтесь у себя и занимайтесь рукоделием, — гневно прошипел он. — Вы все время ставите меня в неудобное положение. Как я хотел бы избавиться от вас поскорее!

— Тогда надо было не мешать волку расправиться со мной, как ему

хотелось.

— Не думайте, что я спасал вашу жизнь. Я охотился на волка, вот и все. Вы, как и все женщины, считаете, что каждый готов умереть за вас. Я не из тех. Когда-нибудь вы поймете, раз уж до сих пор не поняли, что я сам — волк.

— Я сомневаюсь в этом, Филипп.

— Когда-нибудь я попробую вам доказать это, — сказал он с холодной усмешкой.

Он мягко взял ее руку и поднес к своим губам. Что-то в его жесте насторожило Анжелику.

— То, что стало между нами с момента нашей свадьбы — я имею в виду ненависть и соперничество, — никогда не улетучится, так и знайте.

С этими словами он неожиданно жестоко надкусил ей запястье, так что она едва не завопила на весь салон.

— Держите себя в руках, мадам, — сказал он громко, чтобы все слышали, — вино плохо на вас действует.

Затем он покинул залу и пошел вслед за королем, который промелькнул в коридоре.

Зажав платком кровоточащую ранку на запястье, Анжелика спустилась в вестибюль, где было прохладнее. Слишком много испытаний выпало на ее долю за сегодняшний день. Теперь еще пойдут сплетни, что она напилась допьяна и была отчитана своим мужем. В изнеможении она опустилась на софу, которая стояла в затемненном углу.

Проходящий мимо маркиз де Лозун, облаченный в голубой мундир, заметил ее и остановился.

— Как всегда одна! — ворчливо произнес он.

Он сел рядом и с отеческим видом похлопал ее по плечу, затем спросил:

— Вы плачете? Из-за мужчины? Анжелика попробовала улыбнуться.

— Мое горе не такое уж сильное. Смотрите!

И она показала маркизу свое укушенное запястье.

— Что за чудовище укусило вас, мадам? Скажите мне его имя, и я призову его к ответу.

— Напрасно вы горячитесь, Пегилен. Этот человек, увы, имеет все права на меня.

— Вы хотите сказать, что это сделал маркиз дю Плесси-Белльер, ваш муж?

Анжелика не ответила и залилась слезами.

— Ну, ну! — мягко проговорил Лозун. — Не стоит плакать из-за

мужчины, а тем более из-за мужа.

Он протянул ей свой платок, и она с благодарностью взглянула на него. Он улыбнулся в ответ.

— Вам лучше?

— Кажется, да.

С минуту он молча разглядывал ее лицо. Они были отделены выступом стены от галереи, где каждую минуту сновал кто-либо из слуг или придворных.

— Кажется, этот уголок и называется обиталищем Венеры? — спросила Анжелика.

— Именно так. Здесь часто можно встретить нетерпеливых влюбленных, укрывающихся от посторонних глаз. Но, мне кажется, Венера гневается на вас.

— Что вы хотите сказать?

Пегилен задумчиво положил подбородок на сомкнутые кисти и произнес:

— Проклятый Филипп! Кстати, вы никогда не пробовали подсыпать ему в вино какого-нибудь успокаивающего порошка?

— Если бы вы знали, как мне трудно было бы сделать это. Ведь мы почти не видимся.

Глаза Лозуна расширились.

— Вы хотите сказать, что ваш муж настолько безразличен к вашим чарам, что никогда не посещает вашу спальню?!

Анжелика тяжело вздохнула.

— Да, это так.

— И его не волнуют ваши любовники?

— У меня их нет.

Лозун подскочил от неожиданности.

— Невероятно! — прошептал он, сделав изумленное лицо. — Вас следовало бы выпороть!

— Что вы сказали?

— С вашим-то очарованием! С вашими чудесными глазами, кожей, фигурой — отвергать поклонников! Да вы чудовище! На уме одни расчеты, анализы, замыслы... А на лице ангельское выражение. Мне непонятно... Зачем вы отвергаете любовь?

Его гнев развеселил Анжелику.

— Что же вы хотите, у меня столько разных дел!

— Чем еще должна заниматься женщина, как не любить? Да вы просто эгоистка!

Стараясь перевести разговор, грозящий вылиться в очередное объяснение в любви, на другую тему, она спросила:

— Как поживает ваша новая должность, Пегилен?

— Я еще не получил ее, — спокойно ответил он.

— Почему?

— Мне не хотелось бы вдаваться сейчас в подробности всех этих придворных склок, а кроме того, мне кажется, вы снова уводите меня от интересующего вопроса. Я хочу знать, почему ваши поступки исходят из приказов "вашей прелестной головки, а не отсюда.

И он положил свою руку ей на грудь.

— Пегилен! — воскликнула она, поднимаясь.

Но он удержал ее за талию правой рукой, в то время как левой подогнул колени. Анжелика потеряла равновесие и повалилась на диван в объятия Лозуна.

— Тише, и не шевелитесь! — строгим голосом велел он. — В конце концов, вы в некотором роде моя ученица, и я стремлюсь помочь вам. Ответьте мне, почему ни один из самых знатных придворных до сих пор не удостоился вашего внимания?

Анжелика хотела было вырваться, но слова ее кавалера развеселили ее. Она улыбнулась.

— Я не разрешаю вам смеяться, — распалялся все сильнее Лозун. — Я говорю о серьезном.

Указательный палец его слегка коснулся ее шеи.

— А вы, господин Лозун, находитесь среди моих дыхателей?

— О нет! Только не я! У меня не хватило бы храбрости...

— Вы боитесь меня?

Глаза маркиза сделались печальными.

— Вас... И все то, что вас окружает. Ваше прошлое, ваше будущее... Вашу тайну.

Пальцы его перебирали жемчужное ожерелье на ее шее.

— Говорят, что до сих пор рука мужчины не касалась вас. Не знаю, правда ли это, но мне ужасно хочется преподать вам небольшой урок в этой области.

Он принялся осторожно целовать ее веки, виски, осторожно приближаясь к губам.

Анжелику охватил трепет, в ней колыхнулась какая-то скрытая, животная страсть. К ней примешивалось любопытство убедиться на собственном опыте в талантах придворного Дон Жуана.

Она знала, что не сможет все время жить при дворе обособленной

жизнью, что рано или поздно ее покорит чей-нибудь напористый темперамент. Без этого она не сможет наравне со всеми принимать участие в придворных интригах, в веселой жизни дворца.

И, когда губы маркиза де Лозуна прильнули к ее губам, она ответила им, сначала неуверенно, затем все более и более страстно.

Шум в вестибюле заставил их опомниться.

— Не подходящее здесь место для свидания, — проговорил Лозун. — Анжелика, мой ангел, приходите ко мне вечером, после того как король удалится в свою спальню.

Анжелика поправила ожерелье и отстранилась от маркиза. И тут они заметили стоящую в двух шагах от них безмолвную фигуру Филиппа.

Лозун не раз оказывался в подобных ситуациях. Наскоро оправив мундир, он глубоко поклонился маркизу.

— Прошу назвать ваших секундантов, господин маркиз. Я к вашим услугам.

— А моя жена к услугам всего дворца, — медленно произнес Филипп. — Прошу вас, маркиз, не беспокойтесь по этому поводу.

Он так же глубоко поклонился Лозуну и пошел своей дорогой по вестибюлю.

— Черт возьми! — воскликнул Лозун. — Никогда не встречал подобного мужа.

Выхватив шпагу, он бросился вслед за главным ловчим. Так он и ворвался со шпагой в руках в залу, где находился король в сопровождении женщин из своего семейства.

— Господин маркиз, — крикнул Лозун, — ваше поведение переходит все границы. Оно недостойно и вызывающе. Я не собираюсь выносить этого и требую удовлетворения.

Филипп холодно посмотрел на своего противника.

— Моя шпага принадлежит королю, — ответил он. — И я никогда не дрался из-за шлюхи.

— Но я соблазнил вашу жену! — что есть мочи завопил Лозун. — Вы не можете не призвать меня к ответу!

Глава 13

Наступал рассвет. Анжелика так и не смогла сомкнуть глаз. Голова ее болела, суставы ломило.

Ее мучила неизвестность. Что произошло после ее отъезда? Дрались ли на дуэли Филипп и Лозун? Сумел ли король помешать им? Что ожидает их за дуэль: арест, немилость?

В любом случае разразится шумный скандал, виновницей которого оказалась она.

Кровь прилиwała к ее лицу при одной мысли о том, что произошло вчера в Фонтенбло.

Она вновь видела Филиппа и Лозуна, готовых броситься друг на друга на глазах самого короля. Лозуна с трудом удерживали несколько человек. Глаза остальных придворных были обращены на нее, виновницу скандала. Платье ее было измято, волосы потрепаны...

У нее хватило выдержки приблизиться к королю, сделать реверанс и удалиться под насмешливыми взглядами его свиты. Вскочив в свою карету, она немедленно отправилась в Париж, несмотря на ворчание ее лакеев, которым пришлось всю ночь трястись по опасной дороге...

С нелепой для такого раннего часа поспешностью она оделась, как вдруг за окнами раздался цокот копыт и громыхание чьей-то кареты. Во двор ее дома въехал неизвестный экипаж.

Кто мог появиться у нее в шесть часов утра? Она в страхе спустилась на первый этаж и вышла на парадную лестницу.

Из кареты вышли Филипп и ля Виолетт, который держал две шпаги. Вслед за ними вышел личный капеллан маркиза. Филипп поднял голову:

— Я только что прикончил господина де Лозуна.

Анжелика с трудом держалась на ногах. Филипп жив! Она бросилась ему навстречу и заметила следы крови на его жилете.левой рукой он придерживал правую.

— Вы ранены! — испуганно проговорила Анжелика. — Это опасно? Я должна перевязать вас, Филипп. Пойдемте, прошу вас!

В комнатах он в изнеможении опустился в кресло и закрыл глаза. Лицо его было бледным, как салфетка.

Анжелика в спешке отдавала приказания служанкам принести воды, бинтов и лечебных мазей.

— Выпейте это, — она протянула ему рюмку венгерского ликера и

приготовила ножницы, чтобы обрезать края окровавленной рубашки вокруг раны.

Рана была неглубокой. Скорее, это была длинная царапина, идущая по всему правому плечу. Мясо почти не было задето. Анжелика осторожно обмыла плечо и перевязала его.

Филипп вел себя очень сдержанно. Прикосновение спиртовой примочки не изменило его лица. Казалось, он о чем-то раздумывал.

— Не представляю, как они выйдут из этого положения, — заметил он, нарушив молчание.

— Какого положения?

— По правилам дуэлянтов должен арестовывать капитан королевской гвардии. Но маркиз де Лозун и есть капитан гвардии. Не может же он арестовать самого себя?

— Тем более, что его уже нет в живых, — поправила его Анжелика, нервно усмехнувшись.

— Он даже не задет.

— Но вы только что сказали...

— Я хотел знать, как вы к этому отнесетесь. Например, не упадете ли в обморок?

— Я не стала бы падать в обморок из-за Лозуна, но как получилось, что вы даже не ранили его?

— Я не собираюсь ломать двадцатилетнюю воинскую дружбу с Пегиленом из-за... пустяковины.

Анжелика всплеснула руками.

— Филипп! Почему с нами происходят такие ужасные вещи? Ведь я могла бы любить вас!..

Маркиз предостерегающее поднял руку.

— Они уже здесь!

Раздались шаги на лестнице. Дверь распахнулась, и появился граф де Кавуа с мрачным лицом.

— Кавуа! — воскликнул Филипп. — Ты пришел арестовывать меня, не так ли?

Граф ответил ему кивком головы.

— Ты полковник мушкетеров. Действительно, кроме тебя некому больше выполнить эту миссию. Где Пегилен?

— Он уже в Бастилии.

Услышав упоминание о Бастилии, Анжелика побледнела.

— Господин де Кавуа! — крикнула она. — Только не в Бастилию!

— Сожалею, мадам, но это приказ короля. Не забывайте, что дуэли

запрещены указом. Но не беспокойтесь: господину маркизу будет оказан соответствующий прием, ему даже разрешено взять с собой слугу.

— Только не в Бастилию! — в исступлении бормотала Анжелика, провожая глазами двух придворных.

— Куда же вы хотели бы, чтобы меня отправили? — спросил, усмехаясь, Филипп. — Может быть, в Шателе? К бандитам?

Глава 14

Анжелика решила ходатайствовать о снисхождении у самого короля.

С вечера она приехала в Версаль и провела ночь в карете неподалеку от дворца. С первыми лучами солнца она вошла во дворец и присоединилась к толпе просителей, ожидающих появления Его Величества. Чтобы не быть узнанной, она оставила на себе накидку с плотным капюшоном.

Когда король вышел из своего кабинета, она встала на колени и протянула к нему прошение, в котором она умоляла его об аудиенции.

Король быстро пробежал глазами послание и не отдал его, как было принято, следующему за ним де Гесвру.

Через несколько минут, после того как он удалился, к Анжелике подошел его посыльный и передал, что король готов принять ее. Сбющимся сердцем она вошла в кабинет короля.

— Подойдите ближе, — велел монарх. Голос его был приветливым.

Молодая женщина повиновалась, подошла к столу и несмело сняла с головы капюшон.

В комнате было темно. Небо за окном заволкло тучами. Но, несмотря на полумрак, Анжелика различила подобие улыбки на губах Его Величества. Он сказал мягко:

— Вы жена маршала, дама моего двора. Что вам помешало обратиться ко мне по-простому, без официального прошения? Впрочем, я понимаю ваше смущение и прощаю его. Хотя вам было бы благоразумнее не покидать так поспешно Фонтенбло. Но оставим это. Какова же цель вашего визита?

— Сир, в Бастилии...

— Ах, вот оно что, — мягко продолжал король. — Разумеется, оба дуэлянта отправлены в Бастилию. Но за кого вы просите, за господина де Лозуна или господина дю Плесси?

— Сир, — с жаром воскликнула Анжелика, — меня волнует лишь судьба моего мужа!

— Правда? Но я слышал, что ваш муж несколько не волновал вас последнее время. Или это не так?

— Не так, сир...

Под его проницательным взглядом Анжелика вспомнила о бытующем среди придворных убеждении, что король самым внимательным образом

следит за личной жизнью своих приближенных. Но никогда его осведомленность не служила источником новых слухов.

— Что за погода! — вдруг отвлекся король, поднимаясь из-за письменного стола. — День все никак не наступит, и нужно зажигать свечи... Не могу различить вашего лица. Подойдите к окну, здесь светлее.

Анжелика повиновалась.

— Не могу поверить, что господин дю Плесси равнодушен к вашему прелестному лицу. Должно быть, это вы виноваты в том, мадам. Почему вы не живете под одной крышей с маркизом?

— Господин дю Плесси никогда не приглашал меня к себе.

— Любопытно! Ну тогда расскажите мне, что произошло между вами в Фонтенбло.

— Я понимаю, что мое поведение не заслуживает прощения, но мой муж грубо обошелся со мной...

Машинально она положила пальцы на укушенное запястье. Король взял ее руку, посмотрел, но ничего не сказал.

— Мне было так плохо, а господин де Лозун проходил мимо. Затем она поведала Его Величеству о том, как Лозун утешал ее и как появление Филиппа взбесило его.

— Вы, наверное, знаете, Ваше Величество, как трудно противостоять комплиментам господина де Лозуна. Его соседство поставило бы любую в щекотливое положение...

— Ха-ха! Это вы точно подметили, — усмехнулся король. — Знаете, вчера садовники заметили среди моих цветов какой-то сорный, но очень красивый цветок. Они хотели его вырвать, но я не разрешил. Он мне чем-то напомнил вас: застенчивый и одновременно отважный, веселый и серьезный...

Король задумчиво посмотрел в окно.

— После того что вы мне сейчас рассказали, я склонен считать виновным в ссоре господина дю Плесси. Вы знаете, как я не люблю насилия. И мне не хочется, чтобы при дворе находились дворяне, которые выясняют отношения таким варварским способом. Я хочу, чтобы учтивость по отношению к женщине стала одним из символов нашей страны. Правда ли то, что ваш муж бьет вас?

— Нет!

— И все-таки мне кажется, что нашему красавцу пойдет на пользу пребывание в подземелье.

— Сир, я пришла к вам, чтобы просить освободить его.

— Так вы его любите? Ваша свадьба показалась мне скорее взаимно

неприятной сделкой, нежели праздником. Мне говорили, что вы едва знали друг друга и с тех пор не можете жить вместе.

— Но ведь это мой старший кузен... — слезы навернулись на глаза Анжелики, но она улыбнулась, вспомнив белый замок в Плесси — счастливое видение из своего детства.

Король неподвижно смотрел на нее. Он знал, что эта дама отличалась необыкновенной красотой, но только теперь он ощутил всю силу ее очарования.

Неожиданно для себя самого он протянул руки к этому необыкновенному существу и обнял его, испытав восхитительный прилив нежности. Он наклонился к этому улыбающемуся рту и прильнул к нему.

Ошеломленная Анжелика замерла, не решаясь отстраниться. Голова ее откинулась под давлением его поцелуя. По телу ее прошла дрожь, а руки сами собой легли на плечи короля.

Он отступил на один шаг и сказал, спокойно улыбаясь:

— Не бойтесь. Я хотел лишь убедиться, что маркизу дю Плесси не следовало жаловаться на вашу холодность.

У Анжелики было уже достаточно опыта, чтобы не поверить этому объяснению. Она почувствовала, что король был охвачен неудержимым желанием обладать ею.

— Ваше Величество уделяет этому делу больше внимания, чем оно заслуживает, — ответила она.

— Ну что ж, — произнес король, отходя от нее. — Мое мнение таково: маркиз дю Плесси полнейший болван. Его, право же, следовало бы проучить как следует. Раз он не прислушивается к моим словам, пусть отправится к войскам в Пикардию. Но не плачьте, мадам, я скоро верну его вам.

Глава 15

Беременность Анжелики становилась все заметнее. Она уже не могла скрыть ее с помощью самых пышных платьев и была вынуждена отказаться от выходов в свет. Только в Сен-Жерменском саду она могла появляться без опасений произвести неблагоприятное впечатление.

Однажды Анжелику вызвал к себе господин Кольбер.

Его рабочий кабинет сохранял обстановку типичного бережливого буржуа. Здесь не было и следа той роскоши, что обычно бросается в глаза в кабинете богатого дворянина.

Мадам дю Плесси извинилась за то, что оторвала министра от работы. Она напомнила ему, что хотела бы получить должность консула в Канди, которую ей пообещали продать. Зная, что министр никогда не упускает из виду подобные вопросы, она решила воспользоваться случаем, чтобы узнать его мнение.

Анжелика сразу заметила, что идея назначить женщину консулом Франции сама по себе его не шокирует.

В его глазах Канди, столица Крита, представлял из себя уникальное место работорговли на Средиземноморье. Это было место, где можно купить русских, породу людей сильных и выносливых, каждый из которых стоил не менее ста ливров. Их перекупали у турков, которые вели затяжную войну с Россией в Армении, Венгрии и Польше.

— Это место сегодня имеет большое значение для нас, учитывая, какие усилия мы затрачиваем, чтобы приобрести влияние на Средиземном море. Мавров и африканцев, которых мы берем в плен в сражениях с пиратами, нельзя использовать на галерах: они не выдерживают тяжелой работы и мрут, как мухи. Только славяне могут быть хорошими гребцами. Англичане так и норовят перекупать их подешевле для своих быстроходных судов. Но, если мы укрепимся в Канди, положение изменится.

— Как относятся к французам на Крите? — спросила Анжелика, которую не слишком интересовала работорговля.

— наших соотечественников там уважают. Остров часто переходил из рук в руки, и турки всегда имели на него виды. Поэтому лучше себя чувствовать там будет тот, кто сильнее.

— Значит, достаточно рискованно вкладывать деньги в эту должность?

— Это зависит от случая. Случается, торговля всей страны расцветает во время войны других стран. Сейчас у Франции достаточный вес на Средиземном море, чтобы не опасаться войны с соперниками.

— Значит, вас устроила бы моя кандидатура на место консула, господин министр?

Кольбер с минуту помолчал, сдвинув брови. Наконец он твердо сказал:

— Да. В любом случае лучше этот пост будет в ваших руках, мадам Моран, чем в чьих-то еще — я имею в виду беспутных дворян. Тем более, что это вполне согласуется с планами, которые я строил насчет вас.

— Насчет меня?

— Да. Вы очень подходите для поручений особого рода, которые в конечном итоге способствовали бы процветанию нашего отечества. Вы очаровательны и одновременно наделены выдающимся умом и смекалкой. Вы сможете добиться славы и веса в обществе, мадам.

Анжелика решила, что ей предлагается вложить капитал в одно из новых начинаний министра.

— Да, у меня есть деньги, но не столько, чтобы спасти все королевство, — ответила она с осторожностью.

— Речь идет не о деньгах. Нужно лишь трудиться в поте лица, и страна обретет былое могущество.

— Какую цель я должна буду преследовать, применяя перечисленные вами достоинства?

Министр сделал еще одну паузу.

— Прежде всего, вам не следует оставлять двор. Вы должны участвовать в перемещениях по службе, заводить новые знакомства, узнавать как можно больше нового и полезного.

— Это напоминает шпионаж.

Господин Кольбер утвердительно кивнул головой.

— К шпионажу прибегают все. Но не только слежкой я призываю вас заниматься. Ваше поле деятельности — королевский двор, то есть множество людей, обладающих огромными состояниями, которые в большинстве случаев превращаются в дым. Откуда я знаю, какая операция придет вам в голову? Действуйте, вам предоставляется возможность проявить свои таланты и послужить королевству. А ваше консульство послужит подходящим фасадом и убежищем для будущего предпринимательства.

— Но за эту должность мне придется заплатить сорок тысяч ливров!
— Анжелика решила поторговаться.

— Это пустяк, дорогая моя. Знаете ли вы, что должность прокурора стоит сто семьдесят пять тысяч, а за приобретенную мной должность заплачено чуть ли не полтора миллиона! И заплатил их король, которому хотелось видеть меня на месте министра финансов. Вот почему я не успокоюсь до тех пор, пока не сумею вернуть ему долг в многократном размере, добившись процветания его королевства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ФИЛИПП ИЛИ ПРИДВОРНАЯ ВОЙНА

Глава 1

Торжествовать победу мешали Анжелике мысли о Филиппе. Сегодня она получила от господина Кольбера заверенное подписью короля назначение на должность консула и отправила своего интенданта с сорока тысячами ливров в королевскую казну.

Что скажет Филипп, когда узнает о ее успехе? Его пребывание в Бастилии, а затем на полях сражений позволило Анжелике успешно завершить операцию по получению должности. Вот уже неделя, как ее муж вернулся в Париж.

Как должна вести себя жена наедине с мужем, которого посадили в тюрьму за ее измену? Она решила оставаться в своем доме на улице Ботрейн, но приготовиться к самому худшему.

Ей сообщили, что Филипп изредка появляется в салоне у Нинон. Он сопровождал также два раза Его Величество на охоте. Сегодня, пока она улаживала формальности с Кольбером, он находился в лесу Марли.

Или он решил оставить ее в покое? Анжелике хотелось верить в это. Но Филипп был способен на коварство. И его молчание было подобно молчанию тигра, который затаился в засаде и ждет момент для прыжка.

Анжелика вздохнула. Нельзя забывать о беременности. Она посмотрела на себя в зеркало и вновь убедилась, что живот ее непомерно раздут. «Это будет мой самый крупный ребенок», — решила она.

Движения ее с недавнего времени сделались плавными, она потеряла свою обычную подвижность и ловкость.

Чем она займется сегодня вечером? Ей не хотелось спать. Может быть, написать письмо Нинон и попросить ее приехать? Или заняться счетами, как в те времена, когда она целиком посвятила себя коммерции?

Внизу послышался стук каблуков по мрамору. Это были шаги мужчины. Скорее всего, это был Мальбран по прозвищу «Укол шпагой», вернувшийся с войны, который учил верховой езде приехавших из имения Флоримона и Кантора.

Шаги слышались уже на лестнице.

«Странно, — подумала Анжелика. — Мальбрану незачем было подниматься к ней, особенно в поздний час». Неожиданно она догадалась, кто это мог быть и метнулась к двери, чтобы запереть ее. Но было слишком поздно.

Дверь открылась, появился маркиз дю Плесси-Белльер, одетый в

отороченный мехом серый охотничий костюм. Высокие сапоги его были испачканы снегом и грязью. В черных перчатках его она увидела зловеще свернутый арапник.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, разглядывая картину, которую застал врасплох: молодую женщину с незавершенной прической, разложенные платья, украшения на столике. Губы его медленно расплылись в улыбке.

Он повернулся, закрыл дверь и сам запер ее.

— Добрый вечер, Филипп, — сказала Анжелика.

От встречи с ним сердце ее одновременно переполнилось радостью и страхом.

Перед ней стоял самый красивый мужчина королевского двора. И он был теперь ее, как она мечтала когда-то юной девушкой, наблюдая замороженными глазами за своим красавцем-кузеном.

— Вы не ждали меня, мадам?

— Напротив. Я ждала вас... Я надеялась, что вы вернетесь.

— Ну что ж, у вас нет недостатка в смелости. И вы не боялись моего гнева?

— Конечно, боялась. Но мне хотелось поэтому, чтобы наша встреча состоялась побыстрее и избавила меня от мучительного ожидания.

Лицо Филиппа исказилось от гнева.

— Лицемерка! Вы делаете сейчас вид, что рады меня видеть, в то время как ведете скрытую игру у меня за спиной. Вы думали, я не узнаю, что вы приобрели должность при дворе? — Филипп казался страшно разъяренным.

— Значит, вам все известно... — пролепетала Анжелика.

— Да, известно! — пролаял он вне себя.

— И я нанесла этим удар по вашему самолюбию?

— Не затемняя вы засадили меня в тюрьму, чтобы спокойно обделать в это время свои делишки? И теперь вы напрасно надеетесь избежать наказания. Теперь слово за мной, и я надеюсь жестоко проучить вас за лживость.

Кнут звонко щелкнул о паркет. Анжелика вскрикнула. Она забилась в альков и зарыдала. Нет, ей не пережить больше нового истязания.

— Не бейте меня, Филипп, — взмолилась она. — Подумайте о ребенке, прошу вас.

— О ребенке?.. О каком ребенке?

— О том, которого я ношу... О вашем ребенке!

Воцарилось тяжелое молчание, его прерывали лишь судорожные

всхлипывания Анжелики.

Наконец маркиз стянул с рук перчатки, бросил их вместе с кнутом на ночной столик и с недоверчивым видом подошел к молодой женщине.

— Покажите-ка мне его!

Он расправил складки ее ночной рубашки, потом откинул назад Голову и расхохотался.

— Вы не ошиблись! Черт возьми! Вы и правда ждете приплод, точно овца!

Он сел на край ее постели и схватил ее за плечо.

— Почему вы мне раньше об этом не сказали? Я не стал бы вас понапрасну тревожить.

— Не плачьте, успокойтесь, — повторил он. — Когда же он должен родиться?

Анжелика не могла успокоиться, слезы лились из ее глаз, дыхание прерывалось.

— Не плачьте, успокойтесь, — повторял он. — Когда же он должен родиться?

— Скоро. В январе.

— Значит, это было в Плесси, — поразмыслив, пробормотал Филипп. — Наверное, это не случайно, что мой ребенок был зачат в доме своих предков.

Он поднялся и подошел к шкафчику, где на случай гостей всегда была приготовлена бутылка вина.

— Надо выпить за него. Даже если чокаться со мной вам не доставит удовольствия, мы не можем не отметить наше общее произведение.

— Только не думайте, что теперь у вас в руках есть оружие против меня, — сказал он после того, как осушил стакан. — Будьте терпеливы, моя красавица. У меня нет никакого желания причинить вред своему наследнику, но что касается вас... У нас будет еще время выяснить отношения... Итак, в январе? Хорошо. До тех пор я постараюсь не попадаться вам на глаза.

Осушив второй стакан, он бросил его на пол и провозгласил громким голосом:

— Да здравствует наследник Миремонтов дю Плесси-Белльер!

— Филипп, — медленно проговорила Анжелика, — почему вы не стали обвинять меня, что я забеременела до нашей свадьбы? Или вы не подумали об этом?

Бе муж остановился в дверях.

— Несмотря на недостатки моего образования, я умею считать до

девяти, мадам. Кроме того, вы не из тех женщин, кто пошел бы на такую простую хитрость.

— Но женщина так часто прибегает к таким приемам...

— Вы не такая, как все, — насмешливо ответил Филипп. — Вы моя жена, и этим все сказано.

Он размашистыми шагами спустился по лестнице, оставив ее в полнейшей растерянности.

Глава 2

Пасмурным январским утром Анжелика почувствовала, что настало время родов.

В ее комнате была установлена жаровня с раскаленными углями. Служанки приготовили корзины с бинтами и простынями, на кухне кипели медные котлы с водой.

Анжелика чувствовала себя угнетенно, она раздраженно твердила себе, что ни одна женщина на ее месте не стала бы рожать ребенка от мужа-деспота.

Чтобы как-то отвлечь себя, она стала расспрашивать прислугу о домашних делах: отнесли ли остатки от завтрака бедным? Вытряхнули ли ковры? Чисто ли во дворе?

Мадам Корде, одна из ее давних подруг по кварталу Маре, вызванная для помощи в принятии родов, проворчала с укором:

— Успокойтесь же наконец! У вас в доме достаточно прислуги, чтобы волноваться о таких пустяках. Можно подумать, что это ваш первый ребенок, так вы нервничаете.

— Это оттого, что ребенок слишком крупный, — проворчала в ответ Анжелика. — Другие не были такими крупными.

Наконец схватки сделались частыми и продолжительными. Молодая женщина уже не могла сдерживать стоны.

В это время дверь в комнату медленно открылась. Голос служанки Терезы произнес:

— О господин маркиз!

Филипп в своем великолепном придворном мундире выглядел настолько нелепо среди разбросанного тряпья и растрепанных женщин, что Анжелика не поверила своим глазам.

— Филипп! Что вы здесь делаете? Что вам надо от меня, зачем вы пришли?

Он ухмыльнулся:

— Если не ошибаюсь, сегодня день рождения моего сына. Представьте себе, это меня волнует.

Не давая себе отчета в том, что она делает, Анжелика приподнялась на локте и закричала:

— Вы пришли для того, чтобы посмотреть на мои страдания! Вы чудовище, вы самый жестокий, самый неблагородный мужчина!..

Новый спазм прервал ее выкрики. Она повалилась на подушку, прерывисто вдыхая воздух.

— Ладно, ладно, — успокаивающим голосом сказал Филипп. — Не надо волноваться.

Он подошел к креслу, в котором поместили его беременную жену и положил ладонь ей на лоб. Поглаживая медленно ей лицо, он мягко повторял:

— Спокойно, спокойно! Будь смелее, моя крошка.

«Он впервые гладит меня, — подумала Анжелика. — Но делает это так, как будто ласкает собаку или успокаивает лошадь».

Ну так пусть. Ведь она в настоящий момент действительно представляет из себя всего лишь несчастное животное, рождающее на свет крохотного детеныша.

Филипп в эту минуту был человеком, к кому бы она обратилась за помощью в самую последнюю очередь. И тем не менее он был здесь, и его грубая ласка, как ни странно, поддержала ее.

Действительно, он не переставал удивлять ее...

— Спокойно, спокойно, — повторял он. — Все будет хорошо. А вы, клуши, не стойте, раскрыв рты, а тащите сюда свои тазы, чтобы были наготове.

Он отдавал распоряжения прислуге Анжелики, точно находился у себя в зверинце среди псарей.

Совсем готовая потерять сознание, Анжелика подняла затуманенные глаза на Филиппа, и в этом страдальческом отрешенном взгляде он увидел то, что раньше не подозревал в ней.

В этой женщине, которую он считал воплощением коварства, амбиций и корысти, он разглядел вдруг открытую, доверчивую душу. Ему вспомнилась та давняя девчонка-кузина, которую он с иронией представлял своим друзьям: «Полюбуйтесь, перед вами баронесса Печального Платья».

Стиснув зубы, он усилием воли прогнал это видение.

— Мальчик! — закричала госпожа Корде.

Сквозь туманную пелену Анжелика увидела Филиппа, держащего в руках маленький красный куль. Филипп закричал:

— Мой сын! Мой сын!

Анжелику перевели на кровать и укрыли теплыми одеялами. Она искала глазами Филиппа.

Он стоял, наклонясь над колыбелью новорожденного.

«Теперь я его уже не интересую», — разочарованно подумала она.

И все же чувство, похожее на радость, охватило ее, и она погрузилась в сон.

Глава 3

С тех пор Филипп больше не навещал ее, как будто судьба ее его больше не волновала.

Анжелика получила письмо от госпожи де Севине, которая делилась с ней последними придворными сведениями. Она писала:

«Сегодня в Версале король открыл бал танцем с мадам де Монтеспан. Мадемуазель де ля Валльер тоже присутствовала, но не танцевала. О королеве, которая осталась в Сен-Жермене, ничего не слышно...»

Впрочем, связь с Версалем поддерживалась и другим образом.

Как было принято, высокопоставленную особу, какой являлась Анжелика, будучи женой маршала Франции, должен был посетить после родов весь цвет королевского двора. Но то внимание, с которым отнесся к ней король, прислав роскошные подарки, способствовало тому, что в доме Анжелики перебивал весь Париж. Даже ее сестра Гортензия, жена прокурора, навестила ее, несмотря на тот незримый барьер, который был возведен между ее положением буржуа и титулом Анжелики.

До Анжелики дошли слухи, что ее уже считают претенденткой на место фаворитки короля.

В торжественных приемах прошла неделя.

Тут случилось непредвиденное происшествие.

В комнату к Анжелике с взволнованным видом вошла Барба, воспитательница ее старших сыновей.

— Случилось несчастье, мадам!

— Что еще случилось? — насторожилась Анжелика.

— Пропал наш маленький Шарль-Энри.

— Какой Шарль-Энри?

Анжелика не привыкла еще к имени своего нового сына Шарля-Энри-Арманда-Мари-Камилла де Миремонта дю Плесси-Белльера.

— Ты хочешь сказать, младенец пропал? Кормилица забыла, куда положила его?

— Кормилица тоже пропала! И служанка, которая пеленала и укачивала его. Все исчезли!

Анжелика молча отбросила одеяла и стала одеваться.

— Вы с ума сошли, мадам! — закричала Барба. — : Разве можно вставать с постели сразу после родов?

— Лучше ответь мне, где ты была все это время? Не за вином ли ты

наведывалась на кухню, пока их украли?

Комната, где спал всегда новорожденный, была пуста. Исчезли также все его вещи, игрушки и предметы по уходу за младенцем.

Это произошло в то время дня, когда слуг обычно отпускали по своим делам, и портье, оставив входную дверь без присмотра, ушел на конюшню играть в кости.

Анжелика пообещала наказать его палками, чего никогда не случалось в ее доме. Она вспомнила, что кормилицу порекомендовала ей госпожа де Севине как честную и исполнительную женщину.

Анжелика была в растерянности. Но в эту минуту прибежал Флипо и объявил, что обо всем знает. С ловкостью истинного выпускника Двора чудес ему удалось незаметно проследить за похитителями.

Все оказалось чрезвычайно «просто»: Шарль-Энри переехал в дом своего отца на улицу Фобург-Сен-Антуан.

— Проклятый Филипп!

Анжелику охватил гнев. Она объявила слугам, что разрешает им воспользоваться случаем и проучить слуг маркиза, которые всякий раз старались задеть ее домочадцев. Пусть каждый возьмет какое-нибудь оружие и идет за ней!

Вооружившись палками, пиками и шпагами, люди Анжелики во главе со своей хозяйкой двинулись к улице Фобург-Сен-Антуан.

Горожане, привыкшие к частым стычкам домочадцев домов знатных сеньоров, с любопытством примыкали к шествию.

В дубовые ворота дома маркиза полетели камни. Швейцар попытался вести переговоры. Он прокричал в окошечко, что господин маркиз отдал строгое распоряжение не впускать никого без его разрешения.

— Открывай своей хозяйке! — завопил Мальбран-Удар-Шпагой, потрясая двумя петардами. — Или я разнесу и ваши ворота, и вашу убогую лачугу, и вас самих!

С этими словами он поджег фитили одной из гранат и поднес ее к окошечку.

Портье закричал в ответ, что согласен впустить в дом мадам маркизу при условии, что остальные останутся на улице. Анжелика пообещала ему, что штурма не будет, и вместе с одной из служанок проскочила через приоткрытую створку.

На втором этаже она без труда разыскала пропавших. Надев кормилицу пощечиной, она выхватила у нее из рук своего маленького сына и направилась к выходу.

Но дорогу ей преградил ля Виолетт, слуга маркиза. Он упал на колени

перед Анжеликой и стал умолять ее не забирать малыша, так как в противном случае его ожидала ужасная расправа со стороны хозяина.

Неожиданно в вестибюле появился старый Молин. Анжелика не знала о том, что он приехал в Париж. При появлении этого стройного, уверенного в себе седовласого управляющего пыл Анжелики поубавился. «С Молином всегда можно договориться», — подумала она.

Управляющий взял ее за руку и отвел к камину.

— Он украл у меня ребенка! — пожаловалась Анжелика.

— Но это его сын, мадам. Поверьте, что мне еще не доводилось видеть мужчину, который бы так радовался рождению сына.

— Вы, как всегда, защищаете его, — усмехнулась Анжелика. — По-вашему, Филипп — образец мягкости и добропорядочности.

Она решила, что Молин согласится выступить арбитром в их объяснении с Филиппом, а Анжелика велит слугам вернуться к ней в дом.

Филипп появился, когда стемнело. Анжелика и Молин мирно сидели у камина, а маленький Шарль-Энри умиротворенно сосал грудь.

— Но я хочу, чтобы мой сын жил у меня в доме! — воскликнул Филипп после короткого обсуждения, в результате которого он согласился, что ребенку нужно материнское молоко и забота.

— Тогда мадам дю Плесси должна жить с вами, господин маркиз, — ответил Молин.

Анжелика обменялась с Филиппом обиженным взглядом.

— Я не могу оставить своих сыновей, — сказала она.

— Пусть они перейдут сюда, в таком случае, — предложил Молин. — Дом большой.

Филипп не стал возражать.

Когда Молин удалился, он стал расхаживать по комнате из угла в угол, бросая сумрачные взгляды на кормящую Анжелику. Наконец он придвинул к огню тяжелый табурет и сел рядом. Анжелика вопрошающе посмотрела на него.

— Хорошо, — сказал Филипп. — Я думаю, вы сами не предполагали, что дело повернется именно так. Хоть вы и находитесь в волчьем логове, но вам незачем смотреть на меня с подозрением, когда я сажусь рядом. Даже крестьянину доставляет удовольствие смотреть, как жена кормит его ребенка.

— Могла ли я предположить, что вы так быстро принесете мне новые страдания, Филипп, — возразила она. — Ведь вы были добры ко мне совсем недавно...

Филипп удивленно поднял брови.

— Я не был добр. Просто мне не нравится смотреть, как мучается, рожая, породистое животное. Я должен был облегчить ваши страдания. Но мои взгляды на природу человека не изменились, особенно на природу женщин.

— По-вашему, женщина представляет из себя что-то среднее между собакой, волчицей и коровой, не правда ли?

— С нравами змеи, — уточнил Филипп. Он не смог скрыть улыбку.

— Но ответьте мне, — неожиданно переменял он тему, — правда ли, что вы размахивали подожженной петардой перед лицом моего швейцара?

— Это был мой слуга.

— И вы решились бы взорвать дверь, если бы вам не открыли ворота?

— Решилась бы! — гневно ответила Анжелика. Филипп громко рассмеялся.

— Черт возьми! Пусть вы далеко не совершенное существо, но с вами, по крайней мере, не будешь скучать!

Он положил обе руки ей на шею.

— Я иногда спрашиваю себя, может быть, не стоит вас душить? Может быть, есть другой способ поладить с вами? Например...

Она покорно закрыла глаза:

— Например?

— Я еще не знаю, — ответил он, отпуская ее. — Я подумаю. Но не торопитесь праздновать победу.

Глава 4

Анжелика выделила себе несколько дней для устройства на новом месте. С ней переехали ее сыновья и несколько слуг.

Дом Филиппа был намного сумрачнее ее дома на улице Ботрейн, но она нашла себе и сыновьям просторные комнаты и обставила их на свой вкус.

Приглашение короля на очередной бал в Версале положило конец ее хлопотам по дому. В конце концов, для дамы с должностью при дворе она уделила достаточно времени своему хозяйству. Надо было возобновлять светскую жизнь, как сделал это Филипп.

Она стала видеть его еще реже.

...Во время бала основной заботой придворных дам было отыскать укромный уголок для смены нарядов. По крайней мере, для тех, кого смущали взгляды шныряющих повсюду придворных.

Анжелика укрылась в небольшой комнате, примыкающей к покоям королевы. Вместе с мадам де Рур они с большим трудом отбились от назойливых поклонников, предлагающих свою помощь.

— Оставьте же нас, господа! Иначе мы опоздаем к началу танцев. Вы же знаете, как король этого не любит.

Тут мадам де Рур обнаружила, что забыла булавки, и оставила Анжелику одну.

Она стала подтягивать чулки, как вдруг чья-то сильная рука обхватила ее за талию и повалила на софу, а жадные губы прильнули к ее шее.

Анжелика закричала и со всего размаху отвесила обидчику две звонкие пощечины. Она замахнулась в третий раз, но увидела перед собой лицо короля, который держался за щеку. — Я... я не знала, что это вы, — пролепетала она.

— А я не знал, что это были вы, — с усмешкой сказал он. — А также не знал, что у вас такие восхитительные ножки. Зачем же вы выставляете их напоказ, чтобы потом сердиться?

— Но я не могу натянуть чулки, не оголив ногу.

— Но почему вы делаете это близ покоев королевы?

— Потому что у меня нет другого места для переодевания и прически.

— Вы хотите сказать, что Версаль — недостаточно просторное место для вашей особы?

— В некотором роде. Это просторный дворец, но в дем мало

укромных мест.

Анжелика улыбнулась ему снисходительной улыбкой женщины, которая хочет показать, что не будет больше сердиться, если только мужчина снова не начнет домогательств.

— Вы не сердитесь на меня? — спросил король. Она протянула ему руку, и он поцеловал ее.

Чуть позже, спеша в зал, где играла музыка, Анжелика была остановлена королевским распределителем комнат.

— Его Величество просил уведомить вас, мадам, что вам отведена комната на втором этаже в крыле принцев, — сказал он. — Вас проводить, мадам?

— Для меня? Вы, должно быть, ошиблись. Человек взглянул в список.

— Здесь указано имя мадам дю Плесси-Белльер. Если не ошибаюсь, это вы.

— Действительно.

Удивленная Анжелика пошла за военным. На одной из дверей покоев принцев была мелом начертана надпись: «Для мадам дю Плесси-Белльер».

Глава 5

Король был целиком поглощен войной. Только на полях сражения можно добыть славу. Военные победы укрепляют авторитет суверена.

Война для возрождающейся нации — верный залог обогащения, подъема национального сознания. Народ верит своему королю, народ ненавидит испанцев! Равно, как и англичан, голландцев, шведов. Пришло время показать Европе, что Франция — величайшая страна мира. Она больше не будет подчиняться, она будет повелевать.

Армия отправилась в поход, а двор отправился следом за ней. Это было веселое передвижение среди цветущих яблонь, попеременно с пушками и колоннами пехоты.

Луи Четырнадцатый пожелал, чтобы королева как прямая наследница отвоеванных областей следовала за ним. Он чувствовал себя освободителем, избавляя народы от дряхлеющего более века испанского владычества.

После испанцев силу Франции должны были почувствовать предприимчивые голландцы, чьи торговые корабли доходили до Суматры и Явы, в то время как французские устаревшие суда с трудом doplывали до Мадагаскара. Чтобы дать возможность стране создать новый флот, король собирался подорвать войной экономику Голландии. Но пока этот план держался в секрете. Только король и министр Кольбер знали о нем.

...Анжелика ехала в карете вместе с мадемуазель де Монпенсье. Принцесса снова испытывала к ней дружеские чувства, с тех пор как Лозун вышел из Бастилии.

На одном из перекрестков, где столпились войска, ожидающие, когда поднимут перевернутую карету, они увидели на обочине госпожу де Монтеспан.

— Идите к нам, у нас есть место! — закричала мадемуазель де Монпенсье.

С большим трудом, перепрыгивая через лужи грязи, Атенаис добралась до кареты. Она повалилась на сиденье, заливаясь звонким смехом.

— Вы не представляете, как смешон Лозун без парика! Король два часа продержал его под дождем. Парик его так промок, что ему пришлось снять его. Это настоящее пугало!

— Но это ужасно! — воскликнула принцесса. — Он мог простудиться!

Через некоторое время они въехали на холм и поравнялись с королевской каретой. Отсюда было видно поле боя, и король осматривал его в подзорную трубу.

Анжелика увидела осажденный городок, весь в дыму, который окружали плотные ряды французских траншей. Пушки делали залп за залпом, а у города слышался гул разрывов.

Король опустил подзорную трубу.

— Я думаю, что гарнизон долго не продержится. Он отдал приказ прекратить огонь.

Когда дым рассеялся, все увидели, как открылись ворота крепости.

— Я вижу белый флаг! — захопала в ладоши мадемуазель де Монпенсье. — Всего три дня, сир! Вы овладели городом всего за три дня! О, как мне нравится на войне! Это чудесно...

Дом, который выделили для королевской семьи в осажденном городе, был недостаточно вместителен, чтобы принять всех фрейлин королевы. Почти весь двор должен был, как и военные, искать себе пристанища в домах горожан. С жителями обращались мягко, так как победа досталась легко.

Для Анжелики нашлось место в одной комнате с госпожой де Монтеспан рядом с королевской половиной. Распорядившись внести за собой сундуки с багажом, она шла к комнате по темному коридору, как вдруг на пути ее возникла черная тень. В темноте заблестели два глаза.

— Сюда нельзя, мадам.

Анжелика узнала негритенка Атенаис.

— Здравствуй, Нааман. Дай мне пройти.

— Нет, мадам.

— Почему?

— Там кто-то есть.

Она услышала нежный шепот и поняла, что может застать врасплох какую-нибудь парочку.

— Хорошо, я уйду.

Зубы негритенка обнажились в широкой улыбке.

— Король, мадам. Король.

Анжелика задумчиво спустилась по лестнице. Король и мадам де Монтеспан!

...На следующее утро войска отправлялись в Амьен. Анжелика отправилась ранним утром к королеве, как этого требовал этикет.

— Посмотрите, в каком ужасном состоянии королева, — шепнула ей мадемуазель Монпенсье.

Королева была вся в слезах. В соседней комнате мадам де Монтеспан поведала Анжелике, что причиной слез королевы было появление негодной маркизы де ля Валльер, которая примчалась сюда из Парижа и имела дерзость появиться на глаза королеве.

— Мерзавка! — громко кричала Атенаис. — Слава Богу, что он избавил меня от греха быть любовницей короля. Если бы со мной случилась подобная напасть, я никогда не посмела бы появиться перед королевой!

Что означал ее приезд?

Между тем перед дорогой нужно было посетить церковь. Королева запретила кому бы то ни было кормить маркизу и велела охранникам не выпускать ее карету. Однако мадемуазель де ля Валльер сумела прорваться через заставы по открытому полю, чем привела королеву в неопишумую ярость. Она велела офицерам гнаться за каретой и арестовать упрямыцу. Вся свита с трудом удержала ее от этой меры, и только появление короля совсем с другой стороны, чем все предполагали, положило конец этой суматохе.

Он с улыбкой подошел к карете королевы, но сейчас же лицо его потемнело. Скоро выяснилось, что король был совершенно непричастен к самовольному приезду своей бывшей фаворитки.

...На очередном привале вопрос с ночлегом встал еще острее. Свита разместилась в крохотной деревушке из нескольких дворов.

— Мы на войне, моя дорогая, — сказала Анжелика мадемуазель де Жиландон, одной из фрейлин королевы. — Придется спать прямо на сене.

Анжелика с трудом отыскала свободный чердак, заполненный сеном. Но наверху она снова натолкнулась на дьявольскую тень Наамана.

— Что ты здесь делаешь, чертенок? — переводя дыхание от испуга, спросила она негритенка.

— Жду госпожу Монтеспан. Я сторожу ее вещи: Моя хозяйка тоже будет спать здесь.

Вскоре на чердак забралась и очаровательная Атенаис.

— Анжелика, как я рада, что вы тоже оказались здесь. Будет с кем поболтать перед сном. Даже можем сыграть в пикет, если не захочется спать.

Она прыгнула со всего размаху в сено и раскинула руки.

— Как хорошо! Это напоминает мне детство в Пуату.

— Мне тоже, — сказала Анжелика.

— Недалеко от нашей голубятни стоял сарай с сеном. Там мы встречались с моим маленьким возлюбленным, пастушком, ему было

десять лет. Взявшись за руки, мы слушали воркование голубей.

Они сбросили туфли, юбки и с наслаждением растянулись на ароматном сене.

— От пастушка до короля, — прошептала Атенаис. — Что вы думаете о моей судьбе?

Она приподнялась на локте и приглушенно рассмеялась.

— Какое это счастье — быть любимой королем!

— Кажется, вы не сомневаетесь в искренности его чувств? — спросила Анжелика.

— Теперь у меня есть неопровержимые доказательства этому. Вчера вечером... он пришел ко мне... О, я знала, что это случится именно во время этого путешествия! Разве не говорило об этом то, что он оставил ля Валльер в Версале? Он щедро одарил ее, но это было лишь знаком расставания.

— Он одарил ее огромными богатствами: целые герцогства!

— Ха, ля Валльер приняла это за очередные сувениры. Она еще не понимает, что ей дана отставка, именно поэтому она не побоялась примчаться сюда. Но дела ее плохи... Со мной такое не пройдет. Не забываете, что я из рода Мортемар!

— Атенаис, ваша уверенность поражает меня. Неужели вы считаете себя настоящей фавориткой?

— Да, я любовница короля. О Анжелика, как это занятно — чувствовать себя всемогущей! Можете ли себе представить: король, такой самоуверенный, властный, может временами проявлять слабость, сомнения. В любви он готов на самопожертвование. И такой страстный...

— Ну что ж, — ответила Анжелика, — скоро все узнают о том, кто же настоящая любовница короля, и от меня отстанут.

Мадам де Монтеспан так и подскочила на месте.

— О дорогая! Только не это. Только не говорите никому ни слова. Я надеюсь на вашу порядочность. Еще не пришло время раскрывать карты. Это вызовет много осложнений. Поэтому, пожалуйста, потрудитесь продолжать играть роль, которую мы вам поручили.

— Какую роль? И кто это — мы?

— Как?... Мы с королем.

— Вы хотите сказать, что это вы с королем распустили слухи, будто бы я являюсь его любовницей, чтобы отвести от вас подозрения.

Атенаис недоуменно посмотрела на Анжелику из-под длинных век своих сапфировых глаз:

— Ну конечно. Таким образом, мы оказываемся в безопасности.

Поймите мое положение: Я нахожусь между двух огней. С одной стороны — королева, моя приемная мать, а с другой — ля Валльер, моя близкая подруга. Я не знаю, почему выбор пал на вас. Во всяком случае, слухи охотно подхватили, и теперь королева холодна с вами, а бедная Луиза начинает обливаться слезами, едва услышит о вас. А на меня никто и не подумает. Я знаю, что вы достаточно сообразительны, чтобы разобраться в ситуации. А король найдет способ отблагодарить вас. Почему вы молчите? Вы рассердились?

Анжелика не ответила. Она несколько раздраженно покусывала травинку и чувствовала себя глубоко уязвленной тем, как обошелся с ней король. Мысленно она проклинала себя за наивность.

— Я надеюсь, что не слишком расстроила вас? — мягко спросила Атенаис. — Все должно обернуться для вас самым лучшим образом. Ведь вы уже в выигрыше: вы приобрели положение и блеск в нашем кругу. Никогда бы не предположила, что вы всерьез отнесетесь к этому невинному спектаклю.

— Давайте играть в карты, — предложила Анжелика.

— Давайте. У меня в сумке есть полная колода. Нааман! Анжелика проигрывала круг за кругом, что говорило о том, что настроение ее подавлено. Наконец Атенаис заснула с детской улыбкой на губах.

— Дура! — прошептала Анжелика, и ей показалось, что слово это подходит сейчас больше ей самой.

Теперь ей было ясно, почему с такой радостью рассказывала Атенаис о своем успехе ей, у которой занимала раньше деньги и которую подсознательно считала своей соперницей.

Глава 6

...Шарлеруа, Арментьер, Сен-Вину, Дуэ, Уденард, форт Скарп пали один за другим, словно карточные домики. Король с королевой встречались цветами, как долгожданные избавители.

Испанские гарнизоны были малочисленны. Отрезанные от Испании, они сдавались почти без боя.

Под Дуэ рядом с королем убили лошадь одного из охранников. Король часто с риском для жизни появлялся на позициях, лицо его стало серым от порохового дыма. Он хотел даже встать во главе одного из эскадронов.

Во время осады Лилля король все дни провел в траншеях с рядовыми гренадерами. Его смелость настолько обеспокоила придворных, что Туренн объявил королю после того, как его засыпало землей от взрыва ядра, что снимет осаду, если Его Величество не побережет себя. А маршал дю Плесси-Белльер сказал:

— Возьмите мою шляпу и дайте мне свою, пусть испанцы стреляют в меня.

На следующий день король уже не подставлялся под пули, а Филипп получил голубую ленту в петлицу.

...Пришло лето.

Война продолжалась. Двор по-прежнему находился неподалеку от полей сражений.

Равнина была сплошь покрыта пестрыми палатками. Палатка короля, самая просторная, состояла из залы и двух кабинетов, наполненных позолоченной мебелью.

Подъем и отбой соблюдались так же строго, как и в Версале. Дамы ужинали вместе с королем.

Однажды вечером за столом взгляд короля упал на Анжелику, сидевшую недалеко от него. Последнее время король находился под сильным впечатлением своих побед над испанцами, а также над госпожой де Монтеспан, поэтому ему показалось, что он видит ее в походе в первый раз.

— Вы приехали из столицы совсем недавно? Что новенького в Париже? О чем сейчас говорят?

Анжелика холодно посмотрела на него.

— В Париже сейчас вечерня.

— Я спросил о новостях.

— Горох поспевает, сир.

Ответы маркизы были бы забавными, если бы не произносились таким ледяным тоном.

Король не нашелся, что ответить, так как не ожидал вызова. Щеки его зарделись.

Мадам де Монтеспан попыталась смягчить ситуацию и залилась тоненьким смехом. Она сказала, что в Париже входит в моду отвечать каламбурами на самые серьезные вопросы и что мадам дю Плесси очень в этом преуспела. Остаток обеда прошел весело, так как всем захотелось приобщиться к новшеству.

На следующий день, когда Анжелика пудрилась перед зеркалом, полог ее палатки откинулся и вошел Филипп.

Увидев мужа, Анжелика велела выйти служанкам и снова склонилась над зеркалом. Лицо у Филиппа было злое.

— До меня снова дошли неблагоприятные слухи о вас, мадам. Я счел своим долгом найти вас.

— Что за слухи?

— Вы насмехались над королем, когда он соизволил обратиться к вам.

— Всего лишь?

— Отвечайте: вы насмехались над королем — да или нет?

— У меня даже в мыслях не было насмеяться над ним. Но у меня были причины разговаривать с ним сухо.

— Но ведь это король!

— Король он или нет, но это не мешает ему быть мужчиной, которого нужно иногда ставить на место.

Филипп казался пораженным.

— Вы потеряли рассудок, мадам!

Он несколько раз прошелся из угла в угол палатки, потом остановился у нее за спиной.

— Я знаю в чем дело. Я слишком мягко обращался с вами, пока вы были беременны, а потом кормили грудью моего сына. Вы слишком осмелели, пора мне снова братья за кнут.

Анжелика пожала плечами.

— Стоит ли так беспокоиться из-за пары слов, брошенных в беседе за столом.

— Но вы разговаривали с королем! Вы должны быть покорны ему, испытывать трепет, преклонение...

— Что еще? Может быть, он имеет право решать мою судьбу, чернить мою репутацию, злоупотреблять моим доверием?

Анжелика повернулась к мужу и с негодованием сверкнула глазами:

— А если ему придет в голову сделать меня своей любовницей, что мне тогда делать?

— Пойти на это. Разве вам не известно, что все эти прекрасные дамы двора собраны вокруг короля только для того, чтобы развлекать его?

— В таком случае, вы как мой муж не имеете на меня никакого права собственности.

— Все мое имущество принадлежит королю. Нет ни одной вещи, в чем бы я мог отказать ему.

Анжелика испытывала горечь разочарования. Ее муж всегда находил способ задеть ее за живое. Что ждала она от него?

— Ну хорошо, вы правы, — едва сдерживая слезы, выговорила она. — Я и забыла, что женщина для вас — всего лишь вещь, которую можно выбросить или отдать другому. Хуже, чем слуга... Как кусок пирога, о котором вспоминаешь, когда захочешь есть.

— Веское замечание, — усмехнулся Филипп. — Вы правы, ваши восхитительные щеки и правда вызывают у меня сильный аппетит.

Он приблизился к ней и положил руки на круглые плечи молодой женщины.

— Не рассчитывайте на это, — холодно сказала Анжелика. Филипп протестующим жестом дернул за шнурок корсажа, сорвав при этом три алмазные застёжки.

— Я вас и не спрашиваю, нравится вам это или нет, — проговорил он медленно. — Разве вы не поняли до сих пор, что целиком принадлежите мне?

Он стащил с нее корсаж, разрывая рубашку и обнажая грудь, точно грубый солдат во время разграбления города.

— Не забывайте, откуда вы вышли, дорогая маркиза. Помните, что вы были побирешкой с грязным носом и босыми ногами. А теперь она живет в роскоши и позволяет себе дерзить королю!

Он сжал ладонями ее виски так, что у нее потемнело в глазах.

— Отпустите меня! — закричала Анжелика, пытаясь ударить его. Филипп злорадно засмеялся.

— Не нравится? Ну же, мерзкая девка, перестань ломаться.

Он подхватил ее и отнес на ложе в темном углу палатки. Анжелика закричала:

— Отпустите меня!

— Замолчите! Или здесь соберется весь гарнизон.

— Тем лучше. Пусть все видят, как вы обращаетесь со своей женой.

— Ну что ж! Это будет добрый скандал: мадам дю Плесси изнасилована своим мужем.

— Я ненавижу вас!

Борьба их продолжалась. Извиваясь под грузным телом Филиппа, Анжелика сумела почти до крови укусить его за руку.

— Злобная тварь!

Он ударил ее по губам, затем завел ей руку за спину и парализовал тем самым все ее движение.

— Никогда я не имел дела с такой тигрицей, — усмехаясь, сказал Филипп.

Анжелика совсем лишилась сил. Неужели в этот раз он поступит с ней, как и раньше? Чего стоит ее гордость, если ей приходится терпеть страдания от человека, которого она любила?

— Филипп! — позвала она.

Голос ее не был уже криком отчаяния или ненависти. Несмотря на разгоряченность борьбой, он заметил вдруг, что тело ее обмякло и перестало противиться его захватам. Не ранена ли она? Он замер, стараясь разглядеть в полумраке ее лицо.

— Кажется, я причинил вам боль, — небрежно сказал он, — но вы должны расценивать это как наказание.

— Как вам угодно, — прошептала она. — Пусть будет наказание.

Филипп поднялся с ложа. Ему казалось, что он невероятно устал и в то же время ему хотелось почему-то снова присесть к ней и сказать что-то утешительное.

Но слова утешения так и не слетели с его губ. Опустошенный, он вышел из палатки с тягостным ощущением, что и в этот раз последние слова остались не за ним.

Глава 7

Июнь выдался солнечным.

Во время прогулки по каналам Версальского парка к Анжелике подошел де Вивонн:

— Давно хотел поговорить с вами, мадам. Сегодня я обращаюсь к вам не как к одной из самых восхитительных нимф этого леса, но как к мудрой матери. Одним словом, я прошу вас отпустить со мной вашего сына Кантора с моей экспедицией.

— Кантора! Но зачем вам понадобился совсем юный мальчик?

— А для чего люди держат у себя дома певчих птиц? Всем известно, как он замечательно поет и как искусно играет на нескольких музыкальных инструментах. Без его ангельского голоса поход будет не в радость мне.

— Поход?

— Разве вы не знали, что меня назначили адмиралом и что король отправляет меня во главе флота против турков? Я буду защищать Канди и укреплять наше влияние на Средиземном море.

— Да вы что! Вы хотите, чтобы я отпустила восьмилетнего малыша в такую даль да еще на военном корабле!

— Но там будут и другие пажи, и все благородных кровей. За ними будут присматривать преданные мне, порядочные люди. А кроме того, разве вы не заинтересованы в безопасности Канди? Должен же кто-то из ваших сыновей защищать свою вотчину!

Анжелика ответила, что ей надо подумать. В душе же она твердо решила ответить отказом.

...Король решил устроить пышный праздник в честь своих побед и успешного окончания войны.

Блестящее завоевание Фландрии принесло свои плоды: головы европейских политиков поворачивались в сторону молодого суверена, которого принято было считать несмышленищем, от которого отказались его вассалы.

Он поручил самым ответственным своим соратникам — герцогу де Креки, маршалу Беллефонду и Кольберу — организовать помпезные торжества со спектаклями, иллюминацией, фейерверком.

На одном из спектаклей Анжелика встретила Филиппа. Они не виделись с момента размолвки в палатке недалеко от линии фронта. Она сохранила от этой встречи тяжелое воспоминание, несмотря на то, что

сумела себя защитить. С тех пор Филипп водил армию на Франш-Комте. Анжелика следила за перемещениями войск, получая разрозненные сведения от знакомых. Филипп, разумеется, не писал ей.

Сама же она писала ему иногда короткие послания, в которых рассказывала о Шарле-Энри и о событиях при дворе, слабо надеясь на ответ.

Теперь он стоял перед ней, пряча глаза, но губы его чуть подрагивали в улыбке.

— Приветствую госпожу Печального Платья, — сказал он. — Филипп! На этом платье висит бриллиантов на десять тысяч ливров. — По моему, то серое платье с белым воротником шло вам больше. — Вы помните его? — Почему бы мне его не помнить. Он прислонился к одной из мраморных колонн. Она протянула ему руку. После нерешительного колебания он поцеловал ее.

— Я думала, что вы еще с войсками, — сказала Анжелика.

— Король велел мне в послании приехать в Версаль, чтобы принять участие в сегодняшнем празднике. В виде украшения, я полагаю.

Всем было хорошо известно, что король любил видеть в своей свите самых красивых женщин и самых достойных мужчин королевства, к которым, несомненно, он относил и своего маршала.

— Это король велит вам постоянно находиться при армии? — спросила она вдруг.

— Нет! Это я настоял на этом.

— Почему?

— Мне нравится война, — ответил он.

— Вы получали мои письма?

— Ваши письма? Э-э... Да, кажется.

Анжелика вскинула брови:

— Вы читали их, по крайней мере?

— Вы полагаете, на войне нет дел поважнее, чем заниматься какими-то письмами?

— Вы, как всегда, очень любезны.

— А вы, как всегда, пытаетесь меня уязвить. Впрочем, я рад, что вы не изменились. Знаете, мне даже не хватает ваших нападков. Надо сказать, что боевые действия велись как-то вяло: две-три осады, несколько стычек...

— Когда вы уезжаете? — перебила она его.

— Король сказал мне, что отныне он желает видеть меня при дворе. Таким образом, у нас будет еще время поспорить.

— И не только для этого, — сказала Анжелика, глядя ему прямо в

глаза.

Глава 8

Анжелика танцевала с вдохновением. Мелькающие лица ее партнеров в масках не могли отвлечь ее от наслаждения танцем, но неожиданно она почувствовала, что ее держат знакомые руки короля. Ее взгляд быстро встретился с глазами короля и тут же опустился.

— Все еще сердитесь? — спросил монарх вполголоса. Анжелика удивленно раскрыла глаза.

— Сержусь ли я? Во время такого праздника? О чем вы говорите, Ваше Величество?

— Должно быть, этот праздник только смягчил обиду, которую вы держите на меня уже несколько месяцев?

— Сир, вы совсем обескуражили меня. Если вы считаете, что я вот уже несколько месяцев сержусь на вас, почему же вы раньше не попытались объясниться со мной?

— Потому что опасался снова услышать о поспевающем горохе, мадам. Танец разделил их. Когда они снова сошлись в одной паре, Анжелика увидела, что приветливые глаза короля ждут от нее ответа.

— Мне странно слышать, что наш мужественный король может чего-то опасаться.

— Военные опасности пустяк по сравнению с теми суровыми словами, что срываются порой с ваших губ.

Анжелика постаралась побыстрее выйти из танца и затеряться в толпе разгуливающих по залам придворных, но ее разыскал паж, посланный королем, и велел следовать за ним.

Король дождался ее на улице в тени аллеи, куда свет из окон почти не доходил.

— Вы были правы, — шутливым голосом сказал он. — Ваше очарование воодушевило меня и придало храбрости. Я решил, что настало время помириться.

— Но вас сейчас же хватятся. Отсутствие короля не может остаться незамеченным.

— Все танцуют, — возразил король. — И каждый будет думать, что я в другом конце зала. У нас есть, во всяком случае, время, чтобы обменяться несколькими словами.

Анжелика нахмурилась. «Все ясно, — решила она, — снова они с госпожой де Монтеспан решили втянуть меня в свою интригу».

— Какая вы обидчивая! — мягко сказал король, беря ее за руку. — Вы даже не позволите мне выразить благодарность?

— Благодарность? За что?

— Господин Кольбер не раз говорил мне, как успешно вы справляетесь с теми заданиями, которые он поручил вам.

— Ну что вы, Ваше Величество! Ведь я занимаюсь этим в основном для своей же пользы.

Король не ответил ей и задумался. Анжелика заметила, что за любезной интонацией он скрывал волнение.

— Возвратимся к гостям, прошу вас, сир, — взмолилась она.

— Но я так и не выяснил, что же было причиной вашего пасмурного отношения ко мне. Нам некуда торопиться. И я решил до конца разобраться в этом деле.

— А я решила, что больше не буду служить ширмой вам и госпоже де Монтеспан, — воскликнула Анжелика. — Господин Кольбер не платит мне за это. Моя репутация слишком дорога мне, чтобы я бросала ее под ноги кому бы то ни было, пусть даже королю.

— А!.. Вот оно что. Мадам де Монтеспан решила поиграть вами, как марионеткой, наведя на вас подозрения своего невыносимого мужа. Ловкий план, действительно.

— Ваше Величество знало об этом. За кого вы меня принимаете? За игрушку, которая принадлежит вам?

Он яростно схватил ее за руки.

— Ошибаетесь. Все дамы двора принадлежат мне по праву короля. Оба были полны гнева и смотрели друг на друга, сверкая глазами. Король опомнился первым.

— Не будем враждовать из-за таких пустяков. Поверьте, что я пытался отговорить мадам де Монтеспан от того, чтобы она сделала вас жертвой. «Почему маркиза дю Плесси, а не кто-то другой?» — спросил я ее. «Потому что только она способна встать у меня на пути», — ответила она. Ей не поверили бы, если бы кто-то другой, а не вы, оспаривал место фаворитки. Видите? Это, по крайней мере, доказывает ее уважение к вам. Она считает вас наивной, полагая, что вы ни о чем не догадываетесь. И она ошиблась... Но было бы несправедливо, если бы вся тяжесть вашего гнева легла на мои плечи. Почему этот маленький заговор так ранил вас, моя дорогая? Разве это кажется вам бесчестием — быть любовницей короля? А известность? А выгоды?

Говоря это, он нежно обнял ее и привлек к себе, стараясь заглянуть в лицо, скрытое тенью.

— Вы говорите, что страдает ваша репутация? Но только не при дворе. Здесь она только выигрывает от подобной ситуации, поверьте мне... И так? Могу ли я считать, что мы решили этот вопрос и что вы больше не сердитесь на меня? Нет?

Анжелика молчала, спрятав лицо в складки рукавов короля, пахнущих ирисовыми духами. Давно никто не обнимал ее так нежно.

— Значит, ваше внимание ко мне было лицемерием? — тихо спросила она.

— Нет, — улыбаясь, сказал король. — Признаюсь вам даже, что не могу смотреть на вас, не испытывая определенного желания, и что слишком часто мне приходила мысль...

Анжелика недоверчиво смотрела на него.

— Я не верю вам, сир. Я знаю, что вы любили других. Он взял ее под руку и повел вдоль аллеи.

— Давайте помиримся, моя маленькая маркиза. Ваш король просит у вас прощения. Вы прощаете его?

Остановившись, он придвинулся к ней вплотную. От близости его улыбающихся губ, сверкающих глаз она вздрогнула, потом испуганно отшатнулась и побежала прочь, придерживая обеими руками тяжелую юбку.

Но очень быстро она натолкнулась на стену стриженного кустарника и остановилась, переводя дыхание. Она находилась у фонтана. Музыка звучала где-то в отдалении, здесь же слышны были только журчание струек фонтана и мягкое поскрипывание гравия под ногами приближающегося короля.

— Почему вы убежали? — тихо спросил он.

Он вновь привлек ее к себе, прислоняясь щекой к ее волосам.

— Вам пытались причинить зло, которое вы не заслужили. Я знаю, на какие жестокости способны между собой женщины. Я же как суверен должен защитить вас.

Анжелика притихла, очарованная нежностью, с которой отнесся к ней король. Лицо его скрывала тень от широкополой шляпы, которую он надел на сегодняшний бал.

— Вот что я вам скажу, крошка, — отеческим тоном стал поучать ее монарх. — Люди, которые собрались под крышей моего дворца, в большинстве своем ужасны и способны на любое коварство. Многие из них владеют целыми областями, которые очень легко поднять на мятеж и ввязать в длительную войну со мной. Поэтому я должен держать их всех Подле себя: на виду у меня они безопасны и не в состоянии объединиться

Друг с другом. Но по отдельности они очень опасны. Чтобы выжить среди них, надо иметь острые когти и клюв. Вы же принадлежите к другой Породе, моя милая.

— Ваше Величество хочет сказать, что мое место не при дворе?

— Вовсе нет. Мне всегда приятно видеть вас здесь. Больше того, вы одна из самых желанных персон. Я очарован вашим изяществом, вашим вкусом и обаянием. К тому же я в восторге от ваших деловых качеств. Мне хотелось бы только, чтобы вы не стали жертвой недоброжелателей.

— Я избегала и не такие опасности, Ваше Величество, — с достоинством ответила Анжелика.

Король прикоснулся ладонью к ее лбу, чтобы подставить ее лицо слабым отсветам сияния дворца. Ее сияющие зеленые глаза, казалось, были полны чарующего таинства, исходящего точно из лесных чащоб.

Король осторожно приблизил свои губы к приоткрытым губам молодой женщины. Внезапно он превратился из изящного и галантного собеседника в порывистого мужчину, охваченного неудержимой страстью.

Этот короткий поцелуй как бы приблизил его к чему-то совершенно новому, неизведанному. Король с удивлением взглянул в лицо молодой женщине.

— Как мне нравятся ваши губы, — сказал он. — Они совсем не похожи ни на какие другие. Это губы одновременно женщины и юной девушки, свежие и жаркие.

Он довольствовался лишь одним поцелуем. И, когда она медленно отстранилась от него, он не стал удерживать ее.

Они немного помолчали. Вдруг со стороны дворца раздались резкие хлопки, и весь парк осветился разноцветными огнями.

— Артиллеристы открывают фейерверк, — сказал король. — Мы не можем пропустить такое захватывающее зрелище. Придется возвращаться.

В молчании они дошли до ступенек парадной лестницы дворца, откуда уже высыпала толпа оживленно переговаривающихся придворных. Вокруг стало светло как днем.

Король взял Анжелику за руку и слегка отодвинул от себя, чтобы рассмотреть ее платье.

— Я до сих пор не догадался поздравить вас с таким восхитительным нарядом, — сказал он. — Он вполне достоин вашей красоты.

— Благодарю вас, Ваше Величество.

И она опустила в самом изысканном придворном реверансе. Король поклонился и поцеловал ей руку.

— Итак?.. Снова друзья?

- Может быть.
- Смею надеяться...

Глава 9

Воспоминания о насыщенной впечатлениями ночи, проведенной в Версале, затмили прежнее беспокойство: что ждет ее маленького Кантора на Средиземном море?

«В конце концов надо на что-то решиться», — сказала она себе, одеваясь, на следующее утро.

Пройдя по галерее, она остановилась возле черной дубовой двери. За ней была комната Филиппа. Несколько мгновений она колебалась, не уйти ли, но потом переборолась и вошла.

Филипп стоял перед зеркалом, он только что облачился в свой голубой мундир, намереваясь сразу же отправиться в Сен-Жермен.

Из вежливости ее муж ничем не проявил удивления, вызванного ее неожиданным визитом. Он предложил ей сесть, а сам продолжил заниматься своим туалетом, с нетерпением ожидая, когда она изложит ему причину столь необычного посещения.

В этот момент он был занят тем, что выбирал перстни, поочередно надевая их и выставляя вперед руку, чтобы оценить, как они смотрятся.

На что она надеялась, придя в эти мрачноватые покои? На совет?

Наконец она сказала напрямик:

— Господин де Вивонн попросил у меня отпустить с ним Кантора. Филипп остался безразличен к ее словам. Со вздохом он снял все кольца с правой руки, их сочетание не удовлетворило его. Поразмыслив еще немного, он спохватился:

— Что? Правда? Ну что ж, примите мои поздравления. Это хорошая новость. Карьера Вивонна резко пошла в гору, и виной этому, разумеется, его сестра, госпожа де Монтеспан.

— Но он отправляется с эскадрой в Средиземное море.

— Это лишний раз подчеркивает доверие, которое оказывает ему король.

— Мальчик еще слишком юн.

— А что он сам об этом думает?

— Кто? Кантор? О! Он прыгает от счастья и умоляет отпустить его с этим вельможей. В этом нет ничего удивительного. Вивонн будет баловать его. Но не для восьмилетнего мальчика такие путешествия. Я не могу решиться...

Брови Филиппа удивленно поползли вверх.

— Но вы хотите, чтобы он сделал карьеру?

— Да, но...

— Никаких но! — отрезал маркиз.

Анжелика начала говорить очень быстро, щеки ее вспыхнули:

— Вивонн имеет дурную репутацию дебошира. Он веселится в одной компании с братом короля. Каждый знает, что это означает. Я не хочу доверять своего сына человеку, который запросто может развратить его.

Филипп подошел к окну и подставил солнечным лучам кольцо с крупным бриллиантом.

— Кому же вы хотели бы его доверить? — лениво спросил он. — Человеку честному, благонравному, не интригану, влиятельному и... несуществующему. Познать жизнь — не простое дело. Научиться нравиться сильным мира сего — не легкая задача.

— Но он еще так юн, — повторила Анжелика. — Я боюсь, что увиденное тронет его невинность.

Филипп насмешливо усмехнулся:

— Уж вы-то не должны быть такой щепетильной! Что же касается меня, то мне не было и десяти лет, когда господин де Кульмер затащил меня к себе в постель. А четыремя годами позже мадам дю Кресси приютила меня в своем алькове. Тогда ей самой было не меньше сорока лет... Взгляните: как, по-вашему, совмещаются ли этот изумруд с бирюзой?

Анжелика была поражена.

— Филипп! О Филипп!

Он бросил на нее новый насмешливый взгляд:

— Да прогоните же наконец эту глупую гримасу. Если мои взгляды вас не устраивают, зачем же вы тогда пришли за советом? Пусть тогда ваш сын воспитывается у добропорядочных людей и не соприкасается с ближайшим окружением короля.

— Но я не могу лишиться своих сыновей материнской защиты. Ваша мать никогда не беспокоилась о вас.

Филипп презрительно скривил губы:

— Действительно... Ведь у нас с вами совсем разное воспитание. Насколько я помню, вы бегали босой по лесам, питались капустным супом и упивались историями о привидениях. При такой жизни можно позволить себе ощущать материнскую опеку. Но в Париже, при дворе такое невозможно.

Лицо его помрачнело. Он снова склонился над ящичками с украшениями.

— Никому не нужный, часто голодный, доверенный лакеям и

служанкам, которые могли научить только разврату, — вот какой была моя жизнь при дворе и здесь, в этом доме. С тех пор мне дороги лишь дорогие костюмы, мягкие ткани, изящные воротнички. Часами я стоял у зеркала, занимаясь усовершенствованием прически. Когда я заканчивал туалет, мне было совершенно нечем заняться в этих мрачных комнатах и коридорах. Я сильно скучал. Никто не позаботился научить меня читать и писать. Как же я мог не радоваться возможности оказаться на службе у господина де Кульмера?

— Иногда вы приезжали в Плесси...

— Слишком редко. Я обязан был все время торчать у трона. Да и как-то продвинуться вперед можно было лишь с помощью постоянного присутствия. Мой отец — а я был у него единственный сын — гнал меня из провинции. И мое быстрое продвижение целиком считал своей заслугой. Сознаюсь: я не отличался ни сообразительностью, ни веселостью, но я был красив.

— Вот почему вы никогда не встречались с настоящей любовью, — воскликнула Анжелика.

— Как бы не так! Вряд ли у кого-нибудь еще имеется столько опыта в этой сфере.

— Но это была не любовь, Филипп.

Анжелика почувствовала, что ее переполняет жалость к этому одинокому мужчине, точно перед ней находилось несчастное обездоленное существо.

— Приходилось ли вам испытывать, хотя бы раз, возвышенное чувство к женщине?

— Пожалуй... Это была моя кормилица. Но это было слишком давно. Анжелика не улыбнулась.

— Я имею в виду чувство, в которое вы окунаетесь, точно в глубины вселенной, которое переворачивает всю вашу жизнь, наделяет мощью и вдохновением...

— Вы красиво говорите об этих вещах. Нет, клянусь честью, мне не приходилось испытывать подобной экзальтации. И тем не менее однажды я приблизился к тому, о чем вы только что рассказали. Однажды я...

Взгляд его замер и принял мечтательное, загадочное выражение.

— Это было в Плесси. Мне было тогда шестнадцать лет, и я приехал к отцу на побывку, когда полк, в котором я нес службу, оказался недалеко от нашего имения. Во время гулянья мне представили молодую девушку. Она была одних лет со мной, но казалась мне намного моложе меня. На ней было скромное серое платье с голубыми узлами на корсаже. Мне было

немного стыдно, когда мне сообщили, что это моя кузина. Но, когда я взял ее за руку, чтобы повести ее на танец, я почувствовал, как ее рука дрожит в моей, и испытал неведомое прекрасное ощущение. До того дня все было наоборот: это я дрожал перед светскими дамами и их кокетками-дочерьми. Та девушка преобразила меня. Я почувствовал себя мужчиной, из слуги я превратился в хозяина... Но я насмешливо сказал друзьям: «А вот перед вами госпожа Печального Платья». Тогда она убежала. Я посмотрел на свою опустевшую ладонь и ощутил горечь утраты чего-то драгоценного, как если бы меня покинул верный друг. Я хотел было догнать ее, но у меня не хватило смелости. Потом я все-таки принялся разыскивать ее, но не нашел в тот вечер...

— И вы больше не встречали эту девушку? — со вздохом спросила Анжелика.

— Я ее встретил. Намного позже. Но представьте себе, произошло ужасное превращение: из робкого создания она превратилась в злую и опасную женщину.

Теперь он выставил перед собой обе руки, растопырив пальцы.

— Что скажете на этот раз? По-моему, кольца подобраны удачно.

— Да, на самом деле... Но было бы лучше, если бы вы оставили по одному кольцу на каждой руке, это скромнее.

— Пожалуй, вы правы.

Он снял кольца, спрятал их в ящички и позвал ля Виолетта, чтобы тот привел к ним Кантора.

— Ну что же, мой господин, — весело сказал ему Филипп, — если не ошибаюсь, вы отправляетесь на войну?

Настороженное личико мальчика прояснилось.

— Господин де Вивонн рассказал вам о наших планах?

— Но это видно и по вашему обмундированию. На Канторе были военные сапоги и портупея.

— О! Сражаться с турками — что может быть замечательнее!

— Напрасно ликуете. Турки вовсе не безобидные барашки. И вы не заставите их пасть ниц своими песенками.

— Но я еду с господином де Вивонном вовсе не для того, чтобы петь. Я поплыву со всеми на корабле, о чем так давно мечтаю...

Анжелика судорожно сцепила пальцы. Неужели пришло время расставания! Но глаза сына светились непоколебимой решимостью: он хорошо знал, чего хотел.

«Я больше не нужна ему, — с болью подумала Анжелика. — Он так похож на меня. Ведь и я никогда не сидела возле своей матери. В

двенадцать лет я пыталась бежать в Америку...»

Филипп положил руку на голову мальчика.

— Мы еще не решили с вашей матерью, следует ли разрешить вам отправляться с флотом. Мало кому из малышей вашего возраста выпадает честь слушать разговор пушек. Для этого надо быть сильным!

— Я сильный, и я ничего не боюсь.

— Мы должны убедиться в этом. Тогда мы и примем окончательное решение.

Мальчик поклонился своему приемному отцу и с достоинством вышел из комнаты.

Маркиз принял из рук ля Виолетта свою пышную серую шляпу и стряхнул с нее невидимые пылинки.

— Я повидаюсь с Вивонном, — сказал он, — и выясню, насколько честны его намерения. Если же...

— Мне легче будет узнать о его гибели, — жестким голосом оборвала его Анжелика.

— Не сгущайте краски, — возразил Филипп. — Я думаю, что Вивонн — эстет, который не хочет лишать себя наслаждения слушать нежное пение юных певцов. Все-таки для мальчика" это очень выгодная должность. К тому же вам не придется платить за него ни одного ливра.

И он поцеловал ей руку.

— Должен покинуть вас, мадам. Король не любит опозданий. Теперь мне придется гнать лошадей, чтобы наверстать упущенное время.

Она пристально посмотрела ему в глаза.

— Филипп, та юная девушка осталась прежней, знайте это.

Глава 10

Ближе к вечеру, мягко покачиваясь в карете, которая несла ее в Сен-Жермен, Анжелика думала о нем.

Теперь она поняла, что мешало ей найти подход к Филиппу. Она слишком хорошо знала мужчин, знала их слабости и то, каким оружием легче всего покорить их. Но этот опыт не годился для холодного маршала. Он был не такой, как остальные мужчины. Лишь в далекой юности, когда сердце его еще не огрубело и не утратило способности к проникновенному чувству, она смогла на короткий срок очаровать его.

Неужели уже поздно им обоим обрести потерянное счастье. Филипп слишком далеко зашел в погоне за положением в обществе. Она тоже прошла нелегкую школу борьбы за существование. Смогут ли они вновь увидеть друг в друге то потаенное очарование, которое влекло их когда-то?

«Мы сможем, — думала Анжелика, — потому что жизнь слишком богата поворотами и вдохновением, чтобы мы не в силах были отыскать желанного пути друг к другу».

...Искра породила огонек. Он разгорелся в самый неожиданный момент.

В тот день Анжелика занималась приготовлениями к приему гостей в доме дю Плесси. Скоро должны были приехать самые высокие столичные лица. Не было исключено, что появится и сам король.

Неприятно вздыхая, Анжелика обошла сумрачный, как колодец, главный салон. Он был обставлен тяжеловесной мебелью времен еще Генриха IV. В любое время года здесь было холодно. Чтобы как-то утеплить его, Анжелика велела с самого своего приезда сюда развесить на стенах толстые ковры, привезенные из ее дома. И все же этот зал был слишком мрачным для вечернего приема.

Она все еще скептически осматривала салон, когда в него вошел Филипп.

— Я готовлюсь к приему гостей, Филипп, — сказала она. — Но этот зал мне не нравится, честно говоря. Я не хочу сказать ничего плохого о ваших предках, но, мне кажется, они оборудовали дом крайне неудобно.

— Вам больше нравится у себя дома? — заносчиво ответил молодой человек. — Или комнаты, которые вам отвели, не пригодны для жизни?

— Нет, мои комнаты мне нравятся.

— Они мне дорого обошлись, смею заметить. Для того чтобы увещать

все коврами, мне пришлось продать последних лошадей.

— Вы сделали это специально для меня?

— Какая разница? — проворчал он. — Почему бы нет? Я женился на вас не по своей воле, но все-таки женился. И я не хотел, чтобы вы досаждали мне жалобами.

— Так вы оборудовали мои комнаты сразу после нашей свадьбы? — удивленно спросила Анжелика.

— Мне казалось это вполне естественным.

— Почему же вы меня не приглашали к себе?

Филипп ответил не сразу. На его лице Анжелика успела заметить тень смущения.

— Мне казалось, что наша совместная жизнь началась настолько неудачно, что в случае приглашения я получил бы категоричный отказ.

— Неужели?

— Не знаю, поверите ли вы мне, но после той ночи в Плесси я предпочел бы, когда проснулся, оказаться под огнем сотни испанских пушек, чем попасться вам на глаза... Но во многом были виноваты вы сами. Тогда я напился... Разве можно так перечить пьяному мужчине, как это делали вы? Я был взбешен, а вы продолжали распалять меня. Даже то, как вы ели во время ужина, с нескрываемым аппетитом, — неожиданно вскричал он, — хотя знали, что вам угрожает расправа, доводило меня до бешенства.

— Филипп, — проникновенным голосом произнесла она, — ведь я дрожала от страха. Я не виновата, что в такие минуты я испытываю приступы голода... Так, значит, вы все это время думали обо мне?

— Как можно было не думать о вас, — яростно закричал он, — если с вами все время что-то происходило: то вы без приглашения короля появлялись при дворе, то на вас нападали волки, то вы рожали ребенка?..

Неожиданно лицо его снова сделалось спокойным и даже грустным.

— Я хотел отомстить вам, но это было моей ошибкой. Перед вами я чувствую себя беспомощным, как кролик в руках у браконьера.

Она наклонила голову и положила ее ему на плечо. Она почувствовала, как руки его легли ей на талию, а дыхание участилось.

— Я думал, что встречи со мной вам невыносимы, — тихо сказал он.

— О Филипп! — улыбнулась она. — Если бы к ним прибавить немножечко любезности с вашей стороны, эти встречи были бы прекрасными. Ведь с того момента, как я встретила вас юной девушкой, я только и мечтала вновь увидеть вас. Уже тогда я любила вас.

— Судьба позаботилась о том, чтобы разрушить эти мечты.

— Судьба милостива. Я никогда не отрекалась от своих мечтаний. Даже когда мы были разделены, в глубине души я надеялась...

— Вы вспоминали меня иногда?

— Я всегда ждала вас.

Руки его легли на ее грудь, он издал стон, похожий одновременно на грозный рык.

— Вы необыкновенно красивы, вы необыкновенная женщина, — проговорил он, — а я грубый, неловкий солдафон.

— Филипп! — с укором ответила она. — Что вы говорите! Вы злой, жестокий — это точно, но не неловкий... Нет, этот упрек не для вас.

— Но мне часто говорили это те женщины, с которыми мне приходилось иметь дело. Очевидно, я просто разочаровывал их. Им казалось, наверное, что мужчина с внешностью Аполлона должен непременно одаривать их небывальными ощущениями.

Анжелика тихо засмеялась в ответ. Она чувствовала приближение волны всепоглощающей страсти, которая увлечет их в прозрачные глубины блаженства.

Пальцы маркиза пытались расстегнуть крючки ее корсажа.

— Пожалуйста, Филипп, осторожнее. Вы обломите жемчужные заколки, которые обошлись мне в две тысячи экю. Говорят, что вы никогда не утруждали себя тем, чтобы раздеть женщину.

— Это на самом деле никчемное занятие, — согласился он, — когда достаточно только задрать юбку и...

Она приложила пальцы к его губам.

— Не продолжайте, если не хотите выглядеть солдафоном. Вы ничего не понимаете ни в любви, ни в счастье.

— Попробуйте помочь мне. Научите меня тому, что ждут подобные вам красавицы от любовника прекрасного, как бог.

Она обвилась руками вокруг его прочной шеи и расслабила ноги. Он мягко опустился вместе с ней на пушистый ковер.

— Филипп, Филипп, — пожурила она его, — не находите ли вы, что время и место для наших опытов выбрано не совсем удачно?

— Почему?

— На ковре?

— Да, на ковре. Солдафоном я был, солдафоном и остаюсь пока. Если я не имею права овладеть собственной женой в собственном доме, тогда я вообще отказываюсь прикасаться к тому, что вы называете любовью.

— Но сюда могут войти.

— Меня это не беспокоит. Я знаю только, что ощущаю вас сейчас так

чутко, как никогда: такую горячую, трепетную, открытую... Ваши глаза светятся, будто звезды, а губы мягки, как...

Лицо его горело, точно в лихорадке.

— Так вот, моя милая кузина, давайте вообразим себе, что мы так же юны, как в шестнадцать лет. Попробуем воскресить те чувства...

Анжелика вскрикнула от охватившего ее восторга и отчаянно сжала в объятиях его плечи. Она не в силах была уже сопротивляться ему.

— Только не будьте слишком порывисты, мой прекрасный маршал, — попросила она. — Дайте мне насладиться счастьем.

Глава 11

Разумеется, случилось то, что предполагала Анжелика. Их застали на ковре, посреди салона, в момент безмятежных ласк.

Лакей ввел двух первых посетителей: де Лувуа и его отца, старого злонравного Мишеля ле Тейе.

Старик от удивления выронил монокль. Оба тотчас ретировались.

На следующий день Лувуа разнес свежую сплетню по всему дворцу:

— Среди бела дня! С собственным мужем!

Неужели воздыхатели прекрасной маркизы снесут подобное оскорбление? Кто бы мог подумать! Соперник с той стороны, откуда никто не ждал! Любовь в семейном кругу!

Придворные дамы наперебой повторяли:

— Средь бела дня!.. Средь бела дня!

Слухи достигли ушей короля. Как заметил ехидный Пегилен, король смеялся не так весело, как ожидали сплетники.

И он был не единственный, кто заметил плохо скрытую досаду Его Величества.

— Все, что касается вас, не безразлично ему, — пояснила Анжелике мадам де Севине. — Король ничего не имел против, чтобы маркиз дю Плесси был вашим мужем, но ему не понравилось, что он стал вашим любовником. Как бы он не попал под гнев Его Величества.

— Вашей репутации нанесен сильный ущерб, — с недовольной grimасой сказала ей Атенаис. — Впредь будьте осторожнее и постарайтесь замять эту историю.

— Но разве я не могу встречаться со своим мужем в собственном доме, если...

— Среди бела дня, на ковре? — презрительно фыркнула Атенаис. — Это предосудительно, такое можно позволить себе только с любовником.

Филипп стойко сносил как шутки, так и насмешки. Король держал себя с ним холодно, но маркиз делал вид, что не замечает отчуждения.

Во время последних праздников, которые организовал король до начала летней кампании, Анжелика не могла даже поговорить со своим мужем.

Филипп сделался холоден с ней; когда она подошла было к нему на одном из балов, он ответил ей так неприязненно, что она больше не осмеливалась с ним заговорить.

Общественное порицание высушило в зародыше тот цветок счастья, который распустился было в момент их единственного теплого свидания. Она слабо понимала, насколько тяжело было теперь Филиппу, который находился между фанатичным страхом за свою честь и достоинство и трепетом перед своей загадочной женой. Его затравленное состояние могло вылиться только в одно чувство: ненависть.

Анжелика, которая никак не могла предположить такого жестокого отношения, испытывала горькое разочарование. Это разочарование не могли рассеять ни ослепительные праздники, ни попытки короля вернуть ее внимание. Почему Филипп отвернулся от нее?

В один из вечеров, когда двор собрался смотреть пьесу Мольера, разыгрываемую прямо под открытым небом, ею овладел особенно острый приступ грусти. Она чувствовала себя крошечной беззащитной девочкой среди насмешливых, жестоких корыстолюбцев. Ее охватило желание бежать, куда глаза глядят.

«Я всех их ненавижу», — подумала она.

Не привлекая ничего внимания, она покинула дворец и велела готовить себе карету. Этот неожиданный порыв покинуть Версаль она сочла позже «провидческим», так как, вернувшись к ночи в дом дю Плесси, она застала там приготовления к отъезду маркиза. Ля Виолетт сообщил ей, что его хозяин отправляется на линию будущих сражений во Франш-Комте и должен выехать завтра на рассвете.

Филипп ужинал, расположившись в одиночестве в полутемной гостиной. Увидев Анжелику, которая ворвалась в зал, не сняв дорожного пальто, он поднял брови:

— Зачем вы приехали?

— Разве я не имею права вернуться к себе в дом, когда мне заблагорассудится?

— Мне известно, что в течение еще нескольких дней вы должны были находиться в Версале.

— Сегодня мне показалось, что еще немного, и я умру от скуки, — отдышавшись, произнесла она. — Все эти люди кажутся мне невыносимыми.

— Я надеюсь, что ваше оправдание ложно, так как в противном случае вы непременно заслужите гнев короля... Кто же предупредил вас о моем отъезде?

— Никто. Поэтому я не ожидала застать здесь приготовлений к вашему отбытию. Значит, вы решили уехать, не попрощавшись со мной?

— Король просил меня сохранить отъезд в тайне, особенно от вас, так

как женский язык, как известно, слишком длинный.

«Король ревнует», — чуть было не вырвалось у нее. Неужели Филипп не понимает, что его высылка не случайна? Анжелика сняла пальто и села за стол напротив Филиппа.

— Все это кажется мне очень странным, — сказала она, стягивая с пальцев перчатки тончайшей кожи, украшенные жемчугом. — Летняя кампания еще далека, войска еще не выступали. Я не слышала, чтобы король отправил еще кого-нибудь для подготовки похода. Ваше отправление слишком напоминает немилость, Филипп.

Молодой человек промолчал. Он смотрел на нее так долго, что она подумала, что он не расслышал.

— Приказ короля для меня закон, — сказал он наконец. Он торопливо вышел из-за стола.

— Уже поздно, и я должен покинуть вас. Позаботьтесь о своем здоровье в мое отсутствие, мадам. Считайте, что мы с вами попрощались.

— Между нами не может быть более теплого прощания? — дрожащим голосом спросила она.

Он не ответил. Поклонившись, он только поцеловал протянутую ему руку.

В своей комнате Анжелика долго плакала, как когда-то плакала девушка-подросток после обиды своего красавца-кузена. Это были слезы отчаяния, безнадежности.

— Я никогда не понимала его. Никогда мы не будем вместе.

Что если он не вернется с войны? Нет! Он должен вернуться. Она боялась не этого. Ее тревожило, что короткие часы их близости больше никогда не повторятся.

Через открытое окно в комнату проникала свежесть ночи. Где-то пел соловей. Сквозь слезы Анжелика говорила себе, что полюбила этот старый дом и что ей не нужен никакой другой, если только они будут жить в нем вместе...

Внезапно она поняла, что не в силах оставаться в своей комнате, когда ее любимый Филипп, который завтра на рассвете надолго покинет ее, находится чуть ли не за стеной.

Анжелика скинула с себя дорожное платье и осталась в легком пеньюаре. Босая, она пересекла галерею и подбежала к комнате Филиппа.

Она вошла без стука. Он спал совсем голый, разметавшись на кровати. Лунный свет падал на его мускулистую грудь, отчего она казалась мраморной. Лицо его было спокойное. Короткие кудрявые волосы, которые он носил под париком, и приоткрытый рот придавали его лицу

оттенок невинности и безмятежности, как у древнегреческих статуй.

Затаив дыхание, Анжелика наблюдала за ним, с трепетом открывая неизвестные до сих пор детали: небольшой золотой крестик на его гладиаторской шее, родинка на левой груди, шрамы, полученные в дуэлях и войнах.

Она осторожно положила руку на его грудь, чтобы услышать биение сердца. Он слабо пошевелился.

Выскользнув из пеньюара, Анжелика медленно устроилась рядом с ним. Она стала нежно целовать его в губы.

От прикосновения ее ласкающих рук он проснулся и недоуменно воскликнул:

— Вы?.. Вы здесь! Какое бесстыдство!..

— Я пришла попроситься с вами, Филипп, только по-своему.

— Женщина должна дожидаться, пока мужчина не позовет ее, а не предлагать себя по своему желанию.

Он стиснул ее запястья, чтобы вытолкнуть с кровати, но она упиралась, восклицая:

— Филипп! Филипп! Не гоните меня! Позвольте мне быть эту ночь возле вас!

— Нет.

Но она снова и снова ускользала от его хватки, продолжая удерживаться на кровати.

— Филипп, я люблю вас... Не гоните меня!

— Что вам нужно здесь, черт возьми?

— Вы сами знаете.

— Бесстыдница! У вас недостаточно любовников, что вы наскакиваете на меня среди ночи?

— Нет, Филипп. У меня нет любовников. У меня есть только вы. И вы скоро уедете и оставите меня надолго совсем одну.

— Вы ведете себя, как сука, которой не хватает кобеля после течки! Уходите!

Наконец он перестал отталкивать ее, но Анжелика неожиданно послушалась его и медленно пошла к двери.

Филипп стиснул зубы, борясь между сожалением о ее уходе и желанием остановить ее. «Безумец! Не поддавайся слабости!» — говорил он себе. Скорее бы ветер сражений выдул из его головы эти безумные воспоминания!

Глава 12

Немного позже, после отъезда Филиппа, Анжелика отправила в военный поход своего маленького Кантора. В самый последний момент она чуть было не передумала. Ей было невыносимо грустно, тяжелые предчувствия останавливали ее.

На многочисленные письма, которые она отправляла в Франш-Комте, Филипп не давал ответа. Точно он хотел защититься от нее молчанием. Когда же он все-таки признается, что любит ее? Может быть, никогда. Может быть, он вовсе не способен полюбить, во всяком случае дать себе отчет в этом. Он был не философом, а солдатом.

Анжелика сделала над собой усилие, отправив Кантора в экспедицию. На какое-то время ее заняли хлопоты по устройству его отъезда.

Наконец и он уехал.

На пороге осталась заплаканная служанка Барба. Жизнь текла своим чередом. Дети подрастали и покидали родной кров. Но каждый этап их пути запечатлевался рубцом на сердце матери.

Отныне она стала живо интересоваться событиями на Средиземном море. Она пыталась представить себе Кантора на борту корабля, готового в любую минуту столкнуться с турками.

В свои редкие посещения Парижа она старалась почаще бывать с Флоримоном. Страдал ли он оттого, что его разлучили с братом? Не испытывал ли он ревность оттого, что его младшему брату удалось попасть на военный корабль? Но ее старшему сыну, очевидно, некогда было предаваться грусти, без устали он хлопотал в своем маленьком хозяйстве: учился верховой езде, кормил своего охотничьего сокола, чистил собаку, точил шпагу, а также сопровождал в различные поездки монсеньора дофина. Анжелике удавалось остаться с ним один на один, только когда приходило время учить латынь. Тогда мальчик заявлял молодому аббату де Лесдигьеру, приставленному к нему в качестве воспитателя:

— Мы беседуем с мамой.

После чего аббат оставлял его в покое, не смея чем-либо прогневать свою хозяйку маркизу.

Их обычной темой в разговоре было обсуждение дуэлистских наклонностей господина Флоримона. Этот непоседливый мальчуган не мог чувствовать себя в хорошем расположении без шпаги в руке. Он мечтал о победах, сражениях, защите своей чести и уже тренировался стрелять из

мушкета. А монсеньора дофина он считал никуда не годным.

— Я пытался расшевелить его, но увы! — вздыхал он. — Только не рассказывайте никому, что я вам сказал, иначе это повредит моей карьере.

— Знаю, знаю, сын, — успокаивала его Анжелика, несколько удивленная такой ранней предусмотрительностью.

С потаенной грустью она чувствовала, что Флоримон отдалился от нее.

— Смотрите... Смотрите, мама. Я колю, защищаюсь... Выпад... Прямо в сердце... Противник на земле!

Он был красив и подвижен. Казалось, в нем горел жаркий и неугасимый огонь. Но едва ли он когда-нибудь прильнет головкой к ее плечу. Разум ребенка быстро зреет при ослепительном свете двора.

...Новость о поражении у мыса Рассеро пришла в середине июня в разгар праздника, последнего, который давал король перед Лореннской кампанией. Стало известно, что флотилия Вивонна была атакована у берегов Сицилии турецким флотом, которым руководил алжирский ренегат, подвиги которого были хорошо известны по всему Средиземноморью. Его имя было Рескатор.

Вивонн был вынужден укрыться в гавани у мыса Пассеро.

Он был изрядно потрепан. Правда, поражение нельзя было считать серьезным. Из двадцати его галер только две были потоплены.

На одной из них находились домашняя прислуга Вивонна и двадцать его хористов. Вместе с ними пропал и его маленький паж с гитарой.

Глава 13

Затишье в Версале позволило Анжелике вернуться в Париж, в дом дю Плесси.

Она не могла поверить в ужасную весть. Кантор не мог умереть, это не укладывалось в ее голове.

Она не могла смириться с мыслью, что ее живучий мальчик, который первые шесть месяцев своей жизни провел в стойле, которого крали цыгане, который вынес за свою жизнь множество лишений и ударов, покоится теперь на дне моря. Нет, те, кто принес эту недобрую весть, не знали Кантора!

Барба от горя перестала спать по ночам. Взволнованная Анжелика как могла старалась утешить ее.

— Вы не можете понять меня, мадам, — твердила Барба. — Ведь вы не любили его, как я.

В один из таких безутешных вечеров, когда Анжелика долгие часы сидела неподвижно, оперев подбородок о ладони, с улицы послышался цокот копыт. Машинально она взглянула в окно и вскрикнула, узнав силуэт Филиппа. Он слез с лошади и быстро взошел по ступенькам. Он должен был все еще находиться во Франш-Комте, откуда король не отзывал его.

Она слышала его шаги внизу, в галерее, потом они застучали по лестнице, и вот он, весь покрытый грязными брызгами, с измятой шляпой, ворвался в ее комнату.

— Филипп! — воскликнула она, поднимаясь к нему навстречу. — Вы попали в грозу!

— Дождь шел с самого утра, и я гнал без остановки. Она позвонила в колокольчик.

— Сейчас вам приготовят ванну и сухую одежду. Почему вы не предупредили о своем приезде? В вашей комнате меняют обивку. Я не ждала вас раньше осени.

Он слушал ее с некоторым равнодушием, стоя посреди комнаты как раньше, когда ему приходилось заходить к ней.

— Я узнал, что ваш сын умер, — сказал он. — Об этом мне сообщили только на прошлой неделе... Он так мечтал попасть на море... По крайней мере, сбылась его мечта.

Голос его звучал приглушенно и проникновенно.

— Я знаю это море. Оно всегда голубое и блестит на солнце золотом.

Красивая могила для пажа, который любил петь.

Из глаз Анжелики полились слезы. Филипп протянул руку и погладил ее по волосам.

— У него была мать, которая любила его.

— Я так мало времени уделяла ему, — вытирая глаза, сказала Анжелика.

— Вы любили его, — повторил он. — Вы защищали его. Вы делали все, чтобы он был счастливым.

Анжелика посмотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых застыли удивление и надежда:

— Филипп, — медленно проговорила она, — вы заставляете меня предполагать, что вы мчались восемьдесят лье по разбитым дорогам под проливным дождем только для того, чтобы сказать мне несколько утешительных слов?

— Не только для этого, — ответил он. — Я приехал еще и затем, чтобы подарить вам одну вещь.

С этими словами он достал из кармана старинный кожаный футляр и раскрыл его. В нем лежало старинное кольцо, состоящее из массивной золотой цепочки и пристегнутых к ней двух рубинов и одного изумруда. Украшение было, конечно, не столь изящным, как носили нынче при дворе.

— Вот реликвенное украшение женщин Белльер, — сказал он. — То, которое дарило им высшую добродетель — мужество. Оно заслуженно должно перейти к матери, чей сын пал, защищая королевство.

Он наклонился к ней, чтобы надеть кольцо ей на шею.

— Филипп, — прошептала она, — вы хотите сказать... Вы не забыли о том пари, которое мы заключили однажды на ступеньках Версаля?

— Я хорошо помню о нем, мадам. Вы выиграли, я признаю это.

Он разгладил ее расплетенные волосы и поцеловал ее в затылок. Потом он заглянул в ее лицо. Анжелика плакала.

— Не плачьте, — сказал он. — Я приехал затем, чтобы высушить ваши слезы, а не для того, чтобы вызвать новые. Никогда я не мог спокойно смотреть на ваши слезы. Вы необыкновенная женщина!

«Влюблен, влюблен! — повторяла Анжелика. — Вот что означает его подарок».

Итак, он был влюблен и признался в этом так, чтобы не уязвить свою гордость.

Она взяла обеими руками его лицо и с нежностью посмотрела на него.

— Да разве я хоть минуту сомневалась в том, что за вашей суровостью

скрывается столько доброты. Ведь в глубине души вы поэт, Филипп!

— Каков есть — таков есть, — проворчал он. — Только не знаю, радоваться ли мне, что фамильное кольцо оказалось на вас? Ведь все мои предки, которые носили его, очень быстро оказывались лицом к лицу перед войной. Моя мать, надев это кольцо, подняла мятеж в Пуату, чтобы поддержать принца де Конде. Вы сами это хорошо помните. Что же ожидает вас?

Он тоже обнял ее и прижался щекой к ее плечу. Непривычный к проявлению чувств, он не решался поцеловать ее. Но Анжелика сама нашла его губы.

— Но я должен отправляться, — сказал он вдруг со своей обычной внезапностью. — К сожалению, у меня нет больше времени для любви. Можно мне посмотреть на сына?

Анжелика позвала кормилицу и велела ей принести спящего Шарля-Энри.

Спящий малыш выглядел очаровательно. Его золотые кудри и розовое личико привели Филиппа в восторг. Он взял его на руки и стал подбрасывать в воздух, пытаясь заставить улыбнуться сонного ребенка.

— Никогда не встречала более серьезного молодого человека, — сказала Анжелика. — Он никогда не улыбается, но это не мешает ему проказничать.

Филипп передал ей ребенка.

— Оставляю его вам. Сохраните его для меня.

— Это сын, которого подарили мне вы, Филипп. Он мне очень дорог. Склонившись из окна, она смотрела, как Филипп вспрыгнул на коня и умчался.

«Жизнь полна неожиданностей, — подумала она. — Я меньше всего ждала сейчас поддержки от своего далекого мужа, и именно он заполнил мою жизнь счастьем».

Глава 14

Ранним утром в доме у Анжелики появился господин де Сент-Энян, вернувшийся из Франш-Комте. Он вручил ей письмо, но оно было не от Филиппа, как она подумала обрадованно, а от короля.

— От короля?

— Да, мадам.

Анжелика при нем распечатала конверт и прочитала короткое послание: «Мадам, — писал король, — я выражаю вам сильнейшее соболезнование по поводу трагической гибели вашего сына. Несмотря на совсем юный возраст, он отдал свою жизнь за королевство. Эта потеря заставила меня просить у вас разрешения принять участие в судьбе вашего старшего сына Флоримона дю Плесси-Белльер. Мне хотелось бы поручить ему какое-либо значительное дело при моем дворе. Для него, на мой взгляд, подойдет должность пажа-посыльного под началом господина Дюшесна, первого офицера кухни. В случае вашего согласия отправляйте своего сына как можно скорее во дворец.

Луи».

Взволнованно кусая губы, молодая женщина торопливо перечитала послание, подписанное так необычно: Луи. Флоримон будет посыльным в Версале! Даже для самых знатных семейств Франции эта должность доставалась за большие деньги ценой нелегкой борьбы с соперниками. Для мальчика скромного происхождения это была потрясающая удача. О том, чтобы отказаться, не было и речи.

Но Анжелика решила не принимать самостоятельного решения, а подождать случая посоветоваться с Филиппом.

Глава 15

Карета привезла ее в расположение войск поздно вечером. Наутро Филипп, извещенный о ее прибытии, ждал Анжелику у входа в королевскую палатку.

— Рада видеть вас, господин муж, — с улыбкой сказала она.

— Рад видеть вас, мадам.

— Увижу ли я вас сегодня вечером?

— Если мне удастся выкроить свободное время, — ответил он.

Лицо его оставалось невозмутимым, но пальцы незаметно поймали ее кисть и пожали заговорщически.

Они вошли в палатку и предстали перед королем.

— Есть ли в моем окружении более красивая пара, чем маркиз и маркиза дю Плесси? — спросил он, оборачиваясь к нескольким офицерам, собравшимся для обсуждения планов наступления.

— Нет, сир...

— Это не только самая прекрасная пара, но и самые верные мои приближенные.

Анжелика опустила в реверансе. Король поспешно схватил ее за руку, чтобы поднять. Она была практически единственной женщиной, удостоившейся чести быть приглашенной за один стол с королем и военачальниками.

— Маркиз, ты поистине богач, — обратился король к Филиппу, — раз обладаешь таким сокровищем. Здесь нет ни одного мужчины, включая и меня, кто не завидовал бы тебе. Надеюсь, ты того же мнения о своей жене, и дым от пушек не скрыл от тебя ее очарование.

— Сир, есть свет, который не может быть застлан дымом от пушек, но который вдохновляет на новые победы.

— Хороший ответ, — смеясь сказал король.

Он все еще не отпускал руку Анжелики, другую руку он положил на плечо Анжелики.

— Мой друг Марс, — сказал он, — ты счастливый обладатель божественного творения, но я не завидую тебе и не ревную. Твои заслуги и твоя верность дороги мне. Помнишь ли ты наше первое сражение, когда нам было только по пятнадцать лет? Помнишь, как вихрь от ядра сорвал С меня шляпу, а ты побежал под свист картечи подбирать ее?

— Я помню, сир.

— Это был отчаянный поступок, но по-другому ты служить не умел. Военная слава может заставить забыть о любви, но может ли любовь заставить забыть военную дружбу?

— Я не думаю, сир.

— Я тоже думаю, что не может. Нам, старым солдатам, не надо доказывать такую очевидную истину.

И король пригласил всех к столу.

Филипп остался стоять, помогая одному из офицеров руководить прислугой. Анжелика сидела по правую руку от короля и замещала королеву.

— А ваш сын не похож на вас, — вдруг сказал король, разглядывая задумчиво ее профиль, склоненный над тарелкой. — У него глаза и волосы темнее, как у всех южан.

Анжелика побледнела, потом покраснела. Сердце ее застучало, она положила вилку. Но король опустил руку на ее кисть и сказал мягко:

— Какая вы впечатлительная! Когда вы перестанете пугаться, как лань? Как же вы до сих пор не поняли, что я не причиню вам никакого зла?

Из палатки они вышли вместе с Филиппом и пошли через огромный лагерь, состоявший из скромных навесов для солдат и пышных палаток знати.

Палатка маршала была сшита из желтого сатина. Внутри стояли кресла из ценных пород дерева, низенький турецкий стол. Земляной пол был покрыт дорогими коврами. Ковры укрывали и длинный диван. Такое роскошное убранство можно было встретить только у маршала дю Плесси. Даже король во время похода устраивал свое жилище более скромно.

Филипп отдал распоряжения ля Виолетту, и тот водрузил на стол блюдо с фруктами, бутылки вина и пирожные. Он стал в дверях, дожидаясь дальнейших распоряжений, но хозяин взмахом руки отпустил его.

— Прикажете позаботиться о ваших женщинах? — спросил Филипп у Анжелики.

— С ними все в порядке.

Она пристроила мадемуазель Жиландон, Жавотту и горничную Терезу у интендантов при кухне.

Анжелика приблизилась к нему и положила голову на обтянутое мундиром плечо.

— Вы рады снова видеть меня?

— Увы, да.

— Почему увы?

— Мне приходится все время думать о вас. Кажется, теперь я начинаю

понимать, что такое ревность.

— Откуда ревность? Ведь я люблю вас.

Но мысленно Анжелика представила сверкающие глаза короля и с тревогой подумала, что ей следует под каким-нибудь предлогом избежать новых приглашений в Версаль, чтобы пореже видеться с ним.

— Филипп, — спросила она, — когда вы вернетесь? Когда мы будем жить вместе?

Он чуть отстранился и с усмешкой посмотрел на нее.

— Жить вместе, — повторил он. — Разве такое возможно между маршалом королевства и светской женщиной?

— Но я хочу оставить двор и переехать в Плесси, в ваш замок.

— Замечательно! — воскликнул он. — Не помните ли вы то время, когда я умолял вас остаться в Плесси, а вы руками и ногами упирались и во что бы то ни стало хотели удержаться при дворе. Но теперь слишком поздно.

— Что вы хотите сказать?

— Вы завоевали слишком важное место при дворе. Королю нравится видеть вас в своем окружении. Отказавшись подчиняться ему, вы потеряете все.

— Но я хочу покинуть двор именно из-за короля, Филипп! Король... «Филипп все знает, — подумала она. — Он понял это, наверное, еще до того, как осознала это я».

Машинально она стала раздеваться. Филипп отошел в сторону и о чем-то задумался.

Снаружи раздался громкий голос:

— Господин маршал! Господин маршал! Филипп вышел из палатки.

— Только что привели шпиона, — сказал посыльный. — Его Величество зовет вас.

— Не уходите, — взмолилась Анжелика.

— О чем вы говорите, моя дорогая?! — весело сказал он. — Как я могу не прийти на зов короля? На войне — как на войне. Не забывайте, что я маршал.

Подойдя к зеркалу, он поправил усы и снял со стены шпагу и шляпу.

Напрасно она ждала его весь вечер и всю ночь в его роскошной палатке.

Выйдя утром на свет, она увидела серое грустное утро. Моросил дождь. Лагерь был наполовину пуст. Вдали слышался бой барабанов, отдельные разрывы бомб.

Мальбран по ее приказанию привел ее лошадь, а один из военных

объяснил, как проехать к месту сражения.

— Вон с того холма, мадам, вы сможете наблюдать за перемещением войск.

Взойдя на вершину, Анжелика увидела знакомую панораму сражения. Вдали виднелись готически заостренные крыши городка, который взяли в окружение траншеи и батареи королевской армии.

Пушки палили вяло. Господин де Сальнов, ожидающий здесь приказов короля, указал рукой вправо.

— Король с утра находится на самых близких к городу позициях. Он уверен, что гарнизон к обеду сдастся. Вчера поймали лазутчика, который сказал, что ночью неприятель собрался идти в контратаку. Но мы предупредили это наступление, и оно сорвалось. Скоро осада закончится.

— Но обстрел все еще сильный.

— Они стреляют мимо. Не может же губернатор сдать крепость с полным запасом боеприпасов.

— Мой муж говорил мне то же самое вчера вечером, — сказала Анжелика.

— Я рад, что он разделяет мое мнение. Он никогда не ошибается в вопросах войны.

В это время он увидел скачущего мимо холма офицера, который закричал на скаку:

— Господин дю Плесси...

Но, разглядев Анжелику, он замолчал на полуслове и поскакал к ним.

— Что случилось? — вскричала она. — Он хотел что-то сообщить о моем муже?

— Мне кажется, да. Всадник подъехал и спешился.

— Что случилось? — спросил его де Сальнов. — Что с маршалом? Да отвечайте же! Он ранен?

— Да, — ответил посыльный. — Но не серьезно. Рядом с ним сейчас король. Господин маршал вел себя крайне неосторожно, поэтому...

Анжелика была уже в седле и погоняла лошадь прямо на разместившиеся под холмом части.

Филипп ранен!

Казалось, чей-то голос кричал в ней: «Я знала это, я знала! Я знала, что это случится!..»

Впереди находилась группа всадников в военной форме. Подскакав ближе, Анжелика узнала в одном из них Лозуна. Она закричала:

— Филипп ранен?

— Да.

Поймав поводья ее лошади, он пояснил:

— Ваш муж совсем не берег себя. Он решил на глазах у короля подобраться как можно ближе к стенам и рассмотреть расположение батарей.

— Ранение сильное?

— Да.

Анжелика заметила, что Пегилен держит своего коня так, чтобы он мешал ей проехать. Она почувствовала, как все тело ее наливается свинцом от предвидения чего-то ужасного.

— Его убили? — тихо спросила она. Пегилен опустил голову.

— Пропустите меня! Она хлестнула лошадь.

— Пропустите, я хочу видеть его. Дворянин не выпустил ее поводьев.

— Это мой муж, — закричала Анжелика, — пропустите меня! Я хочу его видеть!

Он придвинулся к ней вплотную и положил руку на ее плечо.

— Я не советовал бы вам ехать туда, мадам... Увы, наш прекрасный маркиз... Ему оторвало голову ядром.

...Она плакала. Она плакала безутешно, повалившись на диван, на котором она впустую прождала его всю эту ночь.

Она никого не пускала к себе. Мальбран, служанки стояли перед палаткой и в молчании слушали доносившиеся всхлипывания своей хозяйки.

— Филипп, Филипп... — шептала она. — Зачем ты это сделал?..

К ней осторожно подошел де Гесвр и, поклонившись, тихо произнес:

— Мадам, король прислал меня к вам, чтобы выразить свое глубокое сожаление. Он разделяет ваше горе.

— Я не хочу никого видеть.

— Но это велел передать король, мадам.

— Я не хочу видеть ни короля, ни его грязной свиты, — закричала она, — которая уже обсуждает, кто же займет освободившееся место маршала.

— Мадам... — осторожно произнес офицер. — Уходите!

Она упала лицом в подушку, тело ее содрогалось от рыдания. Неожиданно чьи-то руки легли ей на плечи. Анжелика решила, что это Лозун пришел утешить ее, и перестала всхлипывать.

Но, обернувшись, она встретила неподвижный и грустный взгляд темных глаз короля.

— Позвольте мне побыть с вами, — тихо сказал он. — Клянусь, что больше никто не войдет сюда.

Анжелика не отвечала.

— Не убивайтесь так, — просил он. — Ваша печаль невыносима для меня.

Анжелика медленно поднялась с дивана. Ее глаза, неподвижно устремленные на короля, мало-помалу начинали светиться решительным огнем. Но, когда она заговорила, голос прозвучал смиренно:

— Сир, я умоляю вас! Позвольте мне удалиться в свое имение... в Плесси.

Король колебался.

— Хорошо, разрешаю вам, мадам. Я понимаю ваше желание уединиться. Поезжайте в Плесси и живите там до конца осени.

— Сир, я хочу просить вас освободить меня от моих должностей. Он покачал головой и мягко ответил:

— Не принимайте быстрых решений. Придет время, вы успокоитесь и все обдумаете снова. Но до тех пор ваше место останется свободным, никто не займет его.

Анжелика хотела было возразить, но губы ее дрогнули, и из глаз снова полились слезы.

— Обещайте мне вернуться, — попросил король, обнимая ее. — Версаль ждет вас.

ЧАСТЬ ТРЕТья.
КОРОЛЬ

Глава 1

Стояла поздняя осень, серая и дождливая.

Подступающий холод приводил порой Анжелику в отчаяние. Каминные не в силах были обогреть огромный замок дю Плесси, выстроенный в эпоху Возрождения и предназначенный прежде всего для развлечений предков Филиппа и их гостей. Замок окружали дремучие Ниельские леса, откуда по ночам часто приходилось слышать тяжелые завывания волков.

Слуги накрывали на стол только на втором этаже, где было теплее. Вечера она проводила, сидя у камина.

Наконец одиночество стало тяготить Анжелику.

Ей недоставало собеседника, который бы не забывал за утонченным разговором любоваться красотой ее рук, хвалить ее прическу... В такие минуты тоски она подходила к зеркалу, долго изучала свое лицо и находила его восхитительным.

Затем она тяжело вздыхала.

Настало время ехать в Париж.

...В Версале она сразу же встретила в парке короля, который, несмотря на выпавший снег, не отказался от ежедневных прогулок.

— Приятная неожиданность, — сказал король, чуть наклоняя голову. — Я думаю, королева тоже будет очень рада вашему появлению, мадам.

— Я уже побывала у Ее Величества.

Еще раз кивнув головой, король повернулся к принцу де Конде, с которым беседовал в момент появления Анжелики. Анжелика смешалась с его свитой, пользуясь случаем присмотреться к новшествам в придворных нарядах.

Прошло всего несколько месяцев после ее исчезновения, и вот уже ее платье выглядит безнадежно провинциально и старомодно. Было ли это следствием влияния госпожи де Монтеспан, известной своими причудами?

Она заметила также, что атмосфера двора стала веселее. Этикет хоть и соблюдался по-прежнему педантично, но стал менее чопорным и сделался похож на забавный античный балет вокруг улыбающегося бога.

Во время обеда Анжелика наконец увидела Флоримона, который помогал прислуживать королю. От старания он плотно сжимал губы. Анжелика улыбнулась, наблюдая, с каким важным видом он наливал вино в кубок, который держал господин Дюшесн.

Флоримон заметил ее, и, когда после обеда придворные отправились

веселой толпой в салон Мира, подошел к матери.

— Мама, вы видели, как я справляюсь со своими обязанностями? Раньше я только разносил тарелки, а теперь мне доверяют пробовать вино. Как это замечательно! Если кто-то пожелает отравить Его Величество, я умру за него.

Господин Дюшесн сказал ей, что очень доволен Флоримоном. Он был самый юный из пажей, но самый ловкий и расторопный. Настоящий маленький придворный! «К сожалению, — добавил его наставник, — мальчика придется перевести на другое место, так как монсеньор дофин не может успокоиться после потери своего любимого товарища...»

— Значит, у него снова будет время, чтобы научиться читать, — обрадовалась Анжелика.

В течение нескольких месяцев, что она провела в Плесси, он всего два раза ненадолго приезжал к ней. Она нашла его еще более похорошевшим, самоуверенным и настойчивым, но похудевшим. Одет он был во все черное в знак траура по брату и приемному отцу.

«Версаль будет ждать вас», — вспомнились ей слова короля, сказанные при последней встрече.

Нет, никто не ждал ее здесь. С ее отъездом началась новая глава в жизни Версаля. Все вращалось теперь вокруг прекрасной госпожи де Монтеспан.

Анжелика неприязненно огляделась. Она осталась одна, Флоримон побежал разыскивать неугомонную собачонку королевы. К ней подошел один из офицеров прислуги и протянул на подносе рюмку с ликером.

— Господин Гесвр, — раздался за спиной у Анжелики голос короля, — принесите мадам дю Плесси-Белльер табурет...

Разговоры сразу стихли, все головы повернулись в сторону Анжелики.

Она подошла к королю и сделала реверанс. Потом села на принесенный табурет возле госпожи де Монтеспан, взяв рюмку с ликером. Рука ее немного дрожала.

Глава 2

Этой ночью она проснулась, стуча зубами от холода. Одеяло было сброшено на пол ее движениями во сне. Ей было так холодно, что она позвала спящую в соседней комнате мадемуазель Жиландон и попросила ее зажечь камин.

Жилище, которое ей предоставили в Версале, состояло из двух комнат и крохотной ванной комнаты. Пол в ней был выстлан мозаичным стеклом и имел наклон к центру для удаления воды. Анжелика решила согреть воды и погреть в ней ноги.

Вдруг залаяла Хризантема.

— Замолчи!

На часах стрелки показывали полночь. Анжелика знала, что проспала недолго.

Был тот короткий промежуток времени, когда Версаль погружался в тишину: балы, музыка заканчивались, люди расходились по комнатам или старались не шуметь, чтобы не мешать другим.

Анжелика высунулась из алькова и вдруг увидела в темноте светящиеся щелочки, обрисовывающие контур узкой двери, которую она раньше никогда не замечала. Свет позади двери мерцал: кто-то стоял там и держал свечу.

Тихо щелкнул замок, и полоска света расширилась. На светлом фоне ее появился контур человека.

— Кто там? — спросила Анжелика вполголоса.

— Это Бонтам, слуга короля. Не бойтесь, мадам.

— Я узнаю вас, господин Бонтам, — успокоилась она. — Что вам угодно?

— Его Величество желает видеть вас.

— В этот час?

— Да, мадам.

Анжелика без дальнейших разговоров облачилась в комнатное платье. Ее апартаменты, что ни говори, отличались роскошью, но они имели, оказывается, и свои тайные стороны.

— Вы не могли бы подождать немного, господин Бонтам? — попросила она. — Мне нужно причесаться.

— Разумеется, мадам. Только будьте добры, не зовите на помощь ваших служанок. Его Величество не хотел бы, чтобы разглашалась тайна

потайного хода. О нем знают лишь несколько доверенных лиц.

— Хорошо.

Она зажгла свою свечу и принялась расчесывать волосы, размышляя о том, что ей оказали еще одну честь.

Анжелика относилась с большим уважением к этому любезному и скромному слуге Луи Четырнадцатого. Он был ответственен почти за все во дворце. Король не мог обойтись без его помощи и поручал ему тысячи самых различных заданий. Часто во время карточной игры король брал у него в долг и таким образом задолжал ему семь тысяч пистолей.

Приблизив к зеркалу лицо, Анжелика нанесла на щеки немного румян.

К сожалению, она не могла забрать из соседней комнаты свое пальто, чтобы накинуть его на плечи. Она пожала плечами и сказала себе:

— Обойдусь. Я готова, господин Бонтам.

Ее пышная юбка с трудом протиснулась в узкий проем двери, которая бесшумно затворилась за ними.

Анжелика оказалась в узком коридоре, где мог пройти только один человек. Сначала они спустились по винтовой лестнице, потом поднялись на несколько ступенек и попали в узкий проход, напоминающий длинную щель.

Этот ход тянулся очень долго, он огибал комнаты и залы, неожиданно выходил в потайные помещения, где ютились кровати и табуреты, предназначенные для каких-то таинственных гостей.

Такова была одна из тайн Версаля: просторные светлые залы и галереи, роскошно меблированные комнаты не могли укрыть никого от ока монарха.

В конце пути ход вывел их к двери, за которой находилась комната чьих-то обширных апартаментов. Осветив ее, Анжелика с удивлением обнаружила, что находится в кабинете короля.

Перед камином расположились три гончих пса. Услышав шаги, они вскочили и зарычали, но потом снова улеглись.

Король сидел за столом и писал. Увидев Анжелику, он улыбнулся.

— Прошу садиться, мадам.

Она села в одно из кресел. Надолго воцарилось молчание. Этот кабинет был так укрыт от каких-либо возможных шумов, что сюда не доходил звук ни с улицы, ни из коридоров.

Наконец король вышел из-за стола и подошел к Анжелике, скрестив руки на груди.

— Что-то уж больно безропотно вы принимаете мое ночное вторжение, мадам; я не узнаю вас. Или мой слуга не нарушил ваш сон?

— Я всегда к услугам Вашего Величества.

— На самом деле? Боюсь поддаться вашей застенчивости. Наскочу на подводные камни.

— Сир; мне стыдно за тот образ, который, очевидно, сложился у вас обо мне.

— Тогда, чтобы опровергнуть его, — с улыбкой сказал король, — вам придется принести мне присягу на верность.

И он протянул к ней руки ладонями вверх. Анжелика, тоже улыбнувшись, вложила в них свои руки.

— Клянусь в своей верности королю Франции, всегда остаюсь его слугой и вассалом.

— Вот это хорошо. Теперь идите сюда. Он подвел ее к столу.

На столе была развернута крупная карта, исчерченная линиями меридианов, параллелей, направлениями ветров. Большую часть ее занимало голубое пятно, на котором по-латыни было написано: «Наше море — наша мать». Так в старину обозначали Средиземное море — колыбель цивилизации. ; Король ткнул пальцем в несколько мест на карте.

— Франция... Мальта... Канди. Последний оплот христианства. Дальше — владения турков. А вот здесь, между Турцией и азиатским тигром, расположился под лучами жаркого солнца гордый лев — Персия.

— Ваше Величество позвали меня к себе среди ночи, чтобы преподать урок географии?

— А вы хотели бы поговорить о других вещах? Анжелика отвела взгляд и покачала головой.

— Нет, давайте разговаривать о Персии. Какой интерес может представлять для Франции эта далекая страна?

— Очень большой интерес, мадам. Вы лично должны быть заинтересованы в ней просто как женщина. Так как я говорю о шелке. Это составляет три четверти всех ввозимых товаров Франции. Вы не знали об этом?

— Да, я этого не знала. Это огромная величина. Неужели Франция нуждается в таком количестве шелка? Что из него делают?

Король рассмеялся.

— Что делают? И об этом меня спрашивает женщина! Но, милая моя, по-вашему, мы можем обойтись без платьев, сатина, чулков по двадцать пять ливров за пару и всех остальных тряпок? Уж лучше нам остаться без хлеба. Так устроены французы. Их конек — мода. Помните, господин Ришелье во времена правления моего отца попытался сделать более строгими придворные туалеты? И чего он добился? Цены на ткани

невероятно выросли, а сам товар стал редким, что оказалось на руку контрабандистам. Вот почему нам важен новый договор с персами, заключенный напрямую. Иначе мы будем как обычно терять огромные суммы на посредников.

— Но господин Кольбер собирался, насколько мне известно, создать свое производство шелка на юге Франции.

— Это слишком долгое занятие. Деревья, посаженные по моему приказу, достигнут зрелости через много лет. Кроме того, они дают ягоды худшего качества, на них плохо развиваются шелковичные черви.

Король тяжело вздохнул и отошел от карты.

— Вот этим вопросом я и хотел поручить вам заняться, когда вы окажетесь в своих владениях в Канди. К сожалению, не смогу лично оказать вам помощь. Увы, королям далеко не все приходится делать самим. Но они должны уметь принимать на службу хороших помощников. Пожалуй, это самое главное умение монарха: подбирать помощников. Я рад, что теперь вы снова с нами, мадам.

— Я буду стараться быть вам полезной, сир. Но... мне кажется, что в этом деле самое худшее — промедление.

— Только на первый взгляд. Дело в том, что ко мне уже едут послы из Московии. После переговоров с ними я смогу разговаривать с персами гораздо свободнее. Московиты уже дали согласие открыть новый торговый путь для шелка по суше.

— Ваше Величество отказывается от морских перевозок?

— В этом случае, да. Караваны с тканями пойдут по старинному торговому пути через Самарканд. Смотрите, вот линия этого старого пути через Транскавказские степи, Украину, Бессарабию и Венгрию. После этого идут земли моего кузена Бавьера, это уже наша территория. Несмотря на длину пути, он намного безопаснее.

Склонившись над картой, головы их почти столкнулись. Анжелика ощутила на своей шее прикосновение волос короля. Внезапно она осознала, что промерзла до костей, и судорожно выпрямилась. Обойдя вокруг стола, она остановилась у карты так, чтобы быть поближе к камину. Но огонь в нем во время их беседы угас. Она не смела признаться суверену в том, что ей нестерпимо холодно, и ей пришлось понадеяться, что он сам обратит на это внимание.

Но король был целиком поглощен картой и уже рассказывал ей планы Кольбера о размещении текстильных мануфактур в Лионе и Марселе. Вдруг он оборвал себя на полуслове:

— Вы не слушаете меня?

Анжелика, обхватив локти руками, не знала, что ответить. Всем было известно, как закаленный король не благоволил к неженкам. Сам он не боялся ни мороза, ни жары, ни усталости и требовал того же от тех, кому приходилось работать на пару с ним. Жалобы раздражали его и могли послужить причиной немилости. Однажды пожилая мадам де Шолн, наблюдая в числе свиты военный парад, пожаловалась на ледяной ветер. Вслед за этим она была отослана «обогреться» в свой замок.

— Что с вами? — снова спросил король. — Уж не отказываетесь ли вы принять участие в этом опасном деле? О чем вы задумались?

— Нет, сир, я не отказываюсь. Как вы могли подумать, что я способна на такое?

— Вы способны на все, — довольно мрачно сказал король. — Вам не нравится мое общество?

— Что вы!

— Тогда в чем же дело? Почему у вас такой отсутствующий вид?

— Мне холодно.

Король удивленно уставился на нее.

— Холодно?

— Огонь уже не горит, сир. На дворе середина зимы и два часа ночи. Король снисходительно усмехнулся.

— Вы единственная, кто пожаловался на холод за последние...

— Никто не смел больше, Ваше Величество. Все боятся прогневать вас.

— Кроме вас...

— Я тоже боюсь. Но еще больше я боюсь заболеть и не исполнить вашего поручения.

Король задумчиво улыбнулся. Впервые Анжелике показалось, что его гордая, требовательная натура скрывает в себе остатки нежности.

— Что же, я хотел побеседовать с вами, но вовсе не собирался подвергать пытке.

Он стянул с себя плотный коричневый жилет и набросил его на плечи Анжелики.

Спина ее ощутила тепло нагретой вещи, она уловила запах ирисовых духов — любимый запах суверена.

На некоторое время она с наслаждением закрыла глаза, а когда открыла «их, увидела короля, стоящего на коленях перед камином. Он разгребал тлеющие угли и укладывал на них обгорелые остатки поленьев, чтобы зажечь их снова.

— Не хочу звать Бонтама, пусть отдыхает, — как бы извиняясь за

столь необычное для короля занятие, сказал он. — А другую прислугу я звать не хочу, чтобы сохранить в секрете нашу встречу.

Он выпрямился и отряхнул ладонь. Сейчас он был похож на молодого, пышущего здоровьем буржуа.

Поймав удивленный взгляд Анжелики, он улыбнулся и подошел ближе.

— В эти короткие ночные часы я могу позволить себе пренебрегать этикетом. Королю все время приходится находиться на глазах у публики, которая следит за каждым его жестом, за каждым словом. Так было во все времена. Но это необходимо для всех, кто его окружает... Только ночью можно побыть просто человеком. Поэтому я так люблю работать по ночам. Могу позволить себе в эти часы зевнуть, погладить собаку.

Рука его ласково опустилась на голову одной из гончих, подползшей к нему.

— Ночью я могу встретиться с теми, кого мне хочется видеть, и не бояться при этом вызвать неправильное толкование своего внимания? человеку. Поистине, ночь — сообщница королей!

Он замолчал. Опираясь бедром о стол, он неподвижным взглядом смотрел на огонь.

— Мне нравится ваш взгляд, — вдруг произнес он. — Женщина, которая умеет так смотреть на мужчину, вселяет в его сердце отвагу, гордость. И, если этот мужчина — король, его начинает одолевать желание покорить весь мир.

Анжелика улыбнулась.

— Ваш народ согласен и на меньшее, сир. Если вы обеспечите ему мир в пределах границ королевства, он будет благодарен вам. Франция не требует от вас подвигов Александра Македонского.

— В этом вы неправы, мадам. Государство можно сохранить только путем извечной борьбы с противниками. Для этого требуется постоянное напряжение и работа. Только не думайте, что мне в тягость эти заботы. Нет, быть королем — достойное и вдохновляющее занятие. На мне всегда лежит ответственность, как из всех решений выбрать самое лучшее. Но я не боюсь ее, я считаю себя достойным этой ответственности.

Он перевел дыхание и с жаром продолжал:

— Следить за состоянием всего мира, узнавать тысячи сведений из первых уст, выведывать секреты иностранных дворов, слабости правителей и министров... Проникать в самые сокровенные планы противников и своих подданных... Строить новые планы захватывающих начинаний. Какое еще амплу может дать человеку столько возможностей?.. Но я

умолкаю, мадам. Я и так уже злоупотребил вашим терпением.

— Я с вниманием и восхищением слушаю вас, — возразила Анжелика.

— Надеюсь на это. Простите, что я не вынес искушения и позвал вас к себе. Все это только потому, что мне встречи с вами доставляют истинное наслаждение. Не говоря о том, что вы прекрасный слушатель. Если вы думаете, что каждый умеет выслушивать меня так же внимательно, то ошибаетесь. Верно то, что каждый молчит, когда я говорю. Но на лицах своих собеседников я вижу сплошь да рядом либо угодливое равнодушие, либо желание немедленно возразить. Вы же слушаете с неподдельным вниманием, всем сердцем стараясь проникнуть в суть дела. Знайте, что я ценю это. Часто мне ужасно хочется с кем-нибудь поговорить, но я не могу найти слушателя. Знаете, когда говоришь, то сознание отчетливее понимает свои собственные мысли... Однако на сегодня хватит. Не хочу больше задерживать вас.

За секретной дверью Бонтам дремал, сидя на скамье, погруженный в быстротечный сон слуги. Как только дверь открылась, он вскочил на ноги.

Глава 3

Глаза Флоримона сверкали.

— Уверяю вас, мама, что я не лгу. Господин Дюшесы отравляет короля. Он делал это много раз, я видел. Он клал себе под ноготь белый порошок, когда пробовал вино, и подносил затем это вино королю.

— Хорошо, хорошо, мой мальчик. Не волнуйся. Того, что ты говоришь, не может быть. Ведь с королем ничего не случилось за эти дни.

— Я сам не могу ничего понять. Может быть, это яд замедленного действия?

— Флоримон, ты употребляешь слова, значений которых не понимаешь. Детям нельзя говорить о таких серьезных вещах.

Флоримон посмотрел на мать немного снисходительно, немного раздраженно.

Вот уже целый час они вели бесполезный спор, и Анжелика чувствовала себя измотанной. Как жаль, что мальчик получал воспитание среди чужих людей. И вот он избрал свой путь, стал самоуверенным, и его уже не переубедить ни в чем.

— В конце концов, откуда в твоей голове родилась идея об отравлении?

— Все только и говорят о ядах, — чистосердечно признался ребенок. — Однажды мадам де Витри велела сопровождать ее к Вуазен в Париж. Я должен был нести подол ее платья. Я стоял за дверью, но слышал, как та просила у старухи яд, чтобы налить его в суп своего старого мужа, а также порошок, который бы заставил обратить на нее внимание господина де Вивонна. А паж господина де Сессака рассказал мне, что его хозяин просил у колдуна секрет выигрывания в карты, а еще просил яда для своего брата графа Клермона-Лодева, имущество которого он должен был унаследовать. Так вот, мама, — торжественно объявил Флоримон, — граф умер на прошлой неделе.

— Мой маленький мальчик, это могло быть простое совпадение, — стараясь сохранить терпение, сказала Анжелика. — Но хочу тебя предостеречь в том, что ты легко можешь лишиться своего места, если продолжишь нести эту чепуху. Кто же будет держать на службе пажа, который рассказывает такие вещи о своих господах?

— Но я не сплетничаю, я говорю правду, — топнул ногой Флоримон. — Ведь я все объяснил вам. Но теперь я считаю... Да, я считаю, что вы

просто глупая!

И он обиженно отвернулся от нее. Анжелика видела, что губы его вздрагивали, и ждала, что мальчик вот-вот заплачет. Она не знала, как ей поступить. В этом ребенке было что-то такое, чего она не понимала. Ей было совершенно очевидно, что он сейчас говорил неправду, но с какой целью?

В поисках ответа она обратилась к аббату де Лесдигьеру и выразила ему все свое негодование.

— Не могу, к сожалению, выразить вам своего одобрения. Мальчик просто невыносим.

Молодой священник густо покраснел.

— Мадам, я не отпускаю его от себя ни на шаг. Но в силу особенности его службы ему пришлось узнать какие-то секреты, которые, вероятно, вскружили ему голову.

— Так научите его, по крайней мере, не разглашать этих секретов, — сухо сказала Анжелика.

Флоримон, вытерев слезы, подошел к ней и сказал, что должен сопровождать на прогулке маленьких принцесс. Он вышел из залы с достоинством, но едва скрылся за дверью, как до них донесся стук его бегущих ног и слова веселой песенки.

— Что вы думаете о нашем споре, господин де Лесдигьер? — спросила она. — Мадам, я никогда не уличал Флоримона во лжи.

— Понимаю, вы хотите выгородить своего ученика. Аббат казался очень взволнованным.

— Мадам, я люблю Флоримона, как брата. Неужели вы решили разлучить нас?

— Нет. Несмотря на некоторые непонятные вещи в его поведении, я чувствую себя спокойно, зная, что при дворе у него есть надежный друг и наставник. Ведь здесь его поджидает столько опасностей. Особенно окружение брата короля. Никогда нельзя быть уверенной за такого красивого и живого мальчика.

— Это правда, мадам, — сказал аббат, который немного успокоился. — Мне даже пришлось драться на дуэли с Антуаном Морелем, одним из самых порочных друзей принца. Известно, что этот вор и содомит крадет детей и продает их, как лошадей. Он несколько раз пытался совратить Флоримона, и я был вынужден вмешаться. Затем мне пришлось драться с графом де Бевроном и маркизом д'Эффия. Мне пришлось много раз напоминать о том, что мальчику покровительствует сам король и что я буду жаловаться ему. Известно также, что вы — его мать и что ваше

влияние на короля очень весомо. Поэтому я чувствую себя достаточно уверенно... Но мужчина — не самое худшее. Гораздо опаснее женщины, с которыми не будешь драться на дуэли. Госпожи де Бланзак, д'Эспиной, де Мелин просто не дают нам покоя.

— Вы хотите сказать, что они преследуют Флоримона?

— Да, но я мешаю им.

— О мой малыш, — воскликнула Анжелика, — мне надо побыстрее забирать вас отсюда.

— Не думаю, что вам следует беспокоиться, мадам. Я хорошо понимаю, что Флоримону нужно сделать карьеру и что это проще всего сделать здесь, невзирая на пороки людей, его окружающих. Жизнь при дворе закалит его, он сделается невосприимчивым к разврату. Все по силам человеку, если воля его тверда, а душа обращена к богу. Я думаю, что сделать его таким и есть моя главная задача, мадам.

— Пожалуй, — медленно выговорила Анжелика. Аббат пытливо посмотрел на нее.

— Я не рассказал вам о главном, мадам.

— Что такое? — Анжелика настороженно встрепенулась.

Аббат приблизился к ней и быстро огляделся по сторонам. Потом вполголоса сказал:

— Я убежден, что два раза его хотели лишить жизни.

— Вы такой же фантазер, как и Флоримон, — усмехнулась она, пожимая плечами. — Кому нужно лишать жизни мальчика, самого молодого из придворных пажей?

— Мальчика, чей нежный голосок способен донести до чужих ушей некоторые наблюдения...

— Не хочу вас больше слушать, аббат. Я уверена, что вы так же потеряли голову, как и мой сын. Репутация господина Дюшесна безупречна. Это достойный и доверенный человек Его Величества.

— Все придворные Версаля достойные люди, не правда ли? — насмешливо спросил молодой человек.

— Уверяю вас, что вы видите вещи в черном свете. Не сомневаюсь в том, что вы ангел-хранитель Флоримона, но я хотела бы, чтобы вы оба умилили свое юношеское воображение.

— Но мадам!.. — почти в отчаянии крикнул де Лесдигьер. — Ведь это не только маленький правдолюбивый паж... Это ваш сын. Разве вы не знаете, сколько у вас врагов? О мадам, умоляю вас, не закрывайте глаза на то, что происходит. Подумайте о себе самой, ведь и вам грозит опасность. Если вы умрете, я...

Он не договорил, но глаза его выражали преданность и восхищение. Он хотел еще что-то прибавить, но Анжелика нетерпеливо поднялась со стула.

В эту ночь она спала плохо, вздрагивая от малейшего шума. На рассвете была разбужена стуком в дверь. В комнату вошла принцесса Генриетта Английская.

— Я так давно хотела поговорить с вами, мадам дю Плесси. Не составите ли мне компанию для утренней прогулки?

— Я полностью к услугам Вашей королевской светлости, — сонным голосом пробормотала Анжелика.

Они осторожно спустились по лестнице, где опершись на алебарды дремали стражи, и вышли в парк.

В лучах восходящего солнца парк казался залитым розовым волшебным светом, в нем было довольно прохладно.

— Я люблю гулять ранним утром, — веселым голосом сказала принцесса. — Я вообще мало сплю. По ночам я обычно читаю и едва успеваю закрыть глаза, как светает. А вы любите читать?

Анжелика призналась, что для этого у нее остается слишком мало времени.

— Даже когда вы оказываетесь в заточении? — беззлобно поинтересовалась Генриетта. — Знаете, здесь вообще мало кто уделяет внимание чтению. Возьмите моего брата, короля. Он так сердится, если какой-нибудь писатель или драматург не представит ему первые издания своих произведений, но чтобы он когда-нибудь прочел хоть слово из них... Я же читаю с удовольствием. А иногда и беру в руки перо... Давайте присядем!

Они сели на изящную мраморную скамью на центральной аллее.

Эта еще далеко не пожилая женщина, ведущая родословную от Бурбонов-Габсбургов, отличалась от своих грубых родственников исключительной утонченностью. Ела она мало, точно птичка, одевалась неброско и слыла непревзойденным знатоком искусств и литературы. Не кто иной, как она, первой поддержала молодого Мольера и теперь деликатно покровительствовала Расину. Анжелика, восхищенная умом принцессы, находила ее немного чудаковатой. Рядом с ней каждый чувствовал себя угнетенным собственным невежеством, поэтому Генриетте очень трудно было найти полноценного собеседника. Сама она, наверное, не сознавала этого, но страдала от одиночества. В ее голубых глазах часто застывало отстраненное выражение.

— Мадам, — после некоторого молчания заговорила она, — я

обращаюсь к вам, так как вы имеете репутацию женщины богатой, но скромной и обязательной. Не могли бы вы одолжить мне ненадолго четыре тысячи пистолей?

К Анжелике часто обращались с просьбами одолжить деньги, поэтому она не спешила давать ответ сразу.

— Эта сумма нужна мне для поездки в Англию, — пояснила принцесса. — У меня множество долгов, я заложила большую часть своих украшений, а просить чего-либо у короля сейчас бесполезно... Однако в Англию я еду по его поручению. Я получила задание особой важности. Надо помешать моему брату Шарлю присоединиться к лиге голландцев, испанцев и тевтонов. Я должна произвести впечатление, а для этого мне нужны средства. Вы ведь знаете, моя дорогая, что такое дипломатическая миссия. Золото должно течь рекой. Только оно открывает путь к доверию, признанию, расположению, подписям. Если я буду выглядеть скупой, то не преуспею в этом деле. А я должна преуспеть.

Щеки ее горели от смущения. Она оказалась одной из тех редких просительниц, которой Анжелика не могла отказать.

— Прошу извинить меня, Ваша светлость, что я не могу дать вам всей суммы, которую вы просите. Мне не удастся набрать быстро четыре тысячи пистолей. Но три тысячи я вам обещаю.

— Моя дорогая, вы сняли тяжесть с моих плеч! — вскричала принцесса.

Было видно, что она и не рассчитывала на всю сумму.

— Не беспокойтесь, я отдам вам всю сумму, как только вернусь обратно. Меня обязательно отблагодарят за службу. Я обещала королю добиться успеха.

Она взяла Анжелику за руку и с признательностью пожала ее. Она была взволнована до слез. Бедная женщина не верила, что кто-то отважится помочь ей, ибо самые близкие люди отвернулись от нее.

— Вы обещаете, что я смогу получить эту сумму до моего отбытия? — спросила она напоследок.

— Можете положиться на меня, Ваша светлость. Я свяжусь со своим управляющим, и за несколько дней он наберет три тысячи пистолей.

— Какая вы добрая! Вы обнадежили меня. Знаете, со мной обращаются, как с никчемным существом. И все из-за брата короля, с которым я вынуждена жить в одном доме. А королю так приятно наблюдать за деградацией его брата. Он никогда бы не был ко мне благосклонен, если бы не мой брат Шарль, влияние на которого я имею...

Она глубоко вздохнула и прижала руку к сердцу, как бы стараясь

унять его биение.

— Мне кажется, что я близка к победе, так как король обещал мне, что в случае удачного исхода миссии он избавит меня от ужасного соседства. Но даже теперь я не могу избавиться от страха. Поверите ли, этот ужасный человек обещал отравить меня.

Анжелика подняла глаза к небу.

— Прошу вас, Ваша светлость, не говорите об этом. Вас просто напугали.

— Не знаю, пугал ли он, — серьезным голосом ответила Генриетта, — но всем известно, как легко умирают в наши дни.

Анжелика вспомнила о вчерашнем разговоре с Флоримоном и аббатом де Лесдигьером, и безотчетный страх пронизал ее.

— Если Ваша светлость твердо убеждены в его намерениях, надо немедленно предпринять какие-нибудь шаги для защиты. Сообщите о ваших подозрениях полиции, она защитит вас.

Принцесса посмотрела на нее так, будто Анжелика предложила вещь, нелепее которой нельзя придумать. Она рассмеялась:

— От вас-то я не ожидала услышать такое! Полиция? Эти твердолобые увальни, которыми руководит этот Рейни или Дегре, который додумался до того, что хотел арестовать моего советчика Коснака? Что вы, моя дорогая. Я их слишком хорошо знаю. Они не станут совать нос в дела вельмож.

Она поднялась со скамейки, оправила платье и посмотрела в сторону дворца.

— Здесь мы можем либо сами защитить себя, либо умереть.

Они медленно возвращались по песчаным дорожкам парка. На губах принцессы застыла грустная улыбка.

— Если бы вы знали, как мне хочется остаться в Англии! — сказала она напоследок. — И никогда не возвращаться сюда!

Глава 4

Анжелика вспомнила, что не видела свою старую подругу госпожу де Скаррон с лета 1668 года, когда они встретились на празднике в Версале. Целых два года! Что стало с Франсуазой, почему она не показывается во дворце?

На следующий день, проезжая в карете мимо ее дома, Анжелика велела остановиться и постучалась в дверь.

Никто не открывал, но по легкому шуму внутри она догадалась, что в доме кто-то есть. Может быть, служанка? Но почему тогда она не открывает? Потеряв надежду, Анжелика отправилась дальше. На первом перекрестке карета попала в затор. Анжелика обернулась назад и с удивлением увидела, что дверь в доме мадам Скаррон открылась, и из-за нее показалась сама хозяйка. На ней была маска и темная накидка, но Анжелика без труда узнала свою подругу.

— Хорошенькое дело, — пробормотала Анжелика.

Она вышла из кареты и велела лакею возвращаться домой. Подняв, в свою очередь, капюшон, она медленно двинулась следом за мадам Скаррон.

Молодая женщина шла быстро, несмотря на две тяжелые корзины, которые она несла на согнутых локтях.

Почувяв какую-то тайну, Анжелика решила не разоблачаться как можно дольше.

Выйдя к Сите, Скаррон наняла скромный экипаж, и Анжелика стала следить за ним, оставаясь пешей, так как в этой части города на улицах было тесно и экипажи двигались медленно.

Прошло время, и она пожалела о своем решении, так как прогулка по городу затягивалась. Наконец она потеряла экипаж из виду, а когда снова увидела его, он был пуст. Подбежав к кучеру, она дала ему экю и спросила, где он высадил свою пассажирку. Тот, не колеблясь, указал ей дом.

Это был один из небольших домиков, которые строили в последнее время на окраинах. Анжелика подняла бронзовое кольцо и постучала. Через несколько секунд в массивной двери открылось окошечко, и голос служанки произнес:

— Кто там?

— Я хочу видеть мадам де Скаррон.

— Мадам де Скаррон? Здесь не живет эта женщина, — ответила

служанка и закрыла окошечко.

Такая таинственность еще сильнее разожгла любопытство Анжелики.

— Ты не знаешь меня, моя дорогая! — прошептала она. — Не думай, что я так легко оставлю тебя в покое.

Был только один способ заставить подругу выйти на крыльцо. Анжелика снова ударила кольцом в дверь.

— Повторяю вам, что здесь нет никакой мадам де Скаррон, — снова открылось окошечко.

— Я слышала вас. Передайте ей, что меня прислал за ней король.

На этот раз окошечко не захлопнулось так поспешно. После минутного затишья послышался скрежет засова. Дверь отошла, и перед Анжеликой появилась мадам Скаррон.

— О Боже! Анжелика, что случилось?

— Что-то у вас не слишком веселый вид, Франсуаза. Вы что, не рады мне? Она беззаботно поднялась к ней по ступенькам и поцеловала. Но подруга не разделяла ее дружеских чувств.

— Вас послал король? Почему именно вас? Неужели он переменял свои планы?

— Не думаю, — наугад ответила Анжелика. — Но вы обязаны принять меня. Заодно расскажете мне, как поживали все это время. Давайте войдем.

— Нет, нет, — вскричала мадам Скаррон, загораживая собой проход. — Нет, сначала объясните мне все.

— Но не на лестнице же, Франсуаза! Что с вами? Я вас не узнаю. Если у вас есть какие-то сложности, я помогу вам их разрешить.

Мадам Скаррон не хотела слушать ее.

— Что вам сказал король?

— Король здесь ни при чем, уверяю вас, Франсуаза. Я хотела видеть вас, только и всего.

Та закрыла лицо руками.

— Боже мой, это катастрофа! Вы проникли сюда! Я погибла! Наконец она заметила, что домашняя прислуга толпится у нее за спиной и велела Анжелике пройти в маленькую комнатку.

— Чего уж, входите!

Первое, что увидела Анжелика, входя в эту комнату, была колыбель, в которой кто-то шевелился. Она подошла поближе, приоткрыла платок и увидела младенца нескольких месяцев, который дружелюбно улыбнулся ей.

— Так вот что у вас за секрет, моя бедная Франсуаза! Напрасно вы так

волновались. Можете положиться на мою скромность.

Анжелика с улыбкой посмотрела в глаза своей взволнованной подруги.

— Представляю, как вы переживали все это время за свою репутацию. Но почему же вы не обратились к своим друзьям? Мы были бы очень рады помочь вам.

Франсуаза грустно улыбнулась и покачала головой.

— Нет, Анжелика. Дело обстоит не так, как вы представили его себе. Посмотрите повнимательнее на этого ребенка. Теперь вы поняли?

Из колыбели на Анжелику весело смотрели сапфирово-голубые глаза, которые действительно были ей знакомы.

«Глаза голубые, как море», — подумала она. Внезапно она поняла. Перед ней был сын госпожи де Монтеспан и короля.

— Это так, — покивала головой Франсуаза. — Теперь вы понимаете, в какой ситуации я оказалась? Если бы не сам король попросил меня заняться этим делом, я никогда бы не согласилась. Теперь я должна совсем секретно заниматься этим ребенком, лишь бы никто не заподозрил об этом событии. Особенно надо быть внимательным с господином де Монтеспаном, мужем Атенаис. Он способен на все. Будет скандал...

Теперь, когда минуты ее первого страха прошли, Франсуаза испытывала сильное желание поговорить с подругой. Она рассказала, как в момент рождения незаконного королевского сына де Лувуа порекомендовал королю в качестве воспитателя ее, Франсуазу де Скаррон, женщину скромную и честную.

Так как и король, и госпожа де Монтеспан были женаты, то их ребенок по закону принадлежал мужу Атенаис. Но те, кто знал ее мужа, имели основания опасаться за судьбу мальчика. Поэтому его следовало воспитывать в условиях строгой секретности. Мадам де Скаррон согласилась на это.

— Король не сразу согласился, — продолжала она. — Он недолюбливает меня. Но Атенаис и де Лувуа настаивали. Мы так давно знакомы с ней. Она хорошо знает меня, и, кроме того, я многим обязана ей. Теперь мне не скоро придется обрести покой. Я должна ежедневно бывать здесь, следить за кормлением, пеленанием и не раскрывать прислуге, кем я являюсь для ребенка. При этом я не могу покинуть свой дом, чтобы никто не встревожился из-за моего отсутствия. А сколько мне приходится изворачиваться и говорить неправды своим приятельницам! Бог простит меня за это...

Переставая следить за болтовней подруги, Анжелика решила, что,

несмотря на жалобы, Франсуаза не может не гордиться важностью своего назначения. Место было бы, несмотря на трудности, желанным для многих, ибо оно позволяло принимать прямое участие в жизни короля.

Ребенок запищал, и Франсуаза умолкла. Она освободила его от мокрых простыней и стала заворачивать в свежие.

— У него такое слабое здоровье, — объяснила она Анжелике. — Смотрите, он родился с поврежденной ногой. Скорее всего, он будет хромым, когда вырастет. Так считает королевский доктор, которого тоже посвятили в эту тайну. Но он сказал, что воды Барежа могли бы смягчить травму. Летом мне придется ехать туда.

— Значит, слухи о том, что Монтеспан была беременна, не беспочвенны?

— Увы!

— Почему увы?

— Атенаис говорила мне до родов, что она в отчаянии.

— Ей следовало бы радоваться...

Франсуаза подозрительно посмотрела на Анжелику.

— Она в отчаянии, — повторила она. — И без конца бегают сюда, но не для того, чтобы посмотреть на малыша, а для того, чтобы выплеснуть на меня все свое негодование... Ведь теперь ни для кого не секрет, что король увлечен другой.

— Кем же?

— Вами.

Анжелика осталась равнодушной к признанию подруги. Она возразила:

— Ни для кого не секрет, что король использовал меня для прикрытия своих отношений с Атенаис.

Но в этот момент с улицы послышался скрип колес подъехавшей кареты. Нетерпеливые удары в дверь переполошили всех служанок и Франсуазу. Чуть позже вестибюль наполнился звонким голосом Атенаис.

Франсуаза побледнела и хотела было спрятать Анжелику в соседней комнате, но та отказалась.

— Позвольте мне самой объясниться с ней, — попросила она. — Мы всегда могли найти общий язык...

Мадам де Монтеспан вошла в комнату и застыла на пороге.

— Прошу извинения, Атенаис, — сказала Анжелика. — Когда я заходила в этот дом, мне и в голову не приходило, что я могу встретить здесь вас. Я хотела видеть Франсуазу и шла по ее следу.

Мадам де Монтеспан густо покраснела, в глазах ее вспыхнул

зловещий блеск.

— Поверьте мне, — продолжала Анжелика, — что мадам де Скаррон все сделала, чтобы помешать мне попасть сюда. Это не должно отразиться на ее репутации.

— О, я вам верю, — вкрадчиво проговорила Атенаис. — Мадам де Скаррон не такая дура, чтобы впускать вас сюда.

Она опустила в кресло и велела Франсуазе стащить с нее башмаки.

— Сними их. И наполни таз теплой водой. Взгляд ее вернулся к непрошенной гостье.

— А вы... Чего же еще от вас было ожидать? Ведь вы любопытны, как консьержка. Шпионите повсюду... Даже не считаете нужным нанять для этого лакея. Как вы были сводницей в вашу бытность шоколадницей, так и остались ею.

Анжелика направилась к двери. Если уж Атенаис пустилась поносить ее, лучше было удалиться. Она не боялась ее, но ей были крайне неприятны склоки между женщинами, где в глаза бросаются порой обвинения, оставляющие незаживающие раны.

— Стойте!

Повелительный голос заставил ее остановиться. Трудно было не покориться повелительному голосу одной из Мортемаров.

Но она была готова к атаке. Если ее соперница решила ковать железо — что ж, они будут ковать железо. По крайней мере, между ними все будет ясно.

Спокойный взгляд ее зеленых глаз упал на лицо маркизы, с которой Франсуаза стягивала чулки.

Мадам де Монтеспан из красной стала бледной. Она сразу поняла, что ей не удастся принизить свою соперницу. Голос ее не был твердым, но в нем звучало презрение.

— «Несравнимая гордая мадам дю Плесси-Белльер», — насмешливо передразнила она чьи-то слова. — «Ее походка достойна королевы, она овеяна ореолом тайны», — вот что говорит о вас король. А еще он говорил, что вы умеете смеяться, как ребенок, и что двор рядом с вами кажется грустным местом. Можно ли вообразить такое: грустное место! Вот как вы плохо влияете на него, что даже двор сделался не мил ему. И все благодаря вашим отсутствующим глазам, наивности и недовольным гримасам. «Ее тайна, — сказала я ему однажды, — в том, что она уже сама не знает, кому бы отдаться, с тех пор как вышла замуж за Филиппа дю Плесси». И знаете, что ответил король? Он дал мне пощечину!

Она нервно засмеялась.

Королевский отпрыск снова заворочался и заплакал. Мадам Скаррон взяла его на руки и понесла кормилице.

Когда она вернулась, госпожа де Монтеспан рыдала горькими слезами, утирая глаза платком.

— Поздно! — воскликнула она сквозь слезы. — Его любовь слишком сильна, чтобы я могла перебить ее... «Надо спросить у мадам дю Плесси», — он говорит это по любому поводу. В то время как сам всегда презирал женщин и никогда не считался с их мнением. А тут... Он просил совета даже по вопросам международной политики!.. Он считается с вами, как с мужчиной!

— Последнее должно утешать вас, — холодно заметила Анжелика.

— Нет, вы единственная женщина, которой он поручает важные задания.

— Как бы не так. Генриетта Английская едет через несколько дней с не менее важным заданием.

— Она сестра Шарля Второго. И король никогда не испытывал к ней симпатии. Принцесса думает, что таким способом завоюет его любовь. Этому не бывать. Король пользуется ею, но все сильнее презирает за ее ум. Он не любит, когда женщина слишком умна.

Мадам Скаррон попробовала вмешаться. Она хотела побыстрее уладить раздор.

— Какой мужчина любит умную женщину? — вздохнула она. — Дорогие мои, о чем вы спорите? Королю, как и всем мужчинам, требуется разнообразие. С одной он любит поболтать, с другой — помолчать. Ваше место никто не сможет занять, Атенаис. Вам надо радоваться этому. Кто хочет обладать всем, рискует все потерять. Однажды утром вы проснетесь и узнаете, что король сделал выбор в пользу третьей, непредвиденной вами особы.

— Вот-вот, — подхватила Анжелика. — Не будем забывать, что по предсказанию Вуазен вы, а не кто-то другой должны стать женой короля. А мы с Атенаис окажемся в дураках и будем смеяться, вспоминая, как не могли поделить Его Величество.

Взяв накидку, она заметила напоследок:

— Не будем растрчивать порох, мадам. Не забывайте, что когда-то Мы были подругами.

Но Атенаис не пожелала отпускать ее так просто. Она вскочила и метнулась вдогонку, схватив Анжелику за запястья.

— Не думайте, что если я жаловалась сейчас в присутствии вас, то это ваша победа. Нет, я еще не потерпела поражение, король пока со мной, а не

с вами. И он будет принадлежать только мне. Я вырву из его сердца любовь к вам. А если мне это не удастся, тогда я вырву вас из его жизни. Мужчина не может любить призрак.

Она вонзила ногти в нежную кожу Анжелики, отчего та чуть не вскрикнула. Она высвободила одну из рук и залепила любовнице короля звонкую пощечину. Атенаис завопила, но мадам де Скаррон бросилась между ними.

— Остановитесь! — закричала она. — Помните, что все мы из одной провинции.

Эти слова, как ни странно, возымели действие. Противницы замерли в оборонительных положениях, но гнев их улегся.

Анжелика выскользнула за дверь и, потирая оцарапанные запястья, спустилась с крыльца. Царапины были настолько глубоки, что кое-где выступили капельки крови. Она вынула платок, чтобы стереть их.

Франсуаза нагнала ее. Она была слишком искусной придворной дамой, чтобы дать просто так уйти Той, кто, быть может, завтра займет место фаворитки.

— Анжелика, как она вас ненавидит! — прощепетала она. — Берегитесь ее, она способна на все. И знайте, что я ваша союзница.

— Безумная, — не могла успокоиться Анжелика. — Безумная!

Но это были одни слова. В душе Анжелика знала, что имела дело не с безумной женщиной, а с опасной и расчетливой противницей.

Глава 5

...Анжелика открыла глаза и увидела устремленные на нее глаза короля.

Она задумалась, стоя на террасе Версаля. Солнечным утром весь двор высыпал из замка и готовился к дообеденной прогулке.

— Ваше лицо! — прошептал король. — Никогда я не видел, чтобы у женщины было такое прекрасное лицо.

Он не шевелился и не поворачивался к ней всем корпусом, опасаясь выдать кому-нибудь из свиты свои чувства.

— Откуда вы появились?.. Чего вы хотите достичь в жизни, мадам? Сколько же всего можно прочесть на вашем лице! Здесь и божественная красота, и всеобъемлющее страдание.

В это время по плиткам затопали наперегонки карлики королевы. Они носились между придворными, развлекая их, и весело перекликались.

Король не отрывал глаз от Анжелики.

— Наблюдать за вами одно наслаждение. Но иногда это и страдание. Когда я смотрю на вашу шею, белую, как снег, мне хочется бесконечно целовать ее. Ваше присутствие наполняет меня жаром, а когда вас нет, я страдаю от одиночества. Мне недостает всей вас: вашего молчания и вашего голоса, вашей силы и вашей нежности. Как мне хотелось бы посмотреть на вас, спящую напротив меня, на ваше пробуждение. Наверное, у вас в эту минуту такое невинное лицо, что вас можно принять за беззащитную. Но вы очень сильны. Вы тверже алмаза. Меня так давно стала влечь к себе ваша потаенная сила. И при этом я трепещу при мысли, что эта сила сможет когда-нибудь противопоставить вас мне... О мое сердце! О моя душа!

Улыбка появилась на губах у Анжелики. Король спросил:

— Чему вы улыбаетесь?

— Я подумала о том молодом поэте, которого так пронцательно заметили Ваше Величество, о Жане Расине. Он не устает повторять, что король занимает все его мысли. Теперь я понимаю его...

Она прервалась, так как к королю подошел в сопровождении трех офицеров господин Дюшесн и поклонился. Они протянули королю и Анжелике восхитительной красоты пирожные с вишнями. Еще раз поклонившись, они ушли.

— Мы говорили о любви, мадам, — продолжал король. — Так знайте,

что, когда сердце мужчины переполнено неразделенной любовью, самое правильное, что может прийти на ум, это добровольно заточить себя...

Король был прерван на полуслове: Анжелика вдруг взмахнула рукой, держащей блюдечко, и пирожное, от которого она уже собралась было откусить, приземлилось на землю и расколосось.

Виной этому был Баркароль, который, пробегая мимо, неловко задел ее рукой.

Платье Анжелики было испачкано вишневым соком.

— Чума вас заberi! — вскричал король разъяренно и поднял трость. Он успел приложить убегающему Баркаролу по спине, который не замедлил разразиться притворно-страдальческими выкриками.

Королева поспешила на помощь своим маленьким друзьям, а в это время одна из ее собачек бросилась подбирать кусочки пирожного.

По меньшей мере два десятка дам устремились к Анжелике, наперебой предлагая платки и салфетки. Теперь уже никто не сомневался в том, что звезда ее скоро взойдет и она станет самой влиятельной дамой.

Как только следы вишен на платье были устранены, все общество по молчаливому согласию переместилось на другой конец террасы: дамы не хотели выглядеть назойливыми в глазах монарха и его фаворитки.

Но внимание короля и королевы переместилось на собачонку, которая дергалась в траве и, судя по всему, собиралась сдохнуть.

Рядом с Анжеликой возник Баркароль.

— Вкусным, наверное, было пирожное, а, маркиза ангелов? Теперь ты поняла? Она съела крем, который предназначался тебе. Ха! Разумеется, тебе не пришлось бы скончаться так же внезапно. Через час тебе сделалось бы дурно, а ночью, после ужасных мук, тебя бы не стало.

— Баркароль, ты говоришь невообразимую чепуху. Тебя вывел из себя удар тростью по спине.

— Ах, так ты все еще не веришь мне! — лицо его сделалось злым. — Курица безмозглая! Ты что, не видела, как эта тварь хватала с земли твое пирожное?

— Я не видела этого, я слишком была отвлечена своим платьем. Собачонка могла умереть и от другого.

— Ты не веришь мне, — почти крикнул Баркароль, — потому что не хочешь верить!

— Но кому нужно убивать меня?

— Чудесный вопрос! А та, у которой ты отнимаешь короля, по твоему, должна боготворить тебя?

— Госпожа де Монтеспан? Нет, это невозможно. Она злая, жестокая,

это верно. Но никогда она не осмелилась бы пойти на такое.

— Почему же? Игра стоит свеч.

Он поднял с земли пуделя, который уже не дышал, и забросил его подальше.

— Это Дюшесн приложил руку. А предупредил меня Нааман, негритенок де Монтеспан. Она не таится от него, потому что думает, что он не понимает по-французски. Он спит у нее в покоях на тюфяке в углу, и на него обращают не больше внимания, чем на собаку. Вчера он находился в комнатах, когда к ней пришел Дюшесн, ее доверенное лицо. Это она поставила его на этот пост. Нааман слышал, как она произносила твое имя, и стал прислушиваться. Монтеспан сказала Дюшесну: «Сделай так, чтобы завтра все было кончено. У вас будет хорошая возможность сделать это во время праздника. Поднесите ей вино вот с этой приправой». И она дала Дюшесну флакончик с жидкостью. Дюшесн спросил: «Это приготовила Вуазен?» Монтеспан ответила: «Да. Все, что она изготавливает, не нуждается в повторном применении». Нааман не знал, кто такая Вуазен, но я-то это знаю, ведь я служил у нее. Она знает множество секретов, которые помогают людям отправиться в мир иной.

Все мысли смешались в голове у Анжелики.

— Если это так, как ты говоришь, Баркароль, то это означает, что Флоримон не врал. Но он говорил, что Дюшесн подсыпал что-то самому королю... Но что?

Карлик скривился недоверчиво.

— Отравить короля? Не думаю. Но они могли подсыпать ему в пищу волшебный порошок, приготовленный той же Вуазен, который помог бы привязать короля к Монтеспан. Но сам по себе этот порошок безвреден.

Баркароль умолк, потом спросил:

— Так что же ты собираешься теперь делать, маркиза?

— Не знаю.

— Но ты предпримешь что-то?

— Но что?

— Защищаться. Может быть, теми же средствами. Око за око, зуб за зуб, как говорят. Давай отравим Монтеспан, если она так любит яды. А Дюшесна продырявим рапирами, у меня найдутся надежные дружки для этой цели. Только дай команду.

Анжелика молчала. Как хотелось бы ей не думать об этом!

— Ничего другого не выдумаешь, маркиза, — прошептал Баркароль.
— Иначе тебе не выжить.

Глава 6

Несколькими днями позже новый праздник собрал королевскую семью в Версальском парке.

К Анжелике, стоявшей рядом с королем, подошел нарядно одетый Флоримон. Он поклонился королю и поцеловал матери руку.

— Вы довольны своей службой? — доброжелательно спросил его король.

— Из всех дворцов, где мне довелось побывать, сир, мне больше нравится Версаль.

— Ваша привязанность к Версалию трогает меня. А что вам особенно здесь дорого?

— Присутствие Вашего Величества, — ответил подросток, — и еще фонтаны, они такие красивые.

Ответ был замечательным. Ничто не отзывалось в его сердце так живо, как похвала его любимых фонтанов.

— Когда-нибудь вы увидите много новых, еще более красивых фонтанов. Хорошо бы к тому времени вы научились не лгать.

— Скорее молчать, — отважно сказал Флоримон, — потому что я никогда не позволял себе лгать.

Король слегка нахмурился, но затем перевел на Анжелику веселые глаза.

— Этот ребенок мало похож на вас внешне, но очень напоминает по характеру. Какой у него гордый подбородок... И этот смелый взгляд, которым он не боится смотреть на короля.

— Извините его, Ваше Величество, — попросила Анжелика.

— Это бесполезно. Это не исправит ни его, ни вас. Впрочем, эта открытость симпатична мне. И не зря говорят: устами младенца глаголет истина. Собственно, почему нельзя доверять ребенку? Я должен допросить Дюшесна. Ведь я по сути так мало его знаю.

Вечер был теплый. Как обычно весь двор находился поблизости от короля. Анжелика любовалась вместе с ним корзиной великолепных фруктов, которую вынесли из дворца лакеи. Король никогда не ел без того, чтобы офицеры сервиса не попробовали угощения, но он любил созерцать красоту даров природы.

В этот момент руки Анжелики коснулась смуглая ручка негритенка.

— Мадам Плесси! Хотят убить твоего сына! Скорее! Хотят убить

твоего сына.

Негритенок очень плохо говорил по-французски, поэтому Анжелика не сразу поняла его.

— Господин Флоримон! Умрет!

Услышав имя Флоримона, она поняла. Она схватила негритенка за плечи и встряхнула его.

— Что произошло? Где он? Флоримон! Говори!

Но речь негритенка сделалась совсем сбивчивой. Анжелика отпустила его и побежала в сторону северного партера, где она недавно оставила аббата де Лесдигьера.

Он все еще стоял у серой мраморной вазы.

— Аббат, — задыхаясь, бросилась к нему Анжелика, — где Флоримон?

— Он только что ушел, мадам. Он сказал мне, что ему дали поручение на кухне. Вы ведь знаете, как он бывает рад исполнить чье-либо задание.

— Мадам! — торопил ее негритенок. — Он сказал: «Я пошлю мальчишку по тому самому пути, о котором ты знаешь. Так что теперь можешь успокоиться: болтун больше ничего не сможет рассказать».

— Вы слышали? — воскликнула Анжелика. — Болтун ничего не сможет рассказать! Они хотят убить его! О, во имя Бога, скажите мне, в какую сторону он пошел?

— Он сказал... что отправится на кухню... что побежит через лестницу Дианы, так будет быстрее...

Нааман по-обезьяньи вскрикнул и трагически воздел руки к небу. — Лестница Дианы! Плохо! Совсем плохо!

И он со всех ног бросился к замку. За ним побежала Анжелика и молодой священник.

Ворвавшись в южное крыло дворца, они подлетели к стражникам и спросили, не появлялся ли здесь маленький паж в красной одежде.

— Да, он только что прошел здесь. Но теперь здесь нет прохода, мадам, с тех пор как лестницу разобрали.

— Но... — пробормотал аббат де Лесдигьер, — раньше по лестнице Дианы можно было подняться в галерею, а оттуда по южной лестнице спуститься прямо на кухню.

— Только не теперь. Когда разобрали часть стены, лестница стала заканчиваться обрывом.

— Флоримон не знал этого! — воскликнул аббат. Они побежали к лестнице. Ступеньки были погружены в такую глубокую темень, что конца лестницы невозможно было различить.

— Подождите, — закричал стражник. — Я посвечу вам.

Он подошел с горячей лампой в руках и пошел вверх первым. — Смотрите! — позвал он.

Лестница обрывалась пропастью высотой в два этажа. — Флоримон! — позвала Анжелика, встав на колени. — Флоримон!

— Держите ее, аббат, — сказал стражник, — иначе она туда свалится. Я схожу за лестницей и веревками.

Но в этот миг Анжелика отпрянула от зияющей пустоты и велела всем замолчать.

— Слушайте...

Где-то далеко послышался топот бегущих ног, который приближался к ним. Из коридора, ведущего в комнаты служанок, выскочил Флоримон.

— Благодарю Святую Деву, малыш, — сказал стражник. Флоримон, задыхаясь после бега, объяснил, что с ним произошло. Он совсем уже собрался взбежать по лестнице, как заметил герцога Анжуйского, ребенка восемнадцати месяцев, удравшего от кормилицы.

Флоримон, в обязанность которого входило следить за королевскими отпрысками, был вынужден остановиться и отнести малыша служанкам.

Анжелика посадила его на колени и прижала к себе.

«Если бы ты покинул меня вслед за Кантором, я не смогла бы жить», — думала она.

Она поискала глазами Наамана. Но негритенок уже исчез. Анжелика подумала, что сейчас он получит несколько пощечин за свое отсутствие.

...Оказавшись в своих комнатах и все еще не решаясь отпустить Флоримона, Анжелика вторично испытала пронизывающий страх, как полчаса назад на лужайке, когда к ней подбежал негритенок.

«Они хотели убить моего сына».

Эта фраза давила на нее.

— Флоримон, кто послал тебя на кухню через лестницу Дианы?

— Господин Карапер, один из офицеров сервиса. Я хорошо его знаю. Молодая женщина прижала ладонь ко лбу.

«Узнаю ли я когда-нибудь правду?»

— Он не предупредил тебя, что лестница разобрана?

— Нет. Он сказал мне: «Ступай по лестнице Дианы, так будет ближе всего».

Анжелика позвала аббата и велела ему привести Мальбрана.

— Что мне делать? — спросила она старого вояку.

— Перевести Флоримона в дом брата короля, как ему уже не раз предлагали.

— К брату короля... — она усмехнулась. — Ладно, там он, по крайней мере, будет подальше от Дюшесна.

— Вы считаете, это его рук дело?

— Уверена.

— В таком случае считайте, что он обречен. Придет время, и я поквитаюсь с ним.

Наконец, Флоримон осознал, какой опасности он подвергнулся.

— Это за то, что я сказал королю, что не лгал ему про Дюшесна. Меня, должно быть, услышал Пикард, который принес на газон фрукты.

— Но тебя же послал Карапер.

— Карапер подчиняется Дюшесну, это его сообщник. Они оба боялись меня.

— Когда же ты наконец поймешь, что надо держать язык за зубами? — спросила Анжелика, с трудом удерживая себя от желания отшлепать паренька.

— Я не боюсь умереть, — торжественно объявил Флоримон. — Тогда я смогу встретиться с Кантором.

Но после тяжелого вздоха он добавил:

— Нет, Кантор не мертв.

Велев аббату ни на минуту не оставлять Флоримона одного, Анжелика отправилась на обед к королеве.

Вернувшись, она долго не могла найти себе места и, чтобы хоть немного забыться, попросила Терезу принести ей рюмку водки.

Страх ее стал беспричинно усиливаться. Она лежала на кровати, пытаясь собраться с мыслями, и вдруг с ужасом заметила, как край висящего на стене ковра отогнулся и из-за него показалось угрюмое лицо.

— Баркароль!

Карлик смотрел на нее жестким взглядом.

— Все общество в сборе, — мрачным голосом сказал он. — Ну-ка, пойдем со мной, и ты сама убедишься, что за гости пожаловали нынче в Версаль.

Они вышли через ту же потайную дверь, через которую когда-то шли с Бонтамом на встречу к королю. У карлика не было с собой свечи, но он продвигался так уверенно, точно видел в темноте не хуже кошки. Анжелика шла почти на ощупь, всю дорогу она не могла избавиться от ощущения, что ее замуровали.

— Это здесь, — остановился Баркароль. Пальцы его скребли по стенке и что-то искали.

— Я показываю тебе это только потому, что ты из наших, крошка, —

прошептал он. — Но будь осторожна. Что бы тебе ни привиделось, что бы ты ни услышала, удержишься от вскриков, иначе мы пропали.

— Положись на меня.

Тогда карлик что-то сдвинул на стене, и темнота прорезалась тонкой светящейся щелкой.

Анжелика прильнула к ней глазами. Сначала она ничего не могла разобрать. Потом она поняла, что комната, в которую они смотрели, наполнена каким-то странным пахучим паром. Затем она расслышала заунывное пение, напоминающее церковный хор. В густом пару двигались какие-то тени. Какой-то человек держал в руках кастрюлю и размахивал ею из стороны в сторону. Из сосудов, стоящих на огне, слышалось легкое бульканье.

Но вот в ее направлении сделал несколько шагов высокий человек, и кровь застыла в жилах у Анжелики. Никогда в жизни, показалось ей, она не видела столь ужасного человека. Это был священник, облаченный в белую тогу, разрисованную черными сосновыми шишками. Его опухшее лицо красного цвета густо бороздили фиолетовые вены. Он походил на мертвеца, воскресшего из могилы. Загробным голосом старик произносил какие-то заклинания.

Узнав в одной из коленопреклоненных женщин Катрин Мовуазен, Анжелика поняла смысл этого сборища.

Колени ее задрожали, и она была вынуждена прислониться к стене.

Баркароль схватил ее за руку и прошептал:

— Не бойся. Они не могут знать, что ты здесь.

— Мне кажется, он может видеть и через стену, — еле слышно прошептала она.

Пар немного рассеялся, и Анжелика узнала еще одну женщину, слозящую на коленях. Это была мадам де Монтеспан. Она так удивилась, что на минуту забыла о своем страхе. Как могла гордая, умная Атенаис принимать участие в этом мерзком спектакле?

Священник протянул ей книгу, и она положила на нее обе руки, начав читать молитву.

— Во имя Астреи и Асмодея, принцев дружбы, я прошу любви короля и монсеньора дофина, чтобы она не кончалась, чтобы королева не смогла больше родить, чтобы король перестал навещать ее в постели и за столом, чтобы он видел только меня, чтобы противницы мои исчезли...

Анжелика с трудом узнавала ее. Это была ополоумевшая женщина, одержимая страстью захвата абсолютной власти.

Наконец пение стихло, а голос госпожи де Монтеспан властно

спросил:

— Вы приготовили рубашку?

— Принесите рубашку! — приказала Вуазен кому-то. — Вы останетесь довольны моей работой, мадам, она стоит тех денег, что вы мне платите... Марго, неси же сюда корзину.

Девочка лет двенадцати вынырнула из тумана и поставила на ковер корзину. Она с величайшей осторожностью вынула из нее розового шелка ночную рубашку.

— Осторожнее, смотри не дотронься до нее пальцами. Возьми ее листьями платана, которые я приготовила.

Анжелика, узнав свою любимую ночную рубашку, до боли закусила кулак.

— Тереза! — позвал голос Вуазен.

К ней подошла служанка Анжелики. У нее было важное выражение глупой клуши, которой поручили исполнить серьезное задание.

— Возьми это, моя девочка, — сказала Вуазен, — но только через листья платана.

Затем она отошла в глубину комнаты и вернулась, держа в руках охапку белого белья, запачканного кровью.

Анжелика не могла больше вынести этого зрелища. «Убийцы, ужасные убийцы!» Она закрыла глаза.

Внезапно в комнате воцарилась тишина. Открыв глаза, Анжелика увидела, что Баркароль закрыл щелку.

— Пора удирать, или мы наткнемся на Бонтама, который рыщет здесь по ночам, как крыса.

— Так это была твоя рубашка? — спросил он у нее уже в комнате.

— Да.

— Я и не сомневался в этом. Мне встретилась в коридорах Тереза, твоя служанка... Монтеспан снова заплатила Вуазен за твоё отравление. Мне известно, что колдунья совсем недавно ездила в Овернь и Норман? дню, чтобы узнать новые рецепты отравления через кожу, которое невозможно выявить после смерти человека.

— Теперь-то я не попадусь в ловушку, Баркароль.

...Когда на следующий вечер Тереза вошла в комнату, неся в руках розовую ночную рубашку, Анжелика оторвалась от зеркала, у которого причесывалась, и окликнула служанку:

— Тереза!

— Да, мадам!

— Знаешь, Тереза, я очень довольна твоей службой... Девушка глупо

улыбнулась в ответ.

— Я так рада слышать это, госпожа маркиза.

— За твою службу я хочу сделать тебе маленький подарок, ты заслужила его. Я ведь знаю, как ты любишь наряды, поэтому я отдаю тебе эту рубашку, которую ты мне принесла.

Лицо служанки сделалось пепельным. Анжелика подошла к ней вплотную.

— Бери ее, — повторила она посуровевшим голосом. — Бери, тебе говорят! Так ты не хочешь? Раскрой-ка свои руки, мерзавка!

Из рук Терезы выпали смятые листья платана, которые она старалась спрятать в кулаках.

— Убирайся! — она хлопнула служанку по щеке, — Убирайся вон из моего дома!

Глава 7

Франсуа Дегре, заместитель начальника парижской полиции господина де ля Рейни, жил теперь в одном из новых больших домов на улице Сен-Жермен.

Чтобы скрыть от кого бы то ни было, а особенно от придворных, свой визит к нему, Анжелика шла до места пешком.

Король не посмел ей отказать в просьбе отпустить ее на пару дней по хозяйственным делам. Это время она решила использовать для устройства надежной защиты.

Положив на колени небольшой сверток, она терпеливо ждала в комнате для посетителей. Ей казалось, что от радости видеть своего старого друга она бросится ему на шею, но потом она решила, что положение маркизы не позволяет этого.

Когда он появился в дверях, она поняла, насколько неуместной была бы ее детская радость. Перед ней стоял грозный чиновник в парике и пышном галстуке.

Ей показалось, что он немного располнел и движения его стали медлительнее, но в нем чувствовалась прежняя энергия. Анжелика сразу же изложила ему картину покушения на себя, но не назвала никаких имен. Она сказала, что одна подруга предупредила ее о заговоре, о том, что ее недруги «приготовили» для нее отравленную рубашку. Не зная, что делать в таких случаях, она и решила просить совета у Дегре.

Дегре осторожно развернул сверток, вынул из ящика стола пинцет и расправил ночную рубашку.

— А вы, должно быть, хорошо смотрелись в ней, — ухмыльнулся он, и Анжелика уловила в его голосе интонации прежнего Дегре.

— Предпочитаю пока не надевать ее...

— Вопреки желанию кое-кого...

— Особенно тех, кто ее мне подсунул!

— Вы полагаете? А на мой взгляд, у нее совершенно невинный вид.

— Уверяю вас, ее внешний вид обманчив.

— Чувшь! У вашей подруги богатое воображение, — сказал Дегре вкрадчивым голосом. — Вот если бы вы сами что-то видели, это было бы совсем другое дело...

— Но я...

Анжелика запнулась. Нет, она не должна ничего рассказывать и

называть никакие имена. Скандал затронет слишком высоких персон. Полиция никогда не должна вмешиваться в обособленный придворный круг — это правило хорошо известно и полицейским, и придворным. Нет, она должна защищаться самостоятельно!

— Вы правы, — с усилием произнесла Анжелика. — Я слишком напугалась, и в голову ко мне полезла всякая чепуха. Чем может быть опасна обычная ночная рубашка?

— Не отступайте так поспешно, моя дорогая. В конце концов, мы, полицейские, обязаны реагировать даже на такую тоненькую струйку дыма. Пожалуй, я оставлю у себя эту очаровательную рубашку.

...Через две недели она получила от него записку с просьбой навестить его. Как только у Анжелики появился свободный вечер, она снова пришла к Дегре.

— Итак, это была шутка? — с деланной веселостью спросила она.

— Шутка, но очень плохая шутка.

Дегре вынул из стола лист бумаги и стал читать:

— ...«Рубашка была исследована. Установили, что она оказалась пропитана неизвестной субстанцией, способствующей развитию быстротечной болезни, напоминающей венерическую, сопровождающейся заражением крови, гнойными язвами на теле и ведущей к смерти». Подписано судебным врачом госпиталя в Бисетре.

Раскрыв глаза от ужаса, Анжелика не могла выговорить ни слова.

— Вы хотите сказать... — наконец пролепетала она, — но каким образом он узнал все это? Вы хотите сказать, что рубашка была испробована на женщине?

Дегре небрежно махнул рукой.

— Знаете, сколько в Бисетре больных женщин, которым не на что надеяться! Не переживайте. Быстрая смерть — это намного лучше, чем... — он покивал головой с кривой усмешкой.

Анжелика машинально встала со стула. Дегре выскочил из-за стола и удержал ее.

— Кто та недоброжелательница, которая так подшутила над вами, и кто та колдунья, которой она заплатила?

— Откуда вы знаете, что это женщина? — пораженно уставилась на него Анжелика.

— Выдумка с ночной рубашкой — плод женского воображения. Только и всего. Так кто же она?

Анжелика почувствовала подступающую к горлу тошноту. Она сделала шаг к двери, но Дегре удержал ее. Она гневно вскинула голову:

— Не думайте, что вы сможете заставить меня говорить, как сделали это когда-то. Я не скажу вам ни слова... Ни слова.

Дегре отскочил и стал ходить размашистым шагом из угла в угол.

— Я слишком хорошо это знаю, черт возьми! Даже на пытке вы не сказали бы ни слова. Но что мне тогда делать? Теперь вы принадлежите к другому миру, куда мне нет доступа...

Анжелика еле держалась на ногах. Лицо ее было бледное, глаза закрыты.

— Меня тошнит, — слабым голосом произнесла она. — Я хочу спать... И отрешиться от всего этого...

— Нет! — крикнул Дегре. — Только не это. Он подбежал к ней и схватил за плечи.

— Или вы погибнете. Вы должны защищаться. Вы не имеете права умирать. Где ваша жажда сражений, побед? Или это двор сделал вас беспомощной.

Он тряс ее за плечи, точно хотел разбудить.

— Вот что сделали из маркизы ангелов! — не унимался он. — Хорошая работка, есть чем гордиться!..

Гнев полицейского мало-помалу заставил Анжелику взбодриться, словно в нее проникло тепло его сильных горячих рук. Она приоткрыла глаза.

— Но что же мне делать, Дегре?

— Ты знаешь это не хуже меня.

Он обнял ее за талию и подвел к креслу.

— Что делать? А вот что: платить служанкам, чтобы они шпионили, швейцарам, чтобы следили, лакеям, чтобы убивали.

— Странно слышать такое от полицейского. Дегре наклонился, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Справедливость не может проникнуть туда, где ты сейчас живешь. Для справедливости и правосудия это слишком высоко, и господин де ля Рейни хорошо знает это. Если нас и зовут туда, то только для того, чтобы устроить пародию на законность. Почти всегда мы арестовываем невиновных. Когда-нибудь мы накажем и виновных, но сегодня час еще не пробил... В жестоком мире надо быть жестоким. Убивай, если тебе приходится защищаться. Я не хочу, чтобы ты умерла... Ты должна доказать женщине, которая тебя ненавидит, что ты не менее сильная, чем она, что ей не стоит больше уповать на убийц или ей это дорого будет стоить в один прекрасный день.

— Мне кажется, я уже что-то придумала, — сказала Анжелика.

— Браво!

Глава 8

Случай представился уже на следующий день.

Анжелика ехала в карете по направлению к Сен-Жермен. Она увидела на обочине перевернувшийся фиакр и молодую женщину, нетерпеливо дожидаящуюся проезжающих, — одну из приближенных женщин госпожи де Монтеспан.

— О мадам! — обрадовалась она, встретив знакомую. — Как мне не повезло! Госпожа де Монтеспан отправила меня по срочному делу, которое не терпит задержки, а я вот уже полчаса не могу сдвинуться с места. Этот бестолковый кучер наскочил на камень на ровном месте...

— Куда же вы ехали?

— У меня назначена встреча на перекрестке Буа-Сек с человеком, который должен передать послание госпоже. Если я опоздаю, он может уйти. Госпожа не простит мне этого! — Тогда садитесь. Я прикажу повернуть назад.

— Я вам так благодарна, мадам!

— А я так рада оказать помощь Атенаис...

Мадемуазель Десойе подобрала юбки и устроилась на сиденье напротив Анжелики.

Анжелика краем глаза наблюдала за этой красивой и умной женщиной, каких умела подобрать для своей свиты де Монтеспан. Она давно собиралась найти себе сообщницу из окружения Атенаис. О мадемуазель Десойе Анжелика знала, что она была заядлая картежница, которой часто везло в игре. Анжелика заметила, что та применяет шулерские трюки, которые Анжелика узнала во время пребывания во Дворе чудес.

— Это здесь, — попросила остановить пассажирка. — Слава Богу, девочка еще здесь.

Она опустила стекло, и к карете из леса вышла девочка лет двенадцати в белом чепце. Она протянула в окошко кареты небольшой сверток, а мадемуазель Десойе отдала ей взамен кошелек, по размерам которого можно было судить о значительной стоимости содержимого свертка.

«Что там может быть?» — спрашивала себя Анжелика.

— Поехали, — сказала кучеру повеселевшая Десойе.

Прежде чем служанка Атенаис доедет до своего фиакра, Анжелика решила воспользоваться случаем и выведать у нее тайну послания.

— Знаете, из всех служанок Атенаис вы нравитесь мне больше других, — сказала она, — своей рассудительностью и выдержкой.

Мадемуазель Десойе улыбнулась. Должно быть, она предвкушала, как будет смеяться вместе с де Монтеспан над тем, как наивная маркиза дю Плесси помогла ей.

— Что мне особенно нравится в вас, — продолжала Анжелика, — так это искусство в игре. Как ловко вы обыграли в понедельник герцога Шольна! Он до сих пор не оправился, бедняга. Где же вы научились карточным трюкам?

Сладкая улыбка сползла с губ служанки.

— О чем вы говорите, мадам? — пробормотала она. — Это невозможно... Я никогда...

Анжелика взяла ее за кисть и осторожно дотронулась до подушечек ее пальцев.

— Какая тонкая кожа! Вы не знаете, зачем она нужна? И для чего вы ее натираете кусочком кожи кашалота? Чтобы лучше различать наколки на картах, не так ли? Разумеется, грубые пальцы герцога де Шольна не могли их заметить.

Служанка чувствовала себя совсем потерянной. Ей было хорошо известно, что при дворе не шутят только с двумя вещами, за несоблюдение которых следует безвозвратное изгнание: этикет и честность в игре.

Она попыталась сползти с сиденья, чтобы встать перед Анжеликой на колени, но та удержала ее.

— Мадам, чем я могу вымолить ваше молчание? Анжелика холодно взглянула на нее и указала на сверток.

— Покажите мне, что в нем.

Поколебавшись, Десойе протянула ей флакончик с темной жидкостью.

— Знаете ли вы, что этот эликсир предназначен для меня?

— Мадам, что вы хотите сказать?

— Разве вы не знаете, что ваша хозяйка хотела уже два раза отравить меня? Почему бы не попробовать в третий раз?

Заплаканная служанка ответила, что все приготовления госпожа де Монтеспан держала в большом секрете, поэтому она ни о чем не знает.

— Отныне вы будете стараться узнавать о таких вещах, — твердым голосом сказала Анжелика. — Попробуйте только в другой раз не предупредить меня об опасности... Иначе...

Десойе в страхе поджала губы.

— Кажется, я уже могу сообщить вам кое-что...

— Что же? Говорите!

— На днях они с Дюшесном выпроводили нас из комнаты и стали шептаться, только...

— Только ты подслушивала за дверью!

— Да... И моя хозяйка сказала: «Либо эта женщина — колдунья, либо Вуазен обманывает нас. Все попытки убить ее не удаются. Кто предупреждает ее? Надо кончать с ней. Пусть Вуазен даст самое смертоносное средство...» Потом она достала письмо к ней и передала его Дюшесну...

— Когда Дюшесн должен встретиться с Вуазен? — перебила ее Анжелика.

— Сегодня вечером.

— В какое время? Где?

— В полночь в кабачке «Золотой рог». Вуазен придет туда пешком, это недалеко от ее дома.

— Хорошо, для первого раза я довольна тобой. Вот и Сен-Жермен, нас не должны видеть вместе. Вылезай и приведи себя в порядок.

Задумчиво Анжелика смотрела ей вслед.

Глава 9

Мальбран не сразу узнал свою хозяйку: она была одета в простое бумазейное платье, а на голове ее был повязан черный платок.

— Вы пойдете со мной, Мальбран, — сказала она.

— Куда же вы собрались в таком одеянии?

— Туда, где нельзя появляться в нарядах маркизы. Вы взяли шпагу? Возьмите и пистолеты. Позовите Флипо и ждите меня у запасной двери, я выйду через оранжерею.

— Слушаюсь, мадам.

Несколько позже их маленький отряд появился в районе трущоб пригорода Сен-Дени.

...Великий Коэср, по прозвищу Деревянный Зад, как обычно восседал на троне в своей деревянной площадке. Он не любил показываться на свет и почти никогда не покидал теперь своего подземного дворца, где царил полумрак, слабо освещенный несколькими масляными светильниками.

До него не так-то просто было добраться. Незваных посетителей останавливали несколько раз охранники и пропускали только после того, как Флипо отвечал на их жаргоне.

Анжелика бросила в таз для подношений тугой кошелек, но Деревянный Зад продолжал смотреть на нее свирепыми глазами.

— Не слишком торопилась!

— Чем ты прогневан, Деревянный Зад? Разве я не посылала тебе регулярно приношений? Разве под Новый год мои слуги не приносили тебе зажаренного поросенка с вином?

— Слуги! Нужны мне твои дерьмовые слуги! Или ты думаешь, что мы тут умираем от голода? У меня столько припасов, что я могу пировать круглый год! А ты приходишь сюда раз в несколько лет. Забыла дорогу или слишком занята? Чего еще ждать от девок...

Укоры Деревянного Зада заставили Анжелику опустить глаза. Ведь она знала, какой он самолюбивый. Даже визит короля Луи Четырнадцатого не удивил бы его. Что странного, если один король навестит другого?..

— Почему твой король позволяет полицейским творить, что им захочется? Зачем он с ними возится? Ведь полицейские нужны буржуа, а не ему. Пусть дураки будут честными, и пусть полиция их охраняет. Но король-то не дурак! Пусть он поймет, что мы не можем спокойно работать, если нас ловят и сажают в тюрьмы. Воров ссылают на галеры — где это

видано? Когда такое было? Это все устроил Рейни, он хочет нашей смерти!

Анжелика знала, почему так встревожен Великий Коэср. После распоряжения Рейни зажечь по всему Парижу фонари активность подданных Двора чудес заметно снизилась.

— А это кто? — указал он кончиком трубки на Мальбрана.

— Друг. Ему можно доверять. Он поможет мне в одном представлении. Но один он не справится. Нужны еще трое или четверо мужчин.

— Со шпагами? Представление со шпагами — что может быть проще!..

Она рассказала ему, что хочет подкараулить одного мошенника, когда он пойдет обратно после встречи с колдуньей Вуазен.

— И прикончить его! — подхватил весело Деревянный Зад.

— Нет. Я не хочу крови, мне нужно только, чтобы человек этот во всем признался. Им займется Мальбран.

— Как имя этого мошенника?

— Дюшесн, первый офицер сервиса королевской службы. Вы знаете его?..

— У нас с ним давние счеты, — подхватил Мальбран.

— ...Дело в том, — продолжала Анжелика, — что нужен еще один человек, у которого хватит ловкости забрать у Вуазен письмо, которое она получит в момент встречи до того, как она его сожжет.

— Что может быть проще... — повторил Деревянный Зад. — Для моих умельцев это раз плюнуть.

Ей в помощники были назначены ее старые знакомые Пивуан, Крысобойщик, а с ними неизвестный ей вор по кличке Мертвая Голова, которому отрезали за богохульство губы, обнажив зубы.

— ...Власть нищих беспредельна! — кричал вслед Анжелике Деревянный Зад. — Тебе никогда не справиться с нами, Луи!..

Возвращаясь домой, Анжелика думала о том, что гораздо меньше боится кровожадных бродяг, у которых была в гостях, чем некоторых любезных придворных Его Величества.

...В один из вечеров 1680 года весь бродяжий пригород Сен-Дени был окружен солдатами и полицейскими. Бродягам и ворами было объявлено, что король помилует всех, кто добровольно отдаст себя в руки полиции. Двенадцать последних пленников будут казнены. С наступлением темноты из щелей и подворотен толпой повалили подданные Великого Коэсра: карманники, просители милостыни, грабители, проститутки, калеки... В глубине подземного дворца полиция обнаружила только Деревянного Зада,

брошенного всеми, но несломленного, которому на месте палач отрубил голову. Так закончил свое существование парижский Двор чудес. Король Франции победил короля Тюнов...

Глава 10

В одиночестве Анжелика вернулась к себе домой. Теперь ей оставалось только ждать назначенного срока, положившись на умение посланных людей.

В десять часов появился Мальбран. Он был замаскирован маской и серым плащом, в котором хорошо прятаться на фоне стен.

— Вы, я думаю, знаете, чего вам нужно добиваться от Дюшесна, — сказала она. — Пусть он раскроет свои планы, назовет имена сообщников, но главное — следите за письмом. Ну и, разумеется, прихватите яд, который принесет ему Вуазен.

Она снова стала ждать.

В два часа ночи хлопнула наружная дверь. Она услышала на лестнице поднимающиеся шаги.

Он вошел и молча выложил на столик флакон с жидкостью, кожаную сумку и сложенный вчетверо лист бумаги.

Анжелика схватила письмо и сразу узнала почерк мадам де Монтеспан. Ее охватил приступ торжества. Затаив дыхание, она пробежала глазами следующие строки:

«... Вы обманули меня, — писала маркиза своим разборчивым почерком, но с ужасающей орфографией недоучки, — эта женщина до сих пор находится в полном здравии, а король все более привязывается к ней. Ваши обещания не выполняются, несмотря на высокую плату. Не думайте, что это пройдет вам безнаказанно. Я восстановлю против вас весь двор, если на этот раз вы не преуспеете...»

— Замечательно! Чудесно! — вскричала Анжелика таким веселым голосом, что сама не узнала его.

Она залилась торжествующим смехом.

— Ха-ха! Преуспею-то я, моя прекрасная Атенаис!

Внизу листка она увидела красное пятно, это была плохо высохшая кровь. Она посмотрела на мушкетера.

— Что вы сделали с Дюшесном? — упавшим голосом спросила Анжелика.

Мальбран опустил глаза.

— Я думаю, что он уже за городом, если только течение в реке не ослабело...

— Что вы наделали, Мальбран! Я же сказала вам, что не хочу идти на

преступление.

— Послушайте, мадам, — сказал он. — Может быть, вам странно слышать такое от старика, который половину жизни провел на войне, но я привязался к вашему сыну. У меня, вероятно, есть где-нибудь сыновья, но я их никогда не увижу. Всех их заменил мне ваш Флоримон. И знаете, он такой способный, точно родился со шпагой в руках. Кому же как не мне обучать его этому ремеслу. Да я ни на что другое и неспособен... Кроме него и вас у меня никого нет. А этот Дюшесн хотел его убить!

— Это правда, что он подсыпал порошок королю?

— Это поручила ему фаворитка. Он угрожал Флоримону, чтобы тот перестал рассказывать об этом. Это они подсыпали яду в ваше пирожное. Их, сообщником был один из офицеров, Карапер. Это он послал ребенка по разобранной лестнице...

— Хорошо.

Анжелика подошла к секретеру и вынула кошелек с золотыми монетами.

— Это для вас, Мальбран. За вашу хорошую службу. Мушкетер кинул кошелек в свой просторный карман.

— Я никогда не отказывался от экю, мадам. Но знайте, что рано или поздно я сделал бы это бесплатно. Мы уже обсуждали этот вопрос с аббатом, когда решали, как нам быть.

Глава 11

Король еще не вышел с утренней мессы, а Анжелика уже присоединилась к толпе придворных, поджидающих его. Ее отсутствие не было никем замечено.

Мимо сновали офицеры сервиса, ведущие приготовление к завтраку. Анжелика слышала, как кто-то выразил удивление по поводу отсутствия господина Дюшесна.

Анжелика отделилась от группы и отошла к окну. Лучи восходящего солнца ласково легли на ее лицо. Она решила, что настало время для последнего удара.

Твердым шагом она направилась через галерею к южному крылу дворца. Здесь среди апартаментов принцев и принцесс находились покои ее противницы.

Атенаис сидела перед зеркалом и занималась прической. Несколько служанок хлопотали вокруг нее. При виде Анжелики они разом замолкли.

— Здравствуй, дорогая Атенаис, — веселым голосом приветствовала ее Анжелика.

Фаворитка чуть повернулась к ней:

— О! Что за дело у вас ко мне, моя дорогая? Анжелика подобрала юбки и села на небольшой диванчик.

— У меня для вас очень интересная новость.

— Правда?

Мадемуазель Десойе вздрогнула. Гребень задрожал в ее руке. Другие служанки с удивлением переглянулись. Монтеспан смотрела на Анжелику через зеркало.

— Мы вас слушаем, — сухо сказала она.

— Так много человек не нужно. Достаточно, чтобы меня выслушали вы.

— Вы хотите, чтобы я выпроводила девушек? Это невозможно. Я не успею сделать прическу, а король ждет меня на прогулку в парк.

— Пусть это вас не беспокоит. Я вполне справлюсь с вашими волосами.

Она устроилась позади Атенаис и взяла в руки локон ее пшеничных волос.

— Это будет одна из новинок Бине. Дай-ка мне гребень, малышка, — Анжелика взяла гребень из дрожащих пальцев Десойе.

Атенаис уступила:

— Уходите все.

Анжелика принялась медленно расчесывать восхитительные волосы своей бывшей подруги.

— Передайте мне, пожалуйста, пару булавок.

Мадам де Монтеспан через зеркало наблюдала за красивым лицом своей соперницы. Это была опасная красота, опасная своей неповторимостью.

Поймав взгляд Атенаис, Анжелика наклонилась и тихо проговорила:

— Этой ночью был убит господин Дюшесн.

Атенаис вздрогнула, но сохранила спокойное выражение лица.

— Неужели? Мне еще не докладывали.

— Об этом пока никто не знает. Не хотите ли узнать подробности? Он встретился с Вуазен, к которой у него было послание, а взамен он забрал у нее сумочку с отравой...

— Бестия! — дернулась де Монтеспан, сжав зубы. — Шлюха! Значит, вы решились пойти на такое!

— А вы? Ведь вы пытались убить моего сына, а меня отравить.

— Где письмо? — испуганным голосом произнесла вдруг Атенаис. — Вы нашли его?

— Разумеется!

Анжелика стала читать по памяти:

«... Эта женщина до сих пор находится в полном здравии, а король все более привязывается к ней. Ваши обещания не выполняются, несмотря на высокую плату. Не думайте, что это пройдет вам безнаказанно...»

Атенаис побледнела, но она все еще владела собой.

— Что вы просите за это письмо?

— Я не отдам вам его никогда. Или вы считаете меня полной идиоткой? Письмо находится в надежном месте, у человека, который имеет свободный доступ к королю. В день моей смерти, какой бы невинной она ни показалась бы, письмо сразу же окажется в его руках. Думаю, он сразу узнает ваш почерк и блестящую орфографию.

Фаворитка задыхалась от злобы, руки ее безжизненно опустились.

— Не разыгрывайте из себя жертву, Атенаис, — сказала Анжелика. — Это вам не идет. И дайте мне спокойно закончить вашу прическу.

Госпожа де Монтеспан чуть не подпрыгнула от этих слов, точно разъяренная кошка.

— Не трогайте меня! Вы мне ненавистны!

...Заходя в комнату, служанки осторожно окружили свою притихшую

хозяйку.

— Мадам, вы плачете?

— Да, дуры! Разве вы не видите, что все румяна расплзлись на моих щеках?

Глава 12

На прогулке ни от кого не укрылось новое выражение на лице маркизы дю Плесси. Даже в том, как она держала голову, многие увидели признак почти дерзкого торжества.

Мадам де Монтеспан отсутствовала на прогулке. Никому не показалось странным, что на этот раз рядом с королем гордо шествовала Анжелика.

Возвращаясь во дворец, король позвал молодую женщину в свой кабинет, но не для того, чтобы обсудить с ней некоторые коммерческие вопросы, как делал это раньше. На этот раз его письменный стол был пуст. Затворив дверь, король подошел к ней и взял за руку.

— Прекрасная моя, — сказал он. — Моему терпению наступил конец? вы несравненны. Сегодня утром я не видел никого, кроме вас. Вы были для меня, как солнце, как недосыгаемая звезда, как свежая вода для путника. Но что это: вы здесь, возле меня, но я не могу обнять вас? Почему? Почему вы так жестоки?

Он трепетал от страсти, которая, неразделенная, вот-вот готова была перерасти в гнев.

— Не думайте, что вам удастся долго играть со мной. В конце концов я заставлю вас подчиниться.

— Вы станете тогда моим врагом.

— Не уверен в этом. Раньше я думал, что ваше сердце станет открытым для меня, если я буду терпелив. Но вы не из сентиментальных. Прежде чем привязаться к своему любовнику, вы должны хорошо узнать его. Когда я овладею вашей плотью, я проникну в ваше сердце.

И он добавил тихо:

— Ах! Ваше тело действует на меня, как дурман... Когда мы все же соединимся с вами, то уже не разлучимся никогда. Мы призваны вдвоем править миром, как Адам и Ева.

— Госпожа де Монтеспан считает, что я занимаю ее место, — слегка улыбнувшись, сказала Анжелика.

— Госпожа де Монтеспан! Мало ли что придет ей в голову! Вы думаете, я слепой? Что я не знаю о ее злом сердце, интригах и непомерной гордости? Нет, она просто красивая... и иногда забавная. Стоит вам только пожелать, и она навсегда покинет дворец!

Голос его был уже проникновенным, он держал ее за обе руки.

— Когда-нибудь вы позволите мне отвезти вас на Ситеру, остров любви? Когда-нибудь... Обещайте мне...

Отвечая на его поцелуи, она успела выговорить:

— Обещаю.

Она знала, что этот день неизбежно настанет. Теперь, избежав столько опасностей, угрожавших ее жизни, это ожидание любви наполнит ее одновременно чувством трепета и триумфа. Будет ли это завтра? Или позже? Ответ зависит от нее, и все же она предвкушала сладостное ожидание, точно бросала новый вызов судьбе.